

УДК. 358.39

П.А. Федоров*

Конвойные войска НКВД СССР в боях начального периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Статья посвящена участию конвойных войск НКВД СССР в боях с противником в начальном периоде Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Рассматривается вклад этих войск в срыв расчетов Германии на «молниеносную войну».

Ключевые слова: конвойные войска, начальный период войны, оборонительные бои, охрана войскового тыла.

P.A. Feodorov*. Soviet convoy troops of NKVD in battle actions of the initial period of The Great Patriotic War of 1941-1945.

The article is devoted to the Soviet convoy troops of NKVD participation in battles with the enemy in the initial period of The Great Patriotic War of 1941-1945. Here the contribution of these troops in the failure of the calculations of Germany on «blitzkrieg» is considered.

Keywords: convoy troops, initial period of war, defensive fights, protection of army rear.

Конвойные войска НКВД СССР к началу Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. организационно состояли из двух дивизий и семи бригад и насчитывали 38311 человек¹. Начальником войск был генерал-майор В.М. Шарапов, выходец из крестьян Тамбовской губернии, участник Первой мировой и Гражданской войн, служивший в конвойной страже с февраля 1923 г.²

Руководство своими подчиненными он осуществлял через соответствующее Управление (УКВ НКВД СССР), на которое возлагались организация конвоирования осужденных и подследственных арестованных, наружной охраны ряда тюрем НКВД СССР, боевой, политической и специальной подготовки личного состава войск, а также обеспечение его высокого политико-морального состояния, боевой готовности и дисциплины.

Помимо выполнения своих «повседневных» задач конвойные войска в мае-июне 1941 г. обеспечивали депортацию «социально чуждых» групп населения с территорий, присоединенных к СССР в 1939-1940 гг. после начала Второй мировой войны. В операции были задействованы главным образом 13-я конвойная дивизия, 41-я и 42-я конвойные бригады, чьи части дислоцировались и выполняли служебно-боевые задачи в западных районах страны.

Депортация, участие в которой принимал личный состав названных соединений, одной из своих целей преследовала стабилизацию обстановки и предупреждение появления «пятой колонны» в предполагавшемся тылу Красной Армии в преддверии «большой» войны с гитлеровской Германией.

Начало войны заставило НКВД СССР свернуть эту операцию и «переключить» войска на решение другой срочной проблемы – эвакуацию заключенных из тюрем и исправительно-трудовых учреждений, оказавшихся на пути наступающих немецких армий. Одновременно с этим рядом частей и подразделений конвойных войск пришлось принять участие и в оборонительных боях начального периода войны.

В работах, посвященных истории внутренних войск, разделы об их служебно-боевой деятельности в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. традиционно начинаются с упоминания о том, что среди защитников легендарной Брестской крепости были бойцы и командиры 132-го отдельного батальона войск НКВД. Именно на стене его казармы, располагавшейся рядом с Тереспольскими воротами крепости, осталась сделанная неизвестным героем памятная надпись: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина! 20/VII. 1941 г.»³.

* Федоров, Павел Александрович, заместитель начальника отдела организации научных исследований Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент. Санкт-Петербург, пл. Репина, 1. Тел. (812) 495-23-37.

* Feodorov, Pavel Alexandrovich. The deputy chief of department of the organization of scientific researches of the St.-Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the candidate of jurisprudence, the senior lecturer. St.-Petersburg, Repin square, 1. Ph. (812) 495-23-37.

Батальон, о котором идет речь, входил в состав 42-й бригады конвойных войск. Накануне войны его подразделения помимо Бреста дислоцировались в гг. Пружаны, Кобрин, Пинск. 19-21 июня 1941 г. большая часть личного состава батальона выполняла задачи по депортации «спецконтингента» из Барановичской, Брестской и Пинской областей Белоруссии и находилась в конвоях, а его командир капитан А.С. Костицын, – в служебной командировке в Москве. Непосредственно в Бресте в ночь на 22 июня оставалось около 100 человек, включая и тех, кто нес в этот день службу по охране двух тюрем⁴. Они-то вместе с бойцами и командирами расквартированных в Брестской крепости частей Красной Армии, а также несколькими небольшими гарнизонами 60-го полка войск НКВД, охранявшими объекты Брест-Литовской железной дороги, и приняли на себя первый удар противника.

Известно, что последние защитники крепости оказывали сопротивление более месяца. Но связь с ней прервалась уже 22 июня. В тот же день Брест был занят немцами. Вечером 23 июня заместитель начальника УКВ НКВД СССР комбриг М.С. Кривенко, находившийся в Минске в штабе 42-й бригады, отправил в Москву донесение, в котором сообщал: «132 батальон (Брест): казармы разрушены артиллерийским огнем и авиабомбами. Караул, усиленный 25 красноармейцами, погиб, исполняя свой долг. Остальной состав мелкими группами начал прибывать в Минск»⁵...

В тяжелой ситуации оказались и другие части 42-й конвойной бригады. Ряд подразделений ее 240-го полка (г. Вильнюс, командир полка – майор К.В. Алексеев) 19-21-го июня 1941 года выполнял задачи по приему и конвоированию депортируемых из Литовской ССР. Оставшийся в местах постоянной дислокации личный состав с началом войны приступил к выполнению приказа заместителя наркома внутренних дел СССР комдива В.В. Чернышева об эвакуации из прифронтовых областей заключенных и начал прием их из тюрем Вильнюса, Каунаса, Паневежиса, Шауляя. Казармы полка в самом Вильнюсе подверглись бомбардировке немецкой авиации и были разрушены. Находившиеся в городе подразделения численностью около 120 человек, в т.ч. и конвой, осуществлявший прием заключенных из Вильнюсской тюрьмы, вынуждены были покинуть город⁶.

226-й полк (командир – майор Н.Я. Суховой), школа младшего начсостава 42-й бригады и несколько конвоев из 236-го полка (14-я конвойная дивизия, Москва) в течение 22-25 июня 1941 года оставались в районе столицы БССР, в одночасье ставшей прифронтовым городом и подвергавшейся непрерывным бомбардировкам. Сюда же, в Минск, стали стягиваться подразделения и отдельные группы военнослужащих бригады из других городов Белоруссии, а также прибывать пополнение, призванное из запаса.

Штаб бригады, при котором все это время находился комбриг М.С. Кривенко, продолжая по мере возможности осуществлять контроль за продвижением эшелонов с депортируемыми и приемом заключенных, приступил к проведению мероприятий, предусмотренных планами действий на военное время. 22 июня были приняты меры для организации противовоздушной обороны военного городка и летнего лагеря 226-го полка, началась эвакуация семей начсостава. По приказу начальника Минского гарнизона генерал-майора И.Н. Руссиянова личный состав бригады был привлечен к охране порядка в охваченном пожарами городе, обеспечению эвакуации из него партийно-правительственных учреждений и производственных предприятий, борьбе с диверсантами и парашютистами противника. Еще 22 июня 4-го взвода 226-го полка были направлены на предусмотренные на случай войны пункты приема военнопленных. Однако, добравшись только до Барановичей, они вернулись обратно. 25 июня, после оставления Минска частями Красной Армии, подразделения бригады (за исключением ее штаба и одной усиленной роты, которые оставили город вечером 26-го июня) перешли в лагерь 226-го полка «Прилуки», где на базе подошедших подразделений 132-го батальона согласно мобилизационного плана началось формирование 251-го конвойного полка. Его командиром был назначен срочно вернувшийся из командировки капитан А.С. Костицын. Полностью полк был сформирован в июле 1941 г. в пос. Катуар Московской области, куда бригада по приказу генерал-майора В.М. Шарапова прибыла на доукомплектование после ухода из лагеря и участия в оборонительных боях за переправы через р. Березину.

В ходе марша к реке бригада неоднократно подвергалась налетам немецкой авиации, во время одного из которых, утром 27 июня 1941 г., был убит ее командир полковник А.А. Плеханов. После его гибели командование соединением принял начальник штаба подполковник М.С. Ванюков. Под его руководством подразделения бригады, а вместе с ними и сводная рота 236-го конвойного полка во главе с лейтенантом Н.М. Мурашевым, в течение 2-3 июля удерживали переправы и восточный берег р. Березины на участках Чернявка-Броды, Погост-Вяцевицы общей протяженностью до 15 км, а затем были сменены частями 13-й армии. За два дня личный состав бригады отразил четыре мощных атаки противника.

Боевые действия 42-й конвойной бригады получили высокую оценку командующего 13-й армией генерал-лейтенанта П.М. Филатова и командира 44-го стрелкового корпуса комдива В.А. Юшкевича, вместе с войсками которых она вела бои за переправы⁷.

Помимо 42-й бригады, участие в первых оборонительных сражениях с немецко-фашистскими войсками приняли и другие части и соединения конвойных войск. В Прибалтике с началом войны в состав вновь сформированной 22-й мотострелковой дивизии войск НКВД ее командиром подполковником А.С. Головкин был включен 155-й отдельный конвойный батальон (г. Рига). В кровопролитных боях 22-й дивизии за столицу Латвии и переправы через р. Западная Двина батальон понес значительные потери и в первых числах июля по приказу начальника войск НКВД по охране тыла Северо-Западного фронта генерал-майора К.И. Ракутина был выведен из состава дивизии и отправлен в г. Псков⁸.

На Юго-Западном направлении, где продвижение немцев в первые недели войны из-за упорного сопротивления и контрударов войск Красной Армии было не столь стремительным, как в Белоруссии и Прибалтике, полки 13-й конвойной дивизии (командир дивизии – полковник А.И. Завьялов) имели возможность перейти к выполнению служебно-боевых задач в условиях военного времени. Однако и они в июле-октябре 1941 года в ходе неудачных для войск Юго-Западного фронта сражений за Украину и ее столицу были вовлечены в ожесточенные арьергардные бои.

Вспоминая драматические события сентября 1941 г. на Юго-Западном фронте, Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян писал, что, когда «вражеские танки свалились в Ромны как снег на голову, находившиеся в городе небольшие подразделения спецвойск и тыловых учреждений не сложили оружия. Они заняли круговую оборону отдельными очагами и дрались до конца»⁹.

Этим, по словам полководца, «небольшими подразделениями спецвойск» был 233-й полк 13-й конвойной дивизии, оказавшийся 10 сентября 1941 года единственным заслоном на пути рвавшихся на соединение с танковой группой Клейста танков Гудериана. Полк (командир – майор А.М. Дюльдин), дислоцировавшийся до войны в г. Львове, в связи с отходом частей Красной Армии из Галиции был переведен в район Киева, а в середине июля – сосредоточен в лагере Ракитное под Харьковом. 9 сентября 1941 г. по распоряжению начальника охраны войскового тыла Юго-Западного фронта полковника В.Т. Рогатина полк прибыл в г. Ромны, где на то время никаких частей Красной Армии не было. Утром 10 сентября на него обрушился удар 3-й танковой дивизии из танковой группы Гудериана. В течение суток личный состав полка, вооруженный лишь стрелковым оружием, отражал атаки танков и мотопехоты противника на подступах к г. Ромны, а затем, вынужденный оставить город, переправился на южный берег р. Сула и на новом рубеже удерживал переправы через нее еще в течение двух дней. За это время часть войск Юго-Западного фронта сумела отойти на новые рубежи и избежать окружения. Израсходовав весь боезапас и потеряв более двухсот человек только убитыми, полк оставил занимаемые позиции, сумел оторваться от противника и выйти из «котла», уготованного немцами для защитников Киева¹⁰.

В цитированной выше книге воспоминаний маршала И.Х. Баграмяна героическими названы боевые действия еще одного полка 13-й конвойной дивизии – 227-го (командир полка – майор Т.И. Вагин)¹¹. В начале августа 1941 г. полк по приказу Наркома внутренних дел УССР В.И. Сергиенко вошел в оперативное подчинение командира 4-й дивизии войск НКВД СССР по охране железных дорог полковника Ф.М. Мажирина и в ее составе выполнял задачи по охране тыла Юго-Западного фронта. В сентябрьских боях в Киевском укрепрайоне полк в течение трех суток отражал атаки одной из ударных группировок 6-й немецкой армии, направленные на прорыв к столице Украины со стороны Черниговского шоссе, обеспечивая отход 37-й армии (командующий – генерал-майор А.А. Власов), вел тяжелые арьергардные бои. В этих боях и в ходе попыток вырваться из окружения почти весь личный состав полка погиб¹².

Среди других частей 13-й конвойной дивизии, чьим бойцам и командирам так же, как и их товарищам из 227-го и 233-го полков, пришлось встретиться с врагом лицом к лицу, были 237-й (командир полка – майор Антонов) и 249-й (командир – майор Ф.И. Братчиков) полки. Первый из них в течение нескольких суток вел оборонительные бои под Новоукраинкой¹³, а батальон второго участвовал в обороне Одессы, полтора месяца осаждавшейся 4-й румынской армией¹⁴. После эвакуации гарнизона города оставшиеся в строю бойцы этого батальона сражались в Крыму, защищали Севастополь.

История сохранила также факты участия в боях в рассматриваемом периоде подразделений 225-го (Ленинград) и 252-го (г. Смоленск) конвойных полков, 146-го отдельного конвойного батальона (г. Орел)¹⁵.

И в этих случаях, так же, как и в рассмотренных выше, боевые столкновения с противником носили оборонительный характер и были непродолжительными. По мере стабилизации обстановки

принимавшие участие в боях подразделения и части конвойных войск заменялись на позициях частями Красной Армии и возвращались в подчинение начальников охраны войсковых тылов фронтов, институт которых был создан по приказу заместителя наркома внутренних дел СССР генерал-лейтенанта И.И. Масленникова от 26 июня 1941 г. № 167¹⁶ во исполнение Постановления СНК ССР от 25 июня 1941 г. № 1756-762сс¹⁷. Из более чем 163 тыс. военнослужащих пограничных и внутренних войск, выделенных в распоряжение начальников охраны войсковых тылов, около 23 тыс. (14%) принадлежали к конвойным войскам¹⁸. В составе соответствующих группировок они выполняли как задачи по охране тыла действующей армии, так и те, что были связаны с их прямым предназначением в военное время – приемом, охраной и конвоированием военнопленных. Следует отметить, что обстановка еще не раз, и в 1941, и в 1942 гг., вынуждала командование «бросать в бой» конвойные части в случаях, обусловленных необходимостью использовать все возможности, чтобы остановить наступление врага на стратегически важных направлениях (Москва, Ленинград, Ростов-на-Дону, Воронеж, Сталинград¹⁹).

Сегодня трудно назвать число потерь конвойных войск за первые месяцы войны. На 1 января 1942 г. по далеко не полным данным войска понесли урон убитыми и ранеными 380 человек; пропавшими без вести – 2359. Основная часть этих потерь пришлась на 13-ю дивизию, 41-ю и 42-ю бригады²⁰. Очевидно, что боевые потери были существенно большими, но учесть их все в трагические дни лета 1941 г. не представлялось возможным. Поэтому значительная часть погибших воинов попала, по-видимому, в списки «пропавших без вести».

Таким образом, участие конвойных частей НКВД СССР в боевых действиях в начальный период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. обуславливалось крайне неблагоприятной ситуацией для Красной Армии и носило относительно эпизодический характер. Уступая общевойсковым частям в тактической подготовке, в материально-техническом и инженерном обеспечении, имея лишь стрелковое оружие, конвойные части тем не менее проявили в оборонительных боях с немецко-фашистскими войсками стойкость и упорство. Об этом свидетельствуют как отзывы тех военначальников Красной Армии, под чьим руководством им пришлось сражаться, так и тот факт, что среди их личного состава не было случаев массовой сдачи в плен и панического отступления.

В том, что фашистский «блицкриг» не состоялся, есть, несомненно, заслуга и конвойных войск НКВД СССР, в первую очередь, – бойцов, командиров и политработников их 13-й дивизии, 41-й и 42-й бригад.

Среди тысяч памятников и обелисков, увековечивающих героев Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., немалое число посвящено военнослужащим войск Наркомата внутренних дел, в т.ч. их конвойных частей. Мемориальные сооружения и знаки в свое время были установлены там, где летом-осенью 1941 г. сражались воины названных выше соединений – в Бресте, Вильнюсе, Львове, Ромнах, Орле; в Киевской и Одесской областях²¹. К сожалению, судьба части из них после распада СССР оказалась плачевной. Но она является еще одним подтверждением необходимости тщательного и объективного исследования малоизученных страниц Великой Отечественной войны, к одной из которых относится и боевая деятельность конвойных войск в рассматриваемый период.

Список литературы

1. **Алексеевков, А. Е.** Внутренние войска в системе правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) (партийно-государственный аспект). – СПб., 1995.
2. **Баскаков, В. В.** Деятельность внутренних войск в период Московской битвы (30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.): исторический аспект : дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1996.
3. **Баграмян, И. Х.** Так шли мы к Победе. – М., 1988.
4. **Белозеров, Б. П.** Войска и органы НКВД в обороне Ленинграда (июнь 1941 г. – январь 1944 г.) (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996.
5. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. – М., 1975.
6. Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны. – М., 1981.
7. Внутренние войска МВД Республики Беларусь. История и современность. – Минск, 2006.
8. Внутренние войска: время, события, люди. – М., 2008.
9. Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк. – М., 1982.
10. Вторая мировая война. Итоги и уроки. – М., 1985.
11. История строительства внутренних войск. 1917-1945 гг. (Краткий очерк). – Ч. 1. – М., 1978.
12. **Кривец, В., Штутман, С.** Боевые потери войск НКВД // На боевом посту. – 1990. – № 4.
13. Память: Внутренние войска МВД Республики Беларусь. Историко-документальная хроника. – Минск, 2008.

14. **Сидоренко, В. П.** Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 2006.
15. **Топтыгин, А. В.** Неизвестный Берия. – СПб., М., 2002.
16. **Штутман, С. М.** Внутренние войска: история в лицах. – М., 2004.

Literature

1. **Alexeenkov, A. E.** Internal troops in law enforcement system during the Great Patriotic War of 1941-1945 (party-state aspect). – SPb., 1995.
2. **Baskakov, V. V.** Internal troops activity in the period of the Moscow fight (30.09.1941-20.04.1942): historical aspect. The dissertation of the candidate of historical sciences. – SPb., 1996.
3. **Bagramyan, I. H.** So we went to a victory. – Moscow, 1988.
4. **Belozorov, B. P.** Troops and bodies of the NKVD in the defense of Leningrad (July 1941 – January 1944) (historical and legal aspect). The dissertation of the candidate of jurisprudence. – SPb., 1996.
5. Internal troops in the Great Patriotic War of 1941-1945. Documents and materials. – Moscow, 1975.
6. Internal troops during the years of the Great Patriotic War. – Moscow, 1981.
7. Internal troops of the Republic of Belarus. History and modernity. – Minsk, 2006.
8. Internal troops: time, events, people. – Moscow, 2008.
9. Troops called internal. – Moscow, 1982.
10. Second World War. Results and lessons. – Moscow, 1985.
11. History of the construction of internal troops. 1917-1945. – Part 1. – Moscow, 1978.
12. **Krivets, V., Shtutman, S.** Combat losses of the NKVD // On a fighting post. 1990. № 4.
13. Memory: Internal troops of the Republic of Belarus. Historical documentary chronicles. – Minsk, 2008.
14. **Sidorenko, V. P.** Internal troops in the Great Patriotic War. – SPb., 2006.
15. **Toptygin, A. V.** Unknown Beria. – SPb., Moscow, 2002.
16. **Shtutman, S. M.** Internal troops: history in the faces. – Moscow, 2004.

¹ См.: История строительства внутренних войск. 1917-1945 гг. (Краткий очерк). Ч. 1. М., 1978. С. 172; Алексеев А.Е. Внутренние войска в системе правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) (партийно-государственный аспект). СПб., 1995. С. 13.

² См.: Штутман С.М. Внутренние войска: история в лицах. М., 2004. С. 153.

³ См.: Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны. М., 1981. С. 3; Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк. М., 1982. С. 170 и др.

⁴ См.: Внутренние войска МВД Республики Беларусь. История и современность. Минск, 2006. С. 81.

⁵ Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. М., 1975. С. 56.

⁶ См.: Внутренние войска МВД Республики Беларусь. История и современность. С. 92.

⁷ См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. С. 58-61; Память: Внутренние войска МВД Республики Беларусь. Историко-документальная хроника. Минск, 2008. С. 140-143.

⁸ См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. С. 38-39.

⁹ Баграмян И.Х. Так шли мы к Победе. М., 1988. С. 176.

¹⁰ См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. С. 13, 273-274; Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк. М., 1982. С. 230; Топтыгин А.В. Неизвестный Берия. СПб., М., 2002. С. 122-123.

¹¹ См.: Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 193, 197.

¹² См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. С. 292-294; Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк. С. 228-229.

¹³ См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. С. 272-273; Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк. С. 230.

¹⁴ См.: Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 53; Внутренние войска: время, события, люди. М., 2008. С. 60.

¹⁵ См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. С. 139; Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк. С. 207-208; Внутренние войска: время, события, люди. С. 298.

¹⁶ См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. С. 544.

¹⁷ См.: История строительства внутренних войск. 1917-1945 гг. Краткий очерк. С. 180.

¹⁸ См.: Алексеев А.Е. Внутренние войска в системе правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). С. 171-172; Сидоренко В.П. Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2006. С. 286- 283.

¹⁹ См.: Баскаков В.В. Деятельность внутренних войск в период Московской битвы (30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.): исторический аспект. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996; Белозеров Б.П. Войска и органы НКВД в обороне Ленинграда (июнь 1941 г. – январь 1944 г.) (историко-правовой аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996 и др.

²⁰ См.: Кривец В., Штутман С. Боевые потери войск НКВД // На боевом посту. 1990. № 4. С. 25.

²¹ См.: Внутренние войска: время, события, люди. М., 2008. С. 291-350.

УДК 94(47+571)

А.В. Захарченко

ПРОБЛЕМА СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НКВД– МВД в 1930–1950-е ГОДЫ

ГУЛАГ как один из ключевых субъектов экономики СССР регулярно сталкивался с проблемой повышения производительности труда заключенных. Руководство системы исправительно-трудовых учреждений НКВД–МВД пыталось совмещать внеэкономические методы трудовой мотивации с введением заработной платы и применением условно-досрочного освобождения, реализуя, таким образом, карательную и экономическую функции.

Ключевые слова: ГУЛАГ, методы трудовой мотивации, заработная плата.

Среди вопросов, связанных с экономической деятельностью НКВД – МВД в народнохозяйственном комплексе СССР, особое место занимал поиск оптимальных методов трудовой мотивации заключенных. Как показывают архивные документы, эта тема активно обсуждалась высшим партийно-государственным руководством, в том числе в НКВД – МВД в 1930–1950 гг., в результате чего система трудового стимулирования заключенных подвергалась существенным корректировкам.

После того как на исправительно-трудовые учреждения ОГПУ было возложено выполнение важнейших народнохозяйственных задач, был разработан комплекс мер по мотивированию труда заключенных. Так, «Положение об исправительно-трудовых лагерях», вступившее в силу в 1930 г., предусматривало такие виды поощрений, как улучшение жилищных и бытовых условий, денежное вознаграждение (премирование), а также представление заключенного к досрочному освобождению аттестационной комиссией. Утвержденный 1 августа 1933 г. постановлением ВЦИК и СНК СССР «Исправительно-трудовой кодекс» дополнял этот список зачетом рабочих дней, которые могли начисляться заключенным за «особо продуктивную работу». В приказах по Управлению лагерей ОГПУ в начале 1930-х гг. содержатся сведения о создании денежных фондов для материального поощрения заключенных (на строительстве дороги Кунгур – Свердловск, строительство Беломоро-Балтийского канала и др.).

Однако наиболее серьезным стимулом для заключенных были зачеты рабочих дней, то есть сокращение сроков заключения в определенной пропорции к количеству отработанных в лагерном производстве дней. 31 января 1935 г. народный комиссар внутренних дел Г. Ягода подписал «Временное положение» о зачетах рабочих дней. НКВД рассматривал такой инструмент стимулирования в руках лагерной администрации с двух сторон. С одной стороны, это возможность для хорошо работающих заключенных сократить себе срок, с другой – это угроза аннулировать уже накопленные «зачеты» узникам, уличен-

ным в нарушении режима и дисциплины. В то же время «Временное положение» ставило ограничение в применении этого ресурса трудовой мотивации для осужденных по «политическим» статьям: к осужденным по статьям «шпионаж», «террор», «диверсия», «измена родине» зачет рабочих дней разрешалось применять только по специальной санкции ГУЛАГа в каждом отдельном случае¹.

Другим рычагом стимулирования производительности труда была политика по внедрению заработной платы в лагерях и колониях. Приказом НКВД от 9 июня 1935 г. в качестве эксперимента она вводилась с 1 июля на строительстве канала Москва – Волга. Заключение должны были получать заработанную сумму за вычетом стоимости содержания в лагере. 8 сентября того же года приказом заместителя наркома внутренних дел Я. Агранова *«в целях повышения производительности труда в лагерях и местах заключения начиная с 1 января 1936 г. выдача премиальных вознаграждений заменялась прямой неограниченной сдельщиной»*.

В то же время, несмотря на существенные плюсы, система зачетов таила и определенные минусы, прежде всего организационного и бюрократического плана (необходимость вести строгий ежеквартальный учет, наличие злоупотреблений, приписок и т.д.), которые преодолеть в условиях изолированной и действовавшей фактически вне рамок правового поля системы лагерей НКВД (лагеря в основном руководствовались внутренними инструкциями наркомата и ГУЛАГа, а также разного рода временными положениями) было почти невозможно. Однако партийно-государственное руководство СССР обратило внимание на другой изъян, угрожавший основам принудительного труда – вероятный массовый отток наиболее производительной рабочей силы из лагерей в силу досрочного освобождения, о чем недвусмысленно заявил И.В. Сталин на заседании Президиума Верховного Совета 25 августа 1938 г. *«...Они (заключенные) уходят с работы. Нельзя ли придумать другую форму оценки их работы – награды и т.д.? Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо...Будут освобождаться лучшие, а остаются худшие. Нельзя ли дело повернуть по-другому – чтобы люди эти оставались на работе – награды давать, ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться (?!)...Может быть, так сказать: досрочно их сделать свободными от наказания с тем, чтобы они оставались на строительстве как вольнонаемные? А старое решение нам не подходит. Давайте...поручим НКВД придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте. Досрочное снятие судимости – может быть, так сказать? Семью нужно дать им перевезти и режим для них изменить несколько, может быть, их вольнонаемными считать. Это как у нас говорилось – добровольно-принудительный заем, так и здесь – добровольно-принудительное оставление»*².

Мнение вождя определило дальнейший курс на свертывание системы зачетов, через некоторое время НКВД стал практиковать прикрепление за-

ключенных, чей срок наказания истек, за старым местом работы (строительство, производство) в качестве вольнонаемных, а в годы войны – трудмобилизованных – с запретом покидать место работы.

9 апреля 1939 г., по всей видимости в соответствии с пожеланиями И.В. Сталина, нарком внутренних дел Л.П. Берия направил В.М. Молотову письмо с предложением рассмотреть вопрос об отмене условно-досрочного освобождения заключенных, аргументируя это тем, что осужденные, если они хорошо работают, освобождаются досрочно в массовом порядке по истечении половины, а иногда и 1/3 установленного судом срока наказания. Нарком предлагал заменить зачеты старыми стимулами – улучшением материального снабжения и питания, денежным премированием и облегчением лагерного режима, оставив в виде исключения право Особого совещания НКВД по ходатайству руководства лагеря освобождать отдельных заключенных, проявивших себя как отличников производства. В качестве «кнута» Берия рассматривал применение к нарушителям режима и отказчикам от работы *«суровых мер принуждения – усиленный режим, карцер, а в отдельных случаях высшую меру наказания»*³.

Интересно, что по поднятой проблеме развернулась дискуссия. Глава правительства – председатель Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотов направил письмо Л.П. Берии на рассмотрение наркому юстиции СССР Н.М. Рычкову и прокурору СССР А.Я. Вышинскому, которые высказались против отмены условно-досрочного освобождения, так как она, как они полагали, *«является мощным стимулом в укреплении дисциплины и повышении производительности труда»*. По вопросу применения высшей меры к «дезорганизаторам лагерной жизни» мнения разделились. Вышинский, поддержав ее, отметил, что высшая мера наказания должна использоваться при условии точного соблюдения законов. Рычков же выступил против, заявив, что есть и другие меры наказания – карцер, усиленный режим, тюрьма. Первоначально предложения Берии было решено снять с обсуждения на одном из совещаний СНК 7 июня 1939 г. Однако Сталин поддержал «инициативу» НКВД, о чем свидетельствует принятое 10 июня 1939 г. постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О лагерях НКВД»⁴. А 15 июня постановление об отмене условно-досрочного освобождения и ужесточении репрессивной политики в лагерях было оформлено в виде Указа Президиума Верховного Совета СССР⁵.

В послевоенный период руководство НКВД вынуждено было корректировать политику трудового стимулирования. Это объяснялось возросшими плановыми заданиями по строительству и производству, которые были возложены на хозяйственные организации НКВД. В письме заместителя министра внутренних дел В.В. Чернышова начальнику ГУЛАГа В.Г. Наседкину 31 марта 1947 г. предлагалось проработать вопрос о переводе всех лагерей и колоний на госбюджет, поскольку многие учреждения, содержащие заключенных, не в состоянии оплатить необходимое продовольствие, вещевое снабжение и капитальные работы в связи с убытками на производстве и строительстве. В.В. Чернышов предлагал подумать над вопросом о возвра-

щении старых форм стимулирования труда заключенных, которые могли бы получать часть заработанных ими денег на руки для улучшения своего бытового положения. Следовало бы, по мнению замминистра, вернуться и к зачетам рабочих дней. К такому суждению В.В. Чернышова подтолкнули тревожные сигналы с мест, когда начальники главков и отдельных хозяйственных подразделений писали о снижении производительности труда ввиду отсутствия необходимых стимулов у заключенных. Позиция руководства МВД по этому вопросу была сформулирована министром внутренних дел С.Н. Кругловым в ноябре 1948 г., когда он направил в правительство записку «О мерах по улучшению работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД», в которой, отмечая недостаток рабочих рук в лагерях вследствие послевоенной амнистии и освобождения военнопленных, предлагал решить эту проблему путем улучшения стимулов к повышению производительности труда: сокращения срока наказания для хорошо работающих заключенных, введения взамен не оправдавшей себя системы премвознаграждений денежной оплаты труда заключенных. Тем самым предлагалось покончить с базовой идеей самоокупаемости ГУЛАГа⁶. Предложения Круглова были услышаны, и 20 ноября 1948 г. Совет Министров СССР выпустил постановление о частичном введении зарплаты заключенным на производстве. Затрагивало оно один из крупнейших главков МВД – Дальстрой. Отныне узники Дальстроя за счет своей зарплаты полностью оплачивали свое содержание и налоги. 13 марта 1950 г. опыт Дальстроя очередным постановлением Совмина был распространен на все исправительно-трудовые лагеря и колонии МВД⁷. Если затраты на содержание заключенного оказывались выше его фактического заработка, то на руки ему выдавалось 10 % суммы.

С введением заработной платы сразу возникли трудности с ее начислением. Руководство производственно-хозяйственных подразделений МВД, весьма положительно относясь к идее перехода от самоокупаемости лагерей к их дотированию из госбюджета (это избавляло от необходимости вести тяжелую борьбу за рентабельность и экономию), при составлении фондов зарплаты зачастую переносило тарифную ставку вольнонаемных специалистов на оплату заключенных. Это естественно «утяжеляло» смету и влекло за собой дополнительные расходы, что вызывало нарекания в центральном аппарате МВД. В докладной записке заместителя начальника Главгидростроя МВД СССР М.Н. Попова заместителю министра внутренних дел В.В. Чернышову 4–5 октября 1949 г. содержалось указание на ошибку в финансовом плане на 1950 г. по Волгодонстрою. В представленной смете доходная часть предусматривала расчеты с заключенными по зарплате исходя из расценок по вольнонаемным строителям, тарифицируемых по среднему разряду в 6,5, что составляло 20 руб. 77 коп. на один отработанный человеко-день. В то же время работу заключенных на строительстве оценивали по усредненному разряду 3,5–3,7, следовательно, тарифная ставка в этом случае равнялась 13,5–14 руб. на один человеко-день. Как отмечал М.Н. Попов, это приведет к завышению фонда зарплаты по Волгодонстрою минимум на 132 млн. руб. Поэтому начальник гидростроительного главка просил плановый отдел МВД пересмот-

реть фонд зарплаты Волгодонстроя, оставив оплату в 20 руб. 77 коп. одного человеко-дня по среднему разряду 6.5 только для вольнонаемных рабочих (скреперистов, экскаваторщиков и других высококвалифицированных работников строительства)⁸.

Судя по сохранившимся документам, установленные вычеты из зарплаты заключенных на их содержание были достаточно большими и во многом нивелировали эффект стимулирования. Так, в 1951 г. на строительстве Куйбышевской ГЭС при начислении среднемесячной зарплаты заключенным в 397 руб. на руки они в среднем получали 200 руб., при этом 7% заключенных получали лишь минимальные 10%. Еще хуже были заработки заключенных на Сталинградской ГЭС – 329 и 132 руб. соответственно. Здесь 11% заключенных получали 10-процентный минимум. Приведенные данные по зарплате заключенных отражают такую же тенденцию и по другим главам МВД. Согласно докладу министра внутренних дел С.Н. Круглова, посвященному мерам по улучшению работы лагерей и колоний, который он сделал на совещании руководящих работников исправительно-трудовых учреждений МВД, средний заработок заключенных по всем лагерям и колониям МВД в 1953 г. составил 324 руб., а за всеми вычетами заключенные получали по 129 руб. 25 коп.⁹ В сравнении с окладами квалифицированных вольнонаемных рабочих предприятий гражданских наркоматов зарплата заключенных была значительно ниже. Рабочий угольной промышленности в месяц получал 1465 руб., цветной металлургии – 1343 руб., на швейных фабриках – 651 руб.¹⁰.

Насколько оправданным являлось внедрение заработной платы в системе исправительно-трудовых лагерей и колоний? Источники оставляют достаточно противоречивую картину. С одной стороны, в документах руководства МВД вплоть до самого высокого уровня подчеркивалась важность и необходимость такой меры. На уже упомянутом заседании министр внутренних дел Круглов заверил слушателей, что «перевод на зарплату оказал существенное влияние на рост производительности труда заключенных, на повышение их трудовой дисциплины на производстве, на сокращение нарушений лагерного режима»¹¹.

В 1953 г. в направленной заместителю министра внутренних дел Серову записке по общему анализу результатов перевода заключенных на систему зарплаты за первое полугодие плановый отдел министерства отмечал, что каждый заключенный получает зарплату в прямой зависимости от результатов своего личного труда. Заключенные, будучи заинтересованными в повышении своего заработка, предъявляют к своему руководству требования об устранении имеющихся место недостатков. Получение заработной платы и возможность приобретения дополнительного питания и вещевого довольствия благоприятно отражается на физическом состоянии контингента. Все это, как считали в плановом отделе, *«приводит к повышению производительности труда и улучшению финансового состояния лагерей – основной цели перевода заключенных на систему заработной платы»*¹².

Согласно проверке отчетности по лагерям и колониям в трех республиках, десяти областях и краях в течение апреля-мая 1951 г. в подразделениях

ГУЛАГа, имеющих собственное производство, число не выполняющих нормы выработки снизилось на 6,5%, выработка на одного рабочего повысилась во II квартале 1951 г. по сравнению с I кварталом на 14,3%¹³.

С другой стороны, в центральный аппарат министерства поступало множество сигналов о проблемах, вызванных решением внедрить зарплату для узников МВД. Но, как свидетельствуют документы ГУЛАГа и региональных производственно-хозяйственных подразделений, добиться улучшения финансовой системы исправительно-трудовых учреждений путем внедрения зарплаты было очень сложно в силу сущности самой лагерной системы и её обитателей. Одно из отрицательных последствий внедрения зарплаты – рост злоупотреблений с её начислением, манипуляции с учетом выполненных производственных норм (приписки). Например, 1 июня 1951г. группой сотрудников Управления Сталинградгидростроя МВД СССР (начальником отдела труда и зарплаты Бурбелем, начальником планового отдела Стефанюком и начальником технической инспекции Курниковым) был подготовлен доклад по анализу причин перерасхода фонда заработной платы по строительным районам Управления. В докладе отмечалось, что прорабы и мастера на стройплощадках не знают фонда зарплаты, хотя сведения такого характера доводятся плановым отделом¹⁴ вместе с планом работ до строительных участков. Такая ситуация объясняется тем, «что от них никто не требует правильного расходования фонда. Подобная бесконтрольность привела к завышению объемов работ по нарядам, непродуманной организации работ, содержанию сверхштатных должностных единиц, низкому качеству работ, безнаказанному действию бракоделов»¹⁵. Особое беспокойство у авторов доклада вызвали приписки, то есть завышение реальных объемов выполненных работ и занесение этих данных в отчетные документы, по которым начислялась зарплата заключенным и вольнонаемным. Только за апрель 1951 г. по жилищно-гражданскому городскому строительному управлению Сталинградгидростроя перерасход фонда зарплаты составил 184851 руб. Анализируя причины такого перерасхода, авторы доклада в качестве основной называли отсутствие контроля по нормированию работ: «...На больших объектах приписки и намазки нагромождаются одна на одну... Приписки к объемам вспомогательных работ приняли массовый, хронический характер... Десятники и прорабы при попустительстве начальников участков всю работу по оформлению нарядов, включая описание работ, определение объемов, применение расценок, передоверили бригадирам из заключенных. У этих работников, видимо, не хватает времени для выполнения своих прямых служебных обязанностей»¹⁶.

В уже упомянутом отчете планового отдела МВД СССР констатировались регулярно повторяющиеся «отклонения» в ГУЛАГе и других производственных главках МВД: «Приписки, записи объемов работ, выполненных одними бригадами, другим для начисления им прогрессивки... Значительная часть низового нормировочного аппарата замещена заключенными, которые зачастую, находясь под влиянием бандитствующих элементов или под действием угроз, а иногда и по соглашению, сознательно допускают приписки и неправильное нормирование нарядов»¹⁷.

После войны в МВД вернулись и к зачетам рабочих дней. Первыми их стали практиковать в лагерях Главпромстроя, который был задействован в реализации атомного проекта¹⁸.

21 июня 1948 г. приказом МВД и генпрокурора на основании постановления Совмина в целях повышения производительности труда заключенных и обеспечения выполнения производственных планов Дальстроя в двух лагерях этого главка вводилась система зачетов, причем для всех категорий заключенных, в том числе и осужденных на каторжные работы¹⁹.

9 декабря 1948 г. заместитель министра внутренних дел В.В. Чернышов направил своему шефу С.Н. Круглову телеграмму о необходимости ввести зачеты рабочих дней на строительстве Волго-Донского канала. Аргументация заключалась в том, что в условиях нехватки рабочих рук (пока на строительство в нужном количестве не поступила техника) требуются мощные стимулы к труду. Чернышов просил поставить этот вопрос о распространении опыта Дальстроя и Главпромстроя на Волгодонстрой²⁰.

Характерно, что ряд местных партийных руководителей оценил решения МВД вновь перейти к практике условно-досрочного освобождения заключенных как определенный сигнал. В Совмин СССР и непосредственно в МВД поступают обращения секретарей региональных парторганизаций с просьбой разрешить применять на строительстве объектов и предприятий вверенных им областей систему зачетов. К числу таких обращений относится записка руководителя Мурманской областной парторганизации Прокофьева, направленная на имя заместителя председателя Совета Министров СССР Л.П. Берии 8 июля 1950 г. В ней руководитель обкома просил *«распространить зачеты высокой производительности труда с соответствующим снижением срока заключения на временных рабочих (так он именовал заключенных. — А.З.), задействованных на новостройках Мурманской области²¹, поскольку ход строительства многих объектов отстает от намеченных темпов»*. Аналогичное обращение направил Л.П. Берии руководитель Челябинского обкома Н.В. Лаптев, предлагавший распространить условно-досрочное освобождение на заключенных, занятых на Челябинском тракторном заводе. С просьбой ввести зачеты на стройках МВД в Азербайджане обратился и секретарь ЦК этой республики Багиров²². Однако желания региональной партноменклатуры, как оказалось, не совпадали с позицией центрального руководства (в лице того же зампреда Совмина Л.П. Берии, курировавшего в правительстве вопросы органов внутренних дел). Старые опасения (высказанные Сталиным еще в 1938 г.) о неизбежном дефиците рабочих рук на промышленных предприятиях и стройках, которые обслуживались лагерями и колониями, являлись, пожалуй, одним из главных аргументов такой позиции. Этим и объясняется отказ, полученный региональными партийными лидерами от МВД, где подчеркивали, что зачеты вводятся в виде исключения, а не повсеместно, и только на крупных и важнейших для экономики страны объектах.

Всего же за период с мая 1948 г. по сентябрь 1950 г. зачеты были распространены на 60 лагерей и колоний МВД, где содержался 21% заключенных.

С другой стороны, МВД подверглось в вопросе о зачетах давлению со стороны тех, кто являлся противником применения условно-досрочного освобождения в исправительно-трудовых учреждениях. В частности, Генеральная прокуратура СССР выразила свое несогласие, учитывая, что указ Президиума Верховного Совета от 15 июня 1939 г. об отмене зачетов никто не отменял. В записке генпрокурора Г. Сафонова, посланной на имя Л.П. Берии, отмечалось, что практика зачетов подрывает стабильность приговоров судебных органов и снижает эффективность борьбы с преступностью. Оплата труда, введенная для заключенных постановлением Совета Министров от 13 марта 1950 г., может, по мнению генпрокурора, вполне заменить зачеты как стимул повышения производительности труда²³. Очевидно, Л.П. Берия направил записку Круглову, и тот 13 сентября 1950 г. дал ответ, в котором отвел все упреки прокуратуры. Министр внутренних дел отметил, что зачеты не распространяются на лиц, осужденных за контрреволюционную деятельность (шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, анархисты, правые эсеры, меньшевики, националисты, белоэмигранты и т.д., которые содержатся в особых лагерях), и подчеркнул, что практика зачетов себя полностью оправдала. Про его словам, во всех лагерях, где они введены, отмечены высокая производительность труда и улучшение состояния режима. В лагерях Норильска, Дальстроа, Волгодонстроа после введения зачетов рабочих дней производительность поднялась на 20–30 %. И увеличилось число заключенных, выполняющих 1,5–2 нормы за смену.

В то же время введение зачетов всерьез поставило вопрос об оттоке на волю наиболее трудоспособной рабочей силы с необходимыми производственными навыками, которой многие стройки и предприятия МВД лишались в силу досрочного освобождения. Особенно это касалось лагерныхстроек, расположенных в отдаленных районах страны, где не хватало рабочих рук. В итоге МВД предложило вариант, который уже был опробован накануне и в годы войны – закреплять освобождаемых заключенных на тех объектах, где они трудились в период отбывания срока наказания. Тем более что еще 7 апреля 1952 г. такое разрешение было дано Дальстрою. Обращение С.Н. Круглова по данной проблеме было услышано, и 16 августа 1952 г. Совет Министров выпустил постановление о «закреплении на важнейших предприятиях и стройках МВД лиц, освобождаемых из лагерей от дальнейшего наказания в связи с применением зачетов рабочих дней»²⁴. Правительство мотивировало это решение необходимостью создания постоянных кадров рабочих и ИТР на стройках МВД. Право оставлять у себя в качестве вольнонаемных тех, кто получал досрочное освобождение по зачетам, предоставлялось не всем, а только важнейшим организациям МВД – Главпромстрою, Главнефтеспецстрою, Куйбышевской, Сталинградской ГЭС, строительству Волго-Балтийского водного пути, строительству Туркменского канала.

Таким образом, МВД занимало промежуточную позицию, которую условно можно назвать компромиссной. Вводя в практику трудовой мотивации зачеты рабочих дней, их рассматривали как важную для повышения производительности труда и реализации хозяйственных задач меру. Сохранялось

убеждение в том, что такая мера не должна была заслонять собой одно из важнейших направлений карательной политики – «*изоляцию социально-опасных правонарушителей и контрреволюционных элементов*». Не случайно в докладе заместителя начальника ГУЛАГа НКВД СССР А.П. Лепилова, адресованном Л.П. Берии и его заместителям Чернышову и Кобулову в марте 1940 г., подчеркивалось, что «*охрана социалистического общества от опасных и враждебных элементов является первой основной функцией ГУЛАГа НКВД*», в то время как функция «*трудового использования заключенных в целях воспитания у значительной их части трудовых навыков и приобщения всего их состава к социалистическому строительству*» называлась во вторую очередь²⁵. Однако, превратившись в одного из крупнейших субъектов экономической деятельности, НКВД – МВД вынужден был в процессе реализации хозяйственных задач учитывать и вторую вышеназванную функцию. В таком случае государство, исходя из экономических интересов, отдельными постановлениями и приказами вносило коррективы в карательную политику.

Так или иначе, однажды обратившись к таким источникам трудовой мотивации заключенных ГУЛАГа, как введение заработной платы и условно-досрочного освобождения по совокупности зачетов рабочих дней, и в центральном государственном аппарате, и в руководстве МВД балансировали между двумя функциями исправительно-трудовой системы, тщетно стараясь найти «золотую середину».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 3. Экономика Гулага / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М., 2004. С. 128, 129.

² ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под. ред. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2002. С. 113.

³ История сталинского Гулага... С. 161.

⁴ Там же. С. 539.

⁵ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960... С. 117.

⁶ ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005. С. 140.

⁷ История сталинского ГУЛАГа... С. 304–306.

⁸ Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР: Собрание документов. М., 2008. С. 222, 223.

⁹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960... С. 669.

¹⁰ Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. М.; Тамбов, 2000. С. 65.

¹¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960... С. 669.

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 137, 138. Цит. по: ГУЛАГ: экономика принудительного труда. С. 148.

¹³ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 90, 91. Цит. по: ГУЛАГ: экономика принудительного труда. С. 147.

¹⁴ Плановый отдел определял на все строящиеся объекты фонд зарплаты.

¹⁵ Государственное учреждение «Государственный архив Волгоградской области» (далее – ГУ ГАВО). Ф. Р 6497. Оп.1. Д. 6. Л. 68.

¹⁶ ГУГЛВО. Ф. Р 6497. Оп.1. Д. 6. Л. 85, 87.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 145. Цит. по: ГУЛАГ: экономика принудительного труда. С 150.

¹⁸ Приказ МВД 17 декабря 1946 г. о введении зачетов рабочих дней для заключенных, задействованных в лагерях на строительстве цехов «Г» – при азотно-туковом заводе в Березниках.

¹⁹ При выполнении месячной нормы на 100–110 % один день заключения шел за 1,5 дня; от 111 до 120% – за 1,75 дня; от 121 до 135 – за 2 дня; от 136 до 150 – за 2,5 дня; от 151 и выше – за 3 дня.

²⁰ История сталинского ГУЛАГа... С. 288.

²¹ Кандалакшинский алюминиевый завод, рудники и обогатительные фабрики в Оленегорске, предприятие по добыче ниобия и т.д.

²² История сталинского ГУЛАГа... С. 292, 563.

²³ Там же. С. 289, 290.

²⁴ Там же. С. 295.

²⁵ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960... С. 725.

Поступила в редакцию 22.05.09

A.V. Zakharchenko, candidate of history, senior research scientist

The problem of stimulation of labor activity in the system of NKVD correctional labour facilities in the 1930s-1950s

GULAG as one of the key subjects of the economy of the USSR regularly faced the problem of increasing the labor productivity of prisoners. The management of the system of NKVD correctional labor facilities tried to combine non-economic methods of labour motivation with the introduction of wages and application of grant of parole, thus implementing the punitive and economic functions.

Захарченко Алексей Владимирович, кандидат исторических наук,
ст. научный сотрудник

Поволжский филиал Института российской истории РАН

444444, Россия, г. Самара,

пер. Студенческий, 4

E-mail: zaharchenko_a@mail.ru

А.А. Пожидаев,
доктор технических наук, профессор,
Краснодарский филиал Владимирского
юридического института ФСИН России

ПРЕВРАЩЕНИЕ ВЧК В «БОЕВОЙ ОТРЯД ПАРТИИ»

TRANSFORMATION OF THE ALL-RUSSIAN EXTREME COMMISSION INTO “A MILITARY GROUP OF THE PARTY”

Вопрос формирования и деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и местных чрезвычайных комиссий является одним из самых актуальных в аспекте развития Советского государства. В статье показаны предпосылки их формирования, закрепления и расширения компетенции, влияние на этот процесс различных политических сил. Освещено взаимодействие Всероссийской чрезвычайной комиссии с некоторыми органами государственной власти.

The question of formation and activity of the All-Russian extreme commission and local extreme commissions is one of the most actual aspects of development of the Soviet state. This article runs about preconditions of their formation, fixing and expansion of the competence sphere, influence on this process of various political forces. The article deals with the interaction of the All-Russian extreme commission with some bodies of the government.

Всероссийская чрезвычайная комиссия являлась органом партии большевиков. «ЧК, — говорил Ф.Э.Дзержинский, — должна быть органом Центрального Комитета, иначе она вредна, тогда она выродится в охранку или в орган контрреволюции»[1] ЦК РКП(б) в феврале 1919 г. отмечал, что «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии под ее директивами и под ее контролем... ЧК проявят всю свою преданность делу пролетарской революции... по директивам и указаниям партии»[2].

В первые месяцы существования ВЧК и местных чрезвычайных комиссий руководство ими со стороны партийных органов отличалось некоторыми особенностями. Одна из них состояла в том, что в январе — июне 1918 г. к участию в управлении Всероссийской чрезвычайной комиссией были допущены левые эсеры и представители некоторых других социалистических партий. Для того чтобы правильно объяснить факт вхождения левых эсеров в ВЧК, следует коротко остановиться на сущности и значении блока большевиков и левых эсеров, заключенного в декабре 1917 г.

После победы вооруженного восстания в Петрограде II съезд рабочих и солдатских депутатов образовал первое советское правительство — Совет Народных Комиссаров. Это правительство должно было быть временным, так как срок его существования был обозначен — до созыва Учредительного Собрания. В это правительство вошли представители одной партии — большевиков. Другие политические партии (за исключением левых эсеров) не поддерживали большевиков, считая их узурпаторами власти.

Некоторые руководители большевиков

(Г. Зиновьев, Ю. Каменев, А. Рыков, В. Милютин и др.) в первые дни после октябрьских событий поддерживали идею создания «однородного социалистического правительства», куда вошли бы представители всех социалистических партий «от большевиков до народных социалистов».

Однако эта идея не была реализована, так как Ленин и его сторонники считали, что такое правительство должно быть ответственно перед ВЦИК, избранным II съездом Советов (а там был перевес большевиков), а эсеры и меньшевики предлагали это правительство подчинить «широким кругам революционной демократии». Таким образом, политический компромисс не состоялся. После этого ряд членов СНК и ЦК большевиков подали в отставку, отмечая, что чисто большевистское правительство можно сохранить только средствами политического террора. Вскоре руководство большевиков предложило левым эсерам войти в правительственный блок.

При этом большевики учитывали прежде всего их открытые заявления о поддержке Советской власти, а также то обстоятельство, что за левыми эсерами шла значительная часть крестьянства, главным образом мелкого и среднего [3]. В конце ноября — начале декабря 1917 г. левые эсеры вошли в состав Совнаркома. Вошли они и в формирующие карательные органы. Левые эсеры возглавили наркомат юстиции, ведавший судебно-карательными органами и пенитенциарной системой.

Заключение правительственного блока большевистской партии с левыми эсерами имело одним из своих результатов допуск их к участию в управлении Всероссийской чрезвычайной комиссией. Большевистская партия в течение всего периода сотрудничества с левыми эсерами сохраня-

ла за собой общее политическое руководство деятельностью ВЧК. Это достигалось, прежде всего, благодаря тому, что ВЧК работала по директивам, получаемым непосредственно от Совета Народных Комиссаров, где преобладали представители партии большевиков. Кроме того, в руководящем ядре ВЧК большевикам принадлежало две трети мест [4], что давало им возможность обеспечить проведение Чрезвычайной комиссией политики Центрального Комитета большевистской партии и Совета Народных Комиссаров.

Члены коллегии НКЮ И.З. Штейнберг (нарком юстиции) и В.А. Карелин пытались усилить влияние эсеровской партии на ВЧК, поставив ее под контроль НКЮ. В свою очередь, руководство большевиков боролось против расширения влияния эсеров на карательные органы. Первый конфликт между большевиками и левыми эсерами по вопросу о ВЧК возник 18 декабря 1917 года.

В этот день ВЧК арестовала группу членов «Союза защиты Учредительного собрания», пытавшихся самочинно, вопреки декрету Совнаркома, открыть заседание Учредительного собрания. Совет Народных Комиссаров дал распоряжение ВЧК задержать арестованных до выяснения личностей. Однако члены коллегии НКЮ И. З. Штейнберг и В. А. Карелин освободили всех арестованных, не известив об этом ВЧК. В связи с вмешательством Наркомюста в компетенцию ВЧК вопрос о взаимоотношениях между ними на следующий день обсуждался на заседании Совета Народных Комиссаров. По предложению В.И. Ленина было принято постановление, подтверждавшее непосредственное подчинение ВЧК Совнаркому: «Совет Народных Комиссаров признает, что какие бы то ни было изменения постановлений комиссии Дзержинского..., как и других комиссий, назначенных Советами, допустимы только путем обжалования этих постановлений в Совет Народных Комиссаров, а никоим образом не единоличными распоряжениями комиссара юстиции»[5]. Совнарком признал выступление Штейнберга и Карелина и формально и по существу неправомерным, так как оно противоречило не только правам ВЧК, но и прямому решению Совнаркома о выяснении личностей арестованных.

На этом же заседании Совнаркома Штейнберг внес проект постановления, предусматривавший лишение ВЧК, комитета по борьбе с погромами, следственной комиссии при Петроградском Совете и военно-морской следственной комиссии права на аресты лиц, «выдающихся в политической жизни страны». Согласно проекту комиссии могли осуществлять эти действия только по ордерам, подписанным Народным комиссаром юстиции. Проект постановления преследовал цель установить контроль левых эсеров над деятельностью ВЧК и других комиссий, обладавших правом ареста. Совет Народных Комиссаров отверг и это требование левых эсеров об установлении кон-

троля над следственными комиссиями Народным Комиссариатом юстиции»[6, с.112].

21 декабря СНК снова вернулся к вопросу о взаимоотношениях между НКЮ и следственными комиссиями. Штейнберг представил на обсуждение совнаркома новый проект постановления, несколько отличавшийся от проекта, внесенного им 19 декабря. И в новом проекте он упорно пытался провести идею контроля Народного комиссариата юстиции над деятельностью ВЧК и других следственных комиссий.

В левоэсеровский проект постановления В.И. Ленин внес ряд редакционных поправок. Совнарком принял проект постановления в ленинской редакции. В постановлении указывалось, что ВЧК находится в непосредственном подчинении Совета Народных Комиссаров. Ее задача — беспощадная борьба с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Результаты своей работы она передает в следственную комиссию при Ревтрибунале или прекращает дело. Работа ВЧК протекает при ближайшем наблюдении народных комиссариатов юстиции и внутренних дел, а также президиума Петроградского Совета (а не только одного Наркомюста, как предлагали левые эсеры). Левоэсеровское предложение о том, чтобы аресты, имевшие выдающееся политическое значение, производились лишь с ведома Наркомюста, было отвергнуто шестью голосами большевиков против четырех голосов левых эсеров. По предложению В.И. Ленина этот пункт был принят в следующей редакции: «Об арестах, имеющих выдающееся политическое значение, Комиссии извещают Народные Комиссариаты Юстиции и Внутренних Дел» [6, с.113—114]. В случае конфликтов между комиссиями и народными комиссариатами юстиции, внутренних дел и президиумом Петроградского Совета, спорный вопрос передается на окончательное решение Совнаркома, причем исполнение принятых ВЧК мер не прекращается до их рассмотрения в СНК.

Таким образом, попытки левых эсеров установить через Наркомюст свой контроль над ее работой были Совнаркомом отвергнуты. Совнарком подтвердил непосредственное подчинение ВЧК правительству, определил ее место в системе Советского государства, ее взаимоотношения с другими органами советской государственной системы. Непосредственное подчинение Совету Народных Комиссаров обеспечивало контроль за деятельностью ВЧК не только со стороны Советского правительства, но и со стороны правящей, большевистской партии.

Потерпев неудачу в попытках подчинить ВЧК Народному комиссариату юстиции, левые эсеры стали добиваться установления своего контроля над Чрезвычайной комиссией другим путем. 7 января 1918 г. И. З. Штейнберг поставил на заседании Совнаркома вопрос о пополнении ВЧК левыми эсерами. Он предлагал, чтобы Цен-

тральному Комитету их партии было предоставлено право непосредственно вводить в ВЧК своих представителей. Ф. Э. Дзержинский выступил против предложения И. З. Штейнберга. Он заявил, что нельзя допустить пополнения ВЧК путем назначения новых ее членов непосредственно партией левых эсеров. Совет Народных Комиссаров признал желательным преобразование ВЧК путем включения в состав ее коллегии 5 представителей левоэсеровской фракции ВЦИК. Левым эсерам предоставлялся важный пост товарища (заместителя) председателя ВЧК. Расширении коллегии ВЧК за счет левых эсеров являлось в тех условиях политической необходимости — оно способствовало укреплению блока большевиков с партией левых социалистов-революционеров. Однако Совет Народных Комиссаров, в котором большинство мест принадлежало представителям РСДРП(б), сохранял за собой право утверждения членов коллегии ВЧК. В постановление Совнаркома целиком вошло предложение Ф.Э. Дзержинского: «Утверждать кандидатов в члены Чрезвычайной комиссии Советом Народных Комиссаров» [7].

На следующий день левоэсеровская фракция ВЦИК представила в Совнарком список своих представителей в коллегию ВЧК — В.А. Александровича, В. Д. Волкова, Гуркина, М. Ф. Емельянова и П. Сидорова. Совет Народных Комиссаров утвердил всех, кроме Гуркина. Назначение В. А. Александровича и других левых эсеров членами коллегии ВЧК было подписано В.И. Лениным [8]. Таким образом, Совет Народных Комиссаров, сохранив за собой право утверждения членов ВЧК, обеспечивал тем самым свой контроль за составом Чрезвычайной комиссии.

28 января 1918 г. член коллегии Наркомюста В. А. Алгасов на заседании Совнаркома предложил создать новую «особую» комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. По проекту Алгасова два места из трех в руководстве этой комиссии должны были принадлежать левым эсерам [9]. Создание новой комиссии вызвало бы еще большую децентрализацию борьбы с контрреволюцией, а передача практического руководства ею в руки левых эсеров поколебала бы монополию большевистской власти. Совет Народных Комиссаров отклонил проект Алгасова [10].

Таким образом, в годы гражданской войны руководство чекистскими органами осуществляли практически все звенья партийного аппарата от Центрального Комитета РКП(б) до уездных комитетов включительно.

Партийное руководство включало в себя не только принятие партийными органами различных решений по вопросам деятельности чрезвычайных комиссий, но и безусловное подчинение последних директивам партии. Чекистские органы, находящиеся под контролем большеви-

ков, способствовали претворению в жизнь идеологических постулатов марксизма. Деятельность ВЧК была направлена на укрепление политической монополии РКП (б), на реализацию ее политической линии. Данная роль чекистских органов как «вооруженного отряда партии» неоднократно подчеркивалась и в выступлениях лидеров большевиков, и в партийных решениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Менжинский В.Р. О Дзержинском // Правда. — 1927. — 20 июля.
2. РГАСПИ. — Ф.17. — Оп.2. — Д.5. — Л.2.
3. Гусев К.В. От соглашательства к контрреволюции / К.В. Гусев, Х.А. Ерицян. — М., 1968. — С.190, 191.
4. К июлю 1918 г. из 20 членов коллегии ВЧК 13 были большевики, 7 — левые эсеры. См.: Феликс Дзержинский. 1926 — 1931. — С.167.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 54. — С.384.
6. Ленинский сборник. XX I.
7. Из истории ВЧК. — С.89.
8. РГА СПИ. Ф.19. — Оп.1. — Д. 43. — Л. 1 об., 12, 13.
9. ГА РФ. Ф.130. — Оп.2. — Д.21. — Л.3 об., 4.
10. Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. — С.299.

Bibliography

1. Podosinov, A.V. Ex oriente lux! Orientaciya po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii, 1999. - DjVu, RUS.
2. Meletinskiy, E.M. Poehtika mifa. - M., 1976.
3. Toporov, V.N. O rituale. Vvedenie v problematiku // Arkhaicheskiy ritual v folklornikh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh. - M., 1988.
4. Elizarenkova, T.Ya., Slova i vethi v Rigvede. - M., 1999.
5. Antonova, E.V. Arkheologiya i semiotika / E.V. Antonova, D.S. Raevskiy // Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arkheologii. - Doneck, 2002.
6. Ojnoshev, V.P. Sistema mifologicheskikh simvolov v altayskom geroicheskom ehpose. - Gorno-Altaysk, 2008.
7. Soyonov, V.I. Tarkhatinskiy megaliticheskiy kompleks / V.I. Soyonov, A.V. Shitov, D.V. Cheremisin, A.V. Ehbelj // Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii. - Gorno-Altaysk. - 2000. - № 5.
8. Tishkin, A.A. Problema proiskhozhdeniya biyjkenskoy kul'turi Altaya ranneskifskogo vremeni i vkhedenie osnovnykh etapov eyo razvitiya / Sociogeneza v Severnoy Azii. - Irkutsk, 2005.
9. Vovk, O.V. Ehnciklopediya znakov i simvolov. - M., 2007.

Статья поступила в редакцию 18.11.11

УДК 351.746.1: 351.86

Gashenko V.A. HIGH-LEVEL PERSONNEL OF NKVD-NKGB DEPARTMENTS IN WEST SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR. The article is dedicated to the State security officers who were at the head of NKVD-NKGB Departments in West Siberia during the Great Patriotic War. The article is based on the little-known and recent biographical facts. The author made an attempt to compare life stories of heads of NKVD-NKGB Departments in Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk regions to estimate their professional skills in 1941-1945.

Key words: secret service, State security organs, regular personnel, heads of NKVD-NKGB Departments, Great Patriotic War, 1941-1945.

В.А. Гашенко, канд. ист. наук, ст. офицер в/ч 44261, г. Новосибирск,
E-mail: furibo@yandex.ru

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ УПРАВЛЕНИЙ НКВД-НКГБ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассказывается о сотрудниках органов государственной безопасности СССР, возглавлявших управления НКВД-НКГБ в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. На основе малоизвестных и впервые вводимых в научный оборот сведений, автор проводит сравнительный анализ биографических данных начальников управлений госбезопасности Новосибирской, Кемеровской и Томской областей в 1941-1945 гг., оценивает их профессиональные и личностные качества.

Ключевые слова: спецслужбы, органы государственной безопасности, кадровый состав, начальники управлений НКВД-НКГБ СССР, Великая Отечественная война 1941-1945 гг.

В последнее время интерес к истории отечественных спецслужб неуклонно возрастает. Это можно объяснить тем, что спецслужбы на всех этапах развития государства и общества активно влияли на внешнюю и внутреннюю политику, являясь важнейшими государственными институтами, призванными обеспечить надежную защиту существующего строя, народа, правящей элиты, суверенитета и территориальной целостности государства. Актуальность глубокого знания истории спецслужб России определяется тем, что учет опыта работавших в них сотрудников, выявление сильных и слабых сторон их деятельности помогает сегодня вырабатывать качественно новые пути перестройки правоохранительной сферы, а также избегать роковых ошибок прошлого в современных формах и методах работы.

Несмотря на наличие большого количества работ, посвященных истории российских спецслужб, в современной историографии существуют проблема, связанная с доминированием исследований, анализирующих именно деятельность, а не кадровый состав органов безопасности. Между тем, основу любой спецслужбы составляют работающие в ней люди. От того, насколько интеллектуальны, образованны, профессионально подготовлены сотрудники органов безопасности, напрямую зависит не только эффективность, но и легитимность их деятельности. В этой связи важно знать, какие требования предъявлялись к кандидатам на службу в тот или иной исторический период, насколько эти требования соблюдались на практике, кто попадал на службу в органы и благодаря каким качествам достигал высот карьерного роста.

Попытки ответить на некоторые из вышеуказанных вопросов уже делались рядом современных исследователей, среди которых, в частности, можно назвать Н.В. Петрова

и К.В. Скоркина [1], М.Л. Серякова и А.И. Колпакиди [2], А. Севера [3] и некоторых других. В работах этих авторов исследовались главным образом кадры центрального аппарата органов госбезопасности, начиная с ВЧК, и заканчивая ФСБ России. Однако акцентирование внимания указанных исследователей преимущественно на высокопоставленных лицах российских спецслужб не позволило им в полной мере изучить представителей периферийных органов безопасности, к которым, в частности, относились руководители областных управлений НКВД-НКГБ 30-х – 40-х годов XX века. Между тем, именно на плечах начальников УНКВД-НКГБ тыловых регионов страны в критические годы существования нашего государства, например, в годы Великой Отечественной войны, лежала большая ответственность, связанная с решением многочисленных социально-экономических и политических задач, по своей важности не уступавших задачам центрального аппарата органов госбезопасности. Поэтому изучение биографических данных руководящих кадров региональных спецслужб представляется нам сегодня достаточно актуальным и перспективным.

Занимаясь многолетним исследованием истории сибирских органов госбезопасности периода Великой Отечественной войны, автор хотел бы в настоящей статье отразить некоторые результаты своей работы, связанной с изучением кадрового состава управлений НКВД-НКГБ одного из крупнейших регионов Западной Сибири военного времени – Новосибирской области, а также выделившихся из нее в 1943-1944 годах Кемеровской и Томской областей. Кто возглавлял указанные областные управления, в какой последовательности и на протяжении какого времени? Какими профессиональными и личностными качествами обладали эти руководители? Как сложи-

лась их судьба после войны и чем они занимались до начала военных действий? На эти и другие вопросы попытался ответить автор в настоящей статье.

Особенностью кадрового состава управления государственной безопасности Новосибирской области в годы войны являлось то, что под влиянием реформ органов НКВД-НКГБ СССР в 1941-1943 годах, а также административно-территориальных преобразований Новосибирской области в 1943-1944 годах, периодически происходили его количественные и качественные изменения. В связи с указанными обстоятельствами, руководство областного управления менялось несколько раз, причем некоторые из его начальников за короткий срок успевали неоднократно сменить свое «амплуа», то есть побывать сперва на должности чекиста, затем – милиционера, или – наоборот. Так, управление НКГБ СССР по Новосибирской области (УНКГБ по НСО) в качестве самостоятельной структуры, независимой от органов внутренних дел, существовало в периоды с 22 июня до июля 1941 года и с апреля 1943 года до окончания войны, а в период с июля 1941 года и до апреля 1943 года все подразделения госбезопасности входили в состав управления НКВД по НСО. Соответственно, подразделения госбезопасности в Новосибирской области возглавляли несколько лиц: с апреля по август 1941 года – капитан госбезопасности М.Ф. Ковшук-Бекман (с апреля по июль 1941 год он возглавлял УНКГБ по НСО, с июля по август 1941 года – подразделения госбезопасности, вошедшие в состав УНКВД по НСО, и с августа по декабрь 1941 года – УНКВД по НСО) [4, с. 30]; с мая 1943 года по октябрь 1944 года – комиссар госбезопасности Л.А. Малинин, который до назначения на указанную должность возглавлял областное управление НКВД [1, с. 282]; с ноября 1944 года до окончания войны (а затем – до марта 1948 года) – комиссар госбезопасности П.П. Кондаков [1, с. 240].

26 января 1943 года из состава Новосибирской области была выделена на правах самостоятельной административной единицы Кемеровская область. В связи с данным преобразованием, приказом НКВД СССР № 00137 от 28 января 1943 года было образовано управление НКВД СССР по Кемеровской области, начальником которого был назначен капитан госбезопасности И.М. Кирышин. Несколько месяцев спустя, после выделения из системы органов внутренних дел органов государственной безопасности, в Кемеровской области было создано областное управление НКГБ, в которое И.М. Кирышин был переведен из УНКВД по Кемеровской области на должность начальника [5, с. 20].

После выделения летом 1944 года Томской области из состава Новосибирской, 19 августа 1944 года наркомом госбезопасности СССР В.Н. Меркуловым был подписан приказ № 00309, в соответствии с которым было образовано УНКГБ по Томской области, которое возглавил полковник Я.С. Турчанинов [6, с. 55].

Таким образом, высокие должности начальников органов госбезопасности в Новосибирской, Кемеровской и Томской областях на протяжении военного периода занимали пять человек: М.Ф. Ковшук-Бекман, Л.А. Малинин, П.П. Кондаков, И.М. Кирышин и Я.С. Турчанинов. Проанализируем основные этапы их трудового пути с целью определения того, кто из них наилучшим образом соответствовал занимаемой должности, какое имел образование и заслуги перед Родиной, а также попытаемся выяснить, как сложилась судьба данных лиц после завершения их службы в органах госбезопасности.

Михаил Фомич Ковшук-Бекман (рис. 1) родился в одном из белорусских сел в 1898 году. Он возглавлял органы госбезопасности Новосибирской области в возрасте сорока трех лет и руководил ими около полугода. До назначения на указанную должность имел стаж чекистской работы более двадцати лет, образование получил начальное (окончил народное училище). До прибытия в Новосибирск возглавлял Пятый отдел Третьего управления НКГБ СССР, то есть работал в центральном аппарате органов госбезопасности. После службы в УНКГБ по НСО, в августе 1941 года возглавил областное управление

НКВД, которое покинул в январе 1942 года. Дальнейшее место работы М.Ф. Ковшук-Бекмана автору статьи, к сожалению, установить не удалось, хотя факт присвоения ему в 1945 году звания «генерал-майор», его отставка в 1948 году, а также сведения некоторых сибирских исследователей [7, с. 276], дают основание полагать, что службу он закончил в Москве.

За заслуги перед Родиной М.Ф. Ковшук-Бекман был награжден боевым оружием «Маузер», орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Ленина, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «30 лет Советской Армии и Флота», знаком «Почетный чекист», а также именными часами [8, с. 55].

Леонид Андреевич Малинин (рис. 2) родился в городе Екатеринбурге в 1907 году. Он возглавлял управление НКГБ по Новосибирской области почти полтора года, и примерно столько же – чекистские подразделения в составе областного УНКВД. В момент назначения на руководящую должность ему было тридцать шесть лет. Образование имел высшее – в 1934 году окончил Томский институт инженеров транспорта. До прибытия на службу в Новосибирск из Одесского управления НКВД стаж его работы в органах безопасности составлял менее десяти лет. После службы в органах госбезопасности Новосибирской области был направлен в УНКГБ СССР по Тернопольской области, которое возглавлял до конца 1945 года [8, с. 58].

Службу в органах закончил в 1945 году в центральном аппарате МГБ СССР, в звании генерал-майора. За свою деятельность был награжден орденами Красной Звезды, Ленина и Трудового Красного Знамени [9, с. 8].

После увольнения из органов безопасности Л.А. Малинин работал заместителем политсоветника при Главноначальствующем Советской военной администрации в Германии, сотрудником Комитета информации при Совете министров СССР, а также занимал ряд инженерных должностей в транспортных организациях города Киева.

Умер Л.А. Малинин в 1982 году в Киеве в возрасте семидесяти пяти лет.

Петр Павлович Кондаков (рис. 3) родился в семье слесаря в 1902 году, в Калужской губернии. Окончил три класса ремесленного училища. Руководящую должность начальника УНКГБ по Новосибирской области занял в возрасте сорока двух лет. Руководил областным управлением госбезопасности последнее военное полугодие (в 1945 году получил звание генерал-майора), а также еще более двух лет после окончания Великой Отечественной войны [8, с. 55].

До назначения в Новосибирск возглавлял УНКГБ СССР по Смоленской области, а после службы в НСО убыл на должность начальника УМГБ СССР по Крымской области. До увольнения в запас из советских органов госбезопасности в 1961 году (с должности начальника УКГБ СССР по Владимирской области) занимал ряд высоких правительственных должностей (в 1952-1953 годах – министр госбезопасности Литовской ССР, в 1953 году – министр внутренних дел Литовской ССР) [10].

Умер П.П. Кондаков в 1970 году в городе Владимире в возрасте шестидесяти восьми лет. За службу в органах был награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Ленина, пятью медалями, знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности» [9, с. 9].

Иван Михайлович Кирышин (рис. 4) родился в бедной крестьянской семье в Рязанской области в 1903 году. Образование получил начальное. На службу в органы госбезопасности поступил по партийному набору в 1929 году, стаж его чекистской работы к моменту назначения на должность начальника управления госбезопасности в Кемеровской области исчислялся четырнадцатью годами. Возраст вступления в руководящую должность – сорок лет. Возглавлял органы госбезопасности Кемеровской области в годы войны около двух лет, а также почти три года после ее окончания.

До назначения на службу в Кемерово являлся одним из руководителей партизанских отрядов на оккупированной территории Тульской и Смоленской областей.

Умер И.М. Кирюшин в возрасте сорока пяти лет в 1948 году, за своим рабочим столом, будучи начальником УМГБ СССР по Кемеровской области.

И.М. Кирюшин был награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Знаком почета, а также знаками «Почетный работник ВЧК-ОГПУ» и «Заслуженный работник НКВД».

Яков Семенович Турчанинов (рис. 5) родился в 1903 году в Оренбургской губернии в крестьянской семье. Образование получил высшее. К моменту назначения на руководящую должность начальника УНКГБ по Томской области ему исполнился сорок один год, за плечами он имел восемнадцатилетний стаж оперативной работы в органах госбезопасности. Последнее место службы до перевода на руководящий пост в город Томск – начальник одного из отделов УНКГБ по Воронежской области [11].

Я.С. Турчанинов возглавлял управление НКГБ по Томской области около девяти последних месяцев Великой Отечественной войны, а также более четырех лет – после ее окончания. Перед увольнением на пенсию занимал должность начальника отдела УМГБ УССР по Закарпатской области, куда был переведен на службу из Томской области в 1949 году.

За службу в органах госбезопасности Я.С. Турчанинов неоднократно награждался орденами и медалями СССР [12].

Обобщая биографические данные о руководителях органов госбезопасности Западной Сибири военных лет, можно сделать следующие выводы.

Средний возраст начальников управлений НКВД-НКГБ Новосибирской, Кемеровской и Томской областей в годы войны составлял около сорока лет. Самым молодым из них был Л.А. Малинин, старшим – М.Ф. Ковшук-Бекман. Срок пребывания на должности начальника управления госбезопасности

у рассмотренных лиц был нестабильным – от шести месяцев до двух лет.

Большинство начальников были выходцами из крестьянских семей и имели начальное и среднее образование. Коренных сибиряков из указанных выше лиц не было, в связи с чем, по-видимому, руководство сибирскими управлениями госбезопасности расценивалось ими в качестве очередной ступени роста в восхождении по служебной лестнице.

В качестве начальника, наиболее знакомого с оперативной обстановкой в Западной Сибири, можно назвать Я.С. Турчанинова, проработавшего до назначения на руководящую должность в Томске много лет на оперативных должностях в органах госбезопасности Западной Сибири. Меньше всего приспособленным к руководству территориальным управлением можно считать П.П. Кондакова, который более десяти лет подряд работал в пограничных органах и, кроме того, много времени уделял своей партийной карьере (например, был депутатом Верховного Совета РСФСР).

В заключение хотелось бы отметить, что в военных условиях главными требованиями к занятию руководящей должности регионального уровня являлось, по-видимому, не наличие хорошего образования, оперативного опыта и глубокого знания специфики возглавляемого подразделения. Главными качествами, которыми должен был обладать кандидат на руководящую должность в годы войны, как, впрочем, и в довоенный период, были безграничная преданность делу партии большевиков и отсутствие компрометирующих материалов в личном деле. В этой связи вспоминаются слова Ф.Э. Дзержинского, сказанные им в двадцатых годах XX века: «Если приходится выбирать между, безусловно, нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но очень способным, – у нас, в ЧК, необходимо оставить первого...» [13, с. 219]. Доминирование этого принципа при подборе кадров советских органов госбезопасности была еще раз подтверждена Великой Отечественной войной.

Приложения



Рис. 1. М.Ф. Ковшук-Бекман



Рис. 2. Л.А. Малинин



Рис. 3. П.П. Кондаков



Рис. 4. И.М. Кирюшин



Рис. 5. Я.С. Турчанинов

Библиографический список

1. Петров, Н.В. Кто руководил НКВД. 1934-1941: справочник / Н.В. Петров, К.В. Скоркин. – М., 1999.
2. Колпакиди, А.И. Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации / А.И. Колпакиди, М.Л. Сeryakov. – М., 2002.
3. Север, А. ФСБ: энциклопедия спецслужб. – М., 2010.
4. Безопасность от А до Я: информационно-аналитический журнал. – 2002. – № 4.
5. Чекисты Кузбасса. 1943 г. – 2003 г. Страницы истории. – Кемерово, 2003.
6. Томские контрразведчики на фронте и в тылу. – Томск, 2005.
7. Тепляков, А.Г. Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.): сб. науч. трудов. – Новосибирск, 2004.
8. Страницы истории правоохранительных органов города Новосибирска: информационный сборник. – Новосибирск, 2002.
9. Безопасность от А до Я: информационно-аналитический журнал. – 2005. – № 5.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.П.-4. Оп. 56. Д. 12408. Л. 3-4.
11. Управление ФСБ России по Томской области. 60 лет [Э/р]. – Р/д: 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: ПК Pentium III и выше; 128 Мб ОЗУ; MS Windows XP; 4x CD-ROM дисковод; мышь. – Загл. с обложки диска. – Томск, 2004.
12. Голоскоков, И.В. На страже: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников / И.В. Голоскоков, В.Н. Уйманов. – Томск, 2008.
13. Плеханов, А.М. Дзержинский. Первый чекист России. – М., 2007.

Bibliography

1. Petrov, N.V. Kto rukovodil NKVD. 1934-1941: spravochnik / N.V. Petrov, K.V. Skorkin. – M., 1999.
2. Kolpakidi, A.I. Thit i metch. Rukovoditeli organov gosudarstvennoy bezopasnosti Moskovskoyi Rusi, Rossiyskoyi imperii, Sovetskogo Soyusa i Rossiyskoyi Federacii. / A.I. Kolpakidi, M.L. Seryakov. – M., 2002.
3. Sever, A. FSB: ehnciklopediya specsluzhb. – M., 2010.
4. Bezopasnost ot A do Ya: informacionno-analiticheskiy zhurnal. – 2002. – № 4.
5. Chekistih Kuzbassa. 1943 g. – 2003 g. Stranich istorii. – Kemerovo, 2003.
6. Tomskie kontrrazvedchiki na fronte i v tihlu. – Tomsk, 2005.
7. Teplyakov, A.G. Upravlenie NKVD po Novosibirskoyi oblasti nakanune i v nachalnihi period Velikoyi Otechestvennoy voyinih // Zapadnaya Sibir v Velikoyi Otechestvennoy voyine (1941-1945 gg.): sb. nauch. trudov. – Novosibirsk, 2004.
8. Stranich istorii pravookhranitelnihkh organov goroda Novosibirska: informacionnihiy sbornik. – Novosibirsk, 2002.
9. Bezopasnost ot A do Ya: informacionno-analiticheskiy zhurnal. – 2005. – № 5.
10. Gosudarstvennihiy arkhiv Novosibirskoyi oblasti (GANO). F.P.-4. Op. 56. D. 12408. L. 3-4.
11. Upravlenie FSB Rossii po Tomskoyi oblasti. 60 let. [Eh/r]. – R/d: 1 ehlektron. opt. disk (CD-R). – Sistem. trebovaniya: PK Pentium III i vihshe; 128 Mb OZU; MS Windows XP; 4x CD-ROM diskovod; mihsh. – Zagl. s oblozhki diska. – Disk pomethen v konteyiner 12-14 sm. – Tomsk, 2004.
12. Goloskokov, I.V. Na strazhe: ocherki istorii tomskikh organov gosbezopasnosti v biographiyakh ikh nachalnikov / I.V. Goloskokov, V.N. Uyimanov. – Tomsk, 2008.
13. Plekhanov, A.M. Dzerzhinskiy. Perviyi chekist Rossii. – M., 2007.

Статья поступила в редакцию 18.11.11

Ерин Дмитрий Александрович

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦАУ НКВД РСФСР В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕДОМСТВЕННОЙ МИЛИЦИИ

Статья раскрывает особенности правотворческой деятельности и ведомственного нормотворчества Центрального административного управления (ЦАУ) НКВД РСФСР в сфере регулирования организации и функционирования ведомственной милиции. Основное внимание уделяется исследованию подготовки, принятия и содержания различных видов подзаконных актов (положений, инструкций, циркуляров и циркулярных писем).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 76-78. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

NAVAL COMPANY AND HEAVY ARTILLERY DIVISIONS SIGNIFICANCE DURING WHITE DON FLOTILLA CREATION

Viktoriya Vasil'evna D'yakova
Department of Russian History
Voronezh State Pedagogical University
Bagira_V@mail.ru

The author considers the formation of the naval company and heavy artillery divisions, which were placed in armoured trains. The naval company was one of the first Volunteer Army units created in Novocherkassk. The existence of naval company and naval heavy artillery divisions in armoured trains showed the creation of the more branched structure of white military-riverine forces in the Don region (in comparison with a soviet one). Naval heavy artillery divisions were composed of "naval armoured trains" crews coming in the forefront of attacking white units. In addition, the author pays attention to the combat activity significance of land forces.

Key words and phrases: naval company; heavy artillery divisions; white Don flotilla; armoured trains; Civil War; history of the Navy; youth; cadets.

УДК 351.74

Статья раскрывает особенности правотворческой деятельности и ведомственного нормотворчества Центрального административного управления (ЦАУ) НКВД РСФСР в сфере регулирования организации и функционирования ведомственной милиции. Основное внимание уделяется исследованию подготовки, принятия и содержания различных видов подзаконных актов (положений, инструкций, циркуляров и циркулярных писем).

Ключевые слова и фразы: история правоохранительных органов; история милиции РСФСР; ведомственная милиция; правотворчество; нормотворчество.

Дмитрий Александрович Ерин, к.ю.н., доцент
Кафедра государственно-правовых дисциплин
Владимирский юридический институт ФСИН России
dmitry-0333@mail.ru

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦАУ НКВД РСФСР В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕДОМСТВЕННОЙ МИЛИЦИИ[©]

Правотворческая деятельность выступала как важнейшее направление деятельности высших органов исполнительной власти РСФСР, закрепленное в нормативно-правовых актах, регулирующих организацию НКВД РСФСР. Исходя из закрепленного статуса отдела милиции ЦАУ НКВД РСФСР, его компетенцию можно условно разделить на три группы: организационная работа, нормотворческая деятельность и контрольная функция.

Несмотря на то, что указанное деление является относительным, а также исходя из того, что, в отличие от других служб милиции, ведомственная находилась в стадии организации, среди всех направлений деятельности руководящего органа, несомненно, приоритетным выступало ведомственное нормотворчество. Важность нормотворческой деятельности обуславливалась не только необходимостью создания нормативной базы, способной обеспечить нормальное функционирование ведомственной милиции, но и оперативно-го реагирования на все изменения общественных отношений в экономической сфере периода НЭП.

Одним из элементов правотворчества считается ведомственное нормотворчество, направленное на принятие ведомственных нормативных актов, регулирующих внутрисистемные отношения, и выражаемое в форме приказов, циркуляров, инструкций и т.д.

В рамках НКВД субъектом ведомственного нормотворчества по охране общественного порядка и борьбы с преступностью выступал отдел милиции ЦАУ, который в рамках своей компетенции осуществлял подготовку, разработку и принятие ведомственных нормативных актов, в том числе и относящихся к ведомственной милиции.

Основное содержание правотворческой деятельности отдела милиции ЦАУ НКВД РСФСР, в целом, и подотдела ведомственной милиции, в частности, выражалось в подготовке и принятии нормативных актов ведомственного характера (положений, инструкций), устанавливающих организационно-штатную структуру, а также регламентирующих полномочия, компетенцию, права и обязанности сотрудников ведомственной милиции и иные аспекты её деятельности, а также толкование тех или иных положений как общегосударственных нормативно-правовых актов, так и ведомственных приказов и инструкций. Кроме того, на подотдел возлагались составление и разработка проектов соглашений и типовых договоров с различными ведомствами и отдельными предприятиями по организации и деятельности ведомственной милиции, проверка правильности заключенных договоров на охрану, помощь руководству местных органов милиции в разъяснении тех или иных положений нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность ведомственной милиции [5, ст. 18].

Необходимость разработки и детальной регламентации всех аспектов организации и деятельности ведомственной милиции не вызывала сомнения, так как, в отличие от всей общегосударственной милиции и уголовного розыска, практика формирования и функционирования подразделений ведомственной милиции выявляла целый комплекс неурегулированных советским правом общественных отношений в сфере охраны экономической безопасности государства.

Разработка и принятие положений и инструкций, регулирующих организационно-правовые основы деятельности ведомственной милиции, занимали ведущее место в правотворческой деятельности ЦАУ НКВД. Причем, инструкции и положения могли носить как постоянный, так и временный характер. Например, в течение 1924-1925 гг., т.е. в период подготовки «Положения о ведомственной милиции» и «Инструкции о порядке организации ведомственной милиции и ее деятельности», для обеспечения нормального функционирования ведомственной милиции были разработаны временные положения, регламентирующие основные начала ее организации и деятельности, такие как циркуляр НКВД РСФСР от 23 мая 1924 года «О принципах организации ведомственной милиции» [1, с. 86] и «Временная инструкция о порядке несения ведомственной милицией охраны», утвержденная приказом № 212 от 13 ноября 1924 года начальника ЦАУ НКВД - начальника милиции республики.

Важнейшее место в правотворческой деятельности отдела милиции и, в частности, подотдела ведомственной милиции отводилось подготовке и согласованию с руководством различных Наркоматов и ведомств нормативно-правовых актов, регулирующих организацию и деятельность ведомственной милиции, к числу которых, в первую очередь, относились «Положение о ведомственной милиции» и «Инструкция о порядке организации и деятельности ведомственной милиции», утвержденные приказом начальника ЦАУ НКВД – начальника милиции республики № 29 от 24 февраля 1925 года, а также внесение в них, с учетом правоприменительной практики, различных изменений и дополнений.

«Положение» устанавливало полномочия, организацию системы управления, порядок формирования и ликвидации, вопросы комплектования материально-технического и финансового обеспечения. «Инструкция» содержала в себе предписания, определявшие права и обязанности отдельных звеньев ведомственной милиции, различных категорий сотрудников, регламентировала полномочия видов ведомственной милиции, а также специфику организации службы охраны.

В отличие от иных актов ведомственного нормотворчества, «Положение» и «Инструкция» постоянно совершенствовались. В течение 1927-1928 гг., опираясь на практику организации и деятельности, происходила подготовка нового Положения о ведомственной милиции и Инструкции, которые должны были бы стать итогом анализа правоприменительной практики реализации действующего законодательства с учетом условий и реалий новой экономической политики. Был подготовлен проект нового «Положения о ведомственной милиции» и «Инструкции о порядке организации ведомственной милиции и ее деятельности». Однако длительность процесса согласования с различными ведомствами, в первую очередь с ВСНХ РСФСР, привела к тому, что в отчете о деятельности отдела милиции ЦАУ НКВД РСФСР за второй квартал 1928 года отмечалось: «...Положение не согласовано ввиду переработки статей проекта и внесения на обсуждение коллегии НКВД... и разработана только первая и вторая части Инструкции» [4, д. 3, л. 28]. Причем, принятие окончательного и согласованного со всеми заинтересованными ведомствами варианта планировалось осуществить только к концу 1928 года.

Особое место в правотворческой деятельности ЦАУ НКВД занимали ведомственные подзаконные акты, которые выражались в форме циркуляров, циркулярных писем, регулировавших различные аспекты организации и деятельности ведомственной милиции РСФСР. Циркуляры и циркулярные письма, как правило, предписывали определенные действия, а также содержали разъяснения руководящего характера. Например, циркуляры ЦАУ НКВД № 528 от 7 октября 1925 года «Об удешевлении стоимости содержания ведомственной милиции», № 296 (60) с от 16 августа 1927 года «О стоимости содержания одного ведомственного милиционера» [2, д. 1497, л. 86, д. 1607, л. 39], которые разъясняли порядок и способы снижения расходов на содержание сотрудников ведомственной милиции; циркуляр № 233 (44) с от 20 июня 1927 года «О военизированной охране», в котором устанавливался список предприятий, где предписывалось заменить ведомственную милицию на военизированную охрану [Там же, д. 1622, л. 196] и т.д.

Разъяснение как ведомственных, так и общегосударственных нормативно-правовых актов занимало существенное место в правотворческой работе отдела милиции ЦАУ НКВД РСФСР и выражалось в форме циркулярных писем. Значительный объем разъяснений, направленных в губернские и областные административные отделы, приходившийся на период становления ведомственной милиции и совершенствования законодательного обеспечения ее деятельности, стал результатом либо разъяснительного толкования нормативно-правового акта ведомственного нормотворчества, либо в циркулярах и циркулярных письмах содержались рекомендации о необходимости осуществлять или отказаться от осуществления тех или иных действий.

Необходимость соответствующего разъяснения обуславливалась практикой реализации законодательства о ведомственной милиции на местах, которая выявила целый комплекс противоречий в уяснении и интерпретации положений Постановления СНК РСФСР «О ведомственной милиции» как руководством губернских (областных) административных отделов, так и администрациями предприятий и учреждений по многим вопросам организации и деятельности ведомственной милиции.

К числу таких циркуляров (циркулярных писем), разъясняющих нормативные акты общегосударственного характера (декреты, постановления СНК РСФСР), необходимо отнести циркулярные письма, направляемые в ответ на запросы губернских (областных) административных отделов по вопросу трактовки пункта 4 Постановления СНК РСФСР «О ведомственной милиции» по поводу обязательности замены существующей

сторожевой охраны на ведомственную милицию. Причем, необходимо обратить внимание, что соответствующие разъяснения в массовом характере издавались в период становления ведомственной милиции (1924-1925 гг.), издание подобных циркуляров продолжалось в течение всего периода НЭП.

Разъяснение актов ведомственного нормотворчества (приказы НКВД, ЦАУ НКВД и иных наркоматов и ведомств) также занимало существенное место в правотворческой деятельности ЦАУ. Характерным примером выступает циркуляр № 651 от 10 декабря 1925 года «Об изменении порядка подчиненности начальников отделений ведомственной милиции при административных отделах», который, «...ввиду поступивших ходатайств» от местных органов милиции, разъяснял, в первую очередь, начальникам губернских (областных) адмотделов содержание соответствующего приказа ЦАУ НКВД РСФСР № 151 от 19 сентября 1925 года [3, д. 100, л. 109].

Только в течение 1924-1929 гг., почти еженедельно, подотдел ведомственной милиции, а после его ликвидации – отдел милиции ЦАУ НКВД РСФСР, направлял на места различные разъяснения и рекомендации, осуществлял дачу указаний и разъяснений по вопросам, возникающим в связи с заключенными на местах договорами охраны между адмотделами и руководством предприятий и производственных объединений – одним из основных нормативных актов, регулирующих правовой статус ведомственной милиции на тех или иных заводах, фабриках и учреждениях, либо по иным организационным аспектам деятельности.

Разъяснение и проверка на соответствие текущему законодательству, утверждение и согласование заключенных договоров выступали основным содержанием нормотворческой деятельности отдела милиции ЦАУ НКВД РСФСР. Так, если за декабрь 1924 года было рассмотрено 50 договоров о формировании ведомственной милиции на местах, на 1 января 1925 года – 250 заключений и разъяснений [Там же, д. 102, л. 4, 7 об.], то, согласно отчету о деятельности отдела милиции ЦАУ НКВД РСФСР, за первый квартал 1925-1926 бюджетного года было рассмотрено 350 договоров о формировании на местах ведомственной милиции «...с дачей разъяснений и указаний о неправильностях...» [Там же, д. 14, л. 50].

Циркуляры и циркулярные письма занимали ведущее место в правотворческой деятельности, так как они, по сути, выступали итогом оперативного реагирования руководства на практику функционирования ведомственной милиции и основной, регламентирующей отдельные аспекты деятельности, не требующей согласования с иными ведомствами.

Необходимо отметить, что во многом правотворческая работа отдела милиции заключалась в обобщении практических результатов деятельности ведомственной милиции на местах, выработке оптимальных форм и согласовании с точки зрения ЦАУ НКВД целого ряда принципиальных вопросов создания эффективной системы охраны государственного и частного имущества в стране, например, вопросов о характере организации ведомственной милиции (обязательный или необязательный), компетенции сотрудников, форме охраны собственности, оплате труда сотрудников ведомственной милиции, социальной защите и т.д. Достаточно отметить, что ЦАУ НКВД РСФСР и отдел милиции, в частности, за период 1924-1929 гг. представили на рассмотрение коллегии НКВД и на согласование с ВСНХ более десяти вариантов проектов по замене сторожевой охраны различных наркоматов на ведомственную милицию.

Таким образом, правотворческая работа, направленная на совершенствование нормативно-правовых актов, регулирующих организацию и деятельность ведомственной милиции, выступала важнейшей составляющей работы отдела милиции ЦАУ НКВД РСФСР и осуществлялась постоянно в течение всего периода НЭП.

Вместе с тем, курс партии на свертывание НЭП, провозглашенный в 1928 году, вновь поставил вопрос о переработке действующей нормативной базы ведомственной милиции, основанной на новых требованиях внутренней политики государства в экономической сфере, коллективизации и индустриализации страны.

Список литературы

1. Бюллетень НКВД. 1924. № 19.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 43 (а).
3. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 58.
4. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 78.
5. Приказ № 29 от 24.02.25 // Сборник приказов начальника ЦАУ НКВД - начальника милиции республики. 1925. № 4.

LAW-MAKING ACTIVITY OF CENTRAL ADMINISTRATIVE DEPARTMENT OF PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR INTERNAL AFFAIRS (PCIA) OF THE RSFSR IN DEPARTMENTAL MILITIA ACTIVITY ORGANIZATION

Dmitrii Aleksandrovich Erin, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of State-Legal Disciplines
Vladimir Institute of Law of Federal Penitentiary Service of Russia
dmitry-0333@mail.ru

The author reveals the features of the law-making activity and departmental regulatory acts creation of the Central Administration Department of the PCIA of the RSFSR in departmental militia organization and functioning regulation, and pays special attention to the study of the preparation, adoption and content of different types of by-laws (regulations, instructions, circulars and circular letters).

Key words and phrases: law enforcement authorities' history; history of militia of the RSFSR; departmental militia; law-making; regulatory acts creation.

Резников А.А.

Развитие структуры НКВД-МВД СССР в 1945–1946 гг.

Изучение истории отечественных правоохранительных органов является одной из наиболее актуальных и востребованных тем в современной исторической науке. Подобная исследовательская заинтересованность во многом объясняется тем, что ежегодно для широкого доступа открываются все новые и новые ранее закрытые от общественности архивные материалы. Данный факт предоставляет ученым возможность по-новому взглянуть не только на историю нашей страны, но и на многие ранее закрытые для исследователей сферы государственной деятельности, в том числе и на правоохранительные органы, которые всегда были и остаются одной из центральных и важнейших составляющих любой общности, любого государственного объединения. Однако изучение отечественной правоохранительной системы по-прежнему сопряжено в нашей стране со многими трудностями. Несмотря на то, что процесс рассекречивания соответствующих документов стабильно идет уже многие годы, огромный массив материалов до сих пор остается недоступным для исследователей. В наибольшей степени данная закрытость характерна для советского периода развития правоохранительных органов, как в целом, так и для периода правления И.В. Сталина в частности. В данной статье сделана попытка в рамках имеющегося материала проанализировать и обосновать основные структурные преобразования системы Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) – Министерства внутренних дел (МВД) СССР в первые послевоенные годы.

Штатная численность органов НКВД на 1 января 1945 г. составляла – 955839 единиц¹.

11 января 1945 г. Приказом НКВД СССР Управление по делам интернированных и военнопленных (УПВИ) НКВД СССР было реорганизовано в Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР². Структурные изменения в системе УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД всегда были обусловлены двумя важнейшими факторами:

1. Необходимостью решения новых задач, которые ранее не попадали в разряд актуальных. Среди них – трудовое использование пленных, репатриация, оперативно-чекистское обслуживание, политическая работа с лагерным контингентом, организация лагерей для бывших военнослужащих Красной Армии и осужденных военных преступников.

2. Увеличением или сокращением числа военнопленных, что, в свою очередь, приводило к изменению числа лагерей и спецгоспиталей в большую или меньшую сторону, к появлению или ликвидации территориальных органов управления³.

Завершающий Вторую мировую войну 1945 г. стал годом наибольшего поступления военнопленных и интернированных в Советский Союз. К ним прибавились новые категории лиц, такие как мобилизованные и арестованные⁴. Соответственно круг задач, стоящих перед УПВИ к концу войны, расширился. Все это в совокупности с возросшим политическим значением деятельности Управления вызывало потребность структурных и организационных перемен в управлении работой

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 8. Д. 76. Л. 1.

² Кокурин А.И., Петров Н.В. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 81.

³ Конасов В.Б. Место и роль управления по делам военнопленных и интернированных в пенитенциарной системе советского государства: 1939–1953 гг. // Отечественная история. 2005. № 6. С. 129.

⁴ Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939–1953 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 1997. С. 94.

лагерей, госпиталей и рабочих батальонов. Данная крупная реорганизация повысила статус УПВИ, которое, становясь главным, было отнесено к оперативно-войсковым подразделениям НКВД СССР. Это обеспечивало определенные льготы личному составу управления, а директивы и циркуляры УПВИ стали обязательными для исполнения органами НКВД на местах⁵. Вышеупомянутые преобразования по изменению статуса данного Управления в общей системе НКВД СССР повлекли за собой изменения уже непосредственно в структуре ведомства. К концу 1946 г. в составе ГУПВИ насчитывалось наибольшее число управлений, отделов и отделений⁶.

В феврале 1945 г. Отдел спецлагерей НКВД СССР, отвечающий за проверку лиц, бывших в немецком плену или на оккупированной территории, был переименован в Отдел проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ) НКВД СССР.

Приказом НКВД СССР от 10 апреля 1945 г. Управление военного снабжения (УВС) НКВД СССР было реорганизовано в Главное управление военного снабжения (ГУВС) НКВД СССР, которое отвечало за «материально-техническое обеспечение, заготовку и удовлетворение положенным снабжением войск НКВД, оперативно-чекистских и особых органов НКВД, оперативно-чекистского состава и военизированной охраны ГУЛАГа, Отдела трудовых колоний и Главного тюремного управления, военизированной пожарной охраны и Рабоче-крестьянской милиции»⁷.

Для работы на территории стран, освобожденных Красной Армией от противника, 22 мая 1945 г. был образован Отдел «Ф» НКВД СССР, который уже к концу августа 1945 г. был расформирован Приказом НКВД СССР.

В связи с изменением обстановки и условий работы некоторых оперативных и войсковых управлений и отделов и предполагаемым сокращением объема работы строительно-лагерных управлений НКВД СССР, а также учитывая необходимость улучшения руководства и контроля со стороны аппарата НКВД СССР за работой местных органов, предприятий истроек Приказом НКВД СССР от 9 августа 1945 г. была образована комиссия в составе С.Н. Круглова (председатель), В.В. Чернышова, Б.П. Обручникова, А.Н. Аполлонова, Л.Б. Сафразьяна, А.П. Завенягина, С.С. Мамулова⁸.

Комиссия должна была подготовить предложения по сокращению штата центрального аппарата и местных органов НКВД, а также определить перечень необходимых изменений структуры некоторых управлений и отделов. При разработке предложений комиссия должна была исходить из необходимости улучшения руководства и контроля центрального аппарата за работой местных органов, устранения параллелизма в работе смежных отделов и управлений и объединения в одном отделе или управлении родственных и смежных функций⁹.

По итогам работы Комиссии уже в сентябре 1945 г. на утверждение Наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии было предложено несколько вариантов новой структуры Центрального аппарата НКВД СССР. Один из вариантов новой структуры был такой:

1. Общее управление НКВД СССР в составе:

а) Секретариата численностью 100 ед., сокращается 12 ед.

б) Контрольно-инспекторского отдела – 20 ед., сокращается группа офицеров при наркоме – 15 ед. и особая группа секретариата – 4 ед.

в) Юридического отдела – 15 ед.

⁵ Безбородова И.В. Указ. соч. С. 94.

⁶ Цунаева Е.М. Учреждения военного плена НКВД-МВД СССР (1939–1953). Волгоград, 2010. С. 79.

⁷ Цит. по «Положение о главном управлении военного снабжения НКВД СССР».

⁸ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 8. Д. 12. Л. 159.

⁹ Там же.

г) Шифровального отдела – 40 ед. за счет упразднения 2-го спецотдела со штатом – 52 ед.

д) Учетно-статистического отдела – 250 ед. за счет упразднения 1-го спецотдела в 300 ед.

е) Секретариата особого совещания 40 ед., сокращается 15 ед.

2. На базе Главного управления НКВД по борьбе с бандитизмом организовать Секретно-оперативное Управление со штатной численностью 120 ед., сокращается 106 ед., функции управления определить – борьба с бандитизмом и агентурно-оперативное обследование спецпоселенцев.

3. Отдел контрразведки «Смерш» по оперативному обслуживанию войск НКВД и пожарной охраны оставить в численности 55 ед., функции оперативного обслуживания личного состава милиции и других аппаратов НКВД передать в Секретно-оперативное Управление.

4. 3-й спецотдел (Государственное хранилище ценностей – Гохран) со штатной численностью 127 ед. упразднить, функции учета и контроля за сохранением ценностей передать в Наркомат финансов (Наркомфин) СССР.

5. Учитывая особенности работы 4-го спецотдела и возможного сокращения выпуска секретной продукции, а также перевод значительного количества инженерно-технического персонала на сдельную работу, поручить т.т. Чернышову и Кравченко подработать штат отдела.

6. 6-й спецотдела упразднить, материально-техническое обеспечение объектов НКВД в Крыму возложить на Хозяйственное управление (ХОЗУ).

7. В связи с ликвидацией значительной части фронтовых станций Правительственной связи Отдел правительственной «ВЧ» связи оставить со штатом 120 ед., сокращается на 158 ед.

8. Центральный финансовый отдел (ЦФО) объединить с финансовым отделом войск НКВД со штатной численностью – 90 ед., сокращается на 48 ед.

9. Плановый отдел оставить со штатной численностью 25 ед., сокращается на 17 ед.

10. Отдел железнодорожных и водных перевозок оставить со штатной численностью 25 ед., сокращается на 14 ед.

11. На базе Санитарных отделов ХОЗУ и войск НКВД организовать Санитарное управление.

12. Тюремное управление упразднить, передав функции Главному управлению лагерей.

13. Главное управление пожарной охраны реорганизовать в Управление военизированной пожарной охраны НКВД со штатом 70 ед., сокращается на 50 ед. Штат Центрального научно-исследовательского института противопожарной обороны НКВД СССР (ЦНИПО) пересмотреть в сторону сокращения.

14. В связи с сокращением численности батальонов Местной противовоздушной обороны (МПВО), проводимой демобилизации личного состава и свертывание работы объектов МПВО Главное управление МПВО реорганизовать в Управление МПВО с численностью – 70 ед., сокращается на 174 ед. Центральную научно-исследовательскую лабораторию МПВО (ЦНИЛ) оставить с численностью 50 ед., сокращается на 34 ед.

15. Отдел спецзаданий включить в состав Главного управления пограничных войск на правах отдела.

16. В связи с окончанием войны, уменьшение поступления беспризорных и безнадзорных детей в колонии, а также с проводимой амнистией, Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью упразднить. Функции данного отдела передать в ведение Главного управления милиции, для чего в Центральном аппарате организовать отдел и соответствующие аппараты и в Управлениях милиции НКВД-

УНКВД. Существующие детские трудовые воспитательные и трудовые колонии передать в ведение Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛиК) Главного управления лагерей (ГУЛАГ).

17. Государственные архивы в республиках, краях и областях и аппараты по руководству работой этих архивов состоят на бюджетах местных Советов депутатов трудящихся, которые при наличии одновременного подчинения указанных учреждений органам НКВД, слагают с себя ответственность за материальное обеспечение личного состава, содержание помещений и необходимого хозяйственного обслуживания, что отрицательно отражается на работе. Кроме того основные чекистские архивы органов НКВД и НКГБ находятся на хранении в 1-х спецотделах НКВД-УНКВД. Остальные же архивные фонды находятся только под контролем и охраной органов НКВД. Данные обстоятельства вызывают необходимость передачи государственных архивов и их административных аппаратов в ведение Совета Народных Комиссаров (Совнаркома) СССР.

18. Отдел спецпоселений упразднить, функции его передать Секретно-оперативному управлению, а административно-хозяйственное и материальное обеспечение возложить на ГУЛАГ.

19. Структурное построение Отдела кадров не удовлетворяет требованиям и руководству, воспитанию и подготовке кадров органов и войск НКВД. Наличие во многих управлениях и отделах самостоятельных аппаратов по кадрам вносит несогласованность в разрешении ряда вопросов по работе с кадрами. В данной связи целесообразно Отдел кадров реорганизовать в Управление кадров. Штаты отделов кадров Главных управлений и Управлений частично сократить, передав их некоторые функции в Управление кадров.

20. По Главному управлению милиции (ГУМ):

а) выделить Отдел по борьбе с хищениями социальности в самостоятельный Отдел по борьбе с хищениями для усиления борьбы с хищениями в промышленности, с/х и торговых предприятиях;

б) существующие в органах милиции политотделы в настоящее время не оправдывают своей роли по воспитанию коммунистов и комсомольцев, а территориальные партийные органы при наличии политотделов, также слабо занимаются руководством партийных и комсомольских организаций. В данной связи целесообразно поставить вопрос об упразднении политотделов и политчастей милиции и возложении политико-воспитательной работы на местные партийные органы;

в) упразднить Административный отдел, работу по выдаче пропусков возложить на паспортный отдел;

г) в связи с окончанием военных действий и возвращением эвакуированного населения к месту прежнего жительства организованное в начале войны Центральное справочное бюро в г. Бугуруслане со штатной численностью 59 ед. упразднить. Функции по окончании работы этого бюро возложить на паспортный отдел ГУМ;

д) в связи с амнистией и прекращением розыска дезертиров с промпредприятий сократить группы по розыску дезертиров введенные в отделы служб управлений милиции НКВД – УНКВД (около 450 ед.).

21. По Главному управлению лагерей:

а) организовать Тюремный отдел;

б) на базе Управления лагерей лесной промышленности организовать Отдел лесной промышленности;

в) отдел (отделение) спецпоселений со штатом 10–15 ед.

В связи с проведением амнистии некоторого контингента заключенных пересмотреть штаты управлений и отделов ГУЛАГ'а в сторону сокращения.

22. Организовать Главное управление промышленного строительства. Включить в состав организуемого Управления:

- Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП);
- Главное управление промышленного строительства (ГУПС);
- Главное управление аэродромного строительства (ГУАС).

Инспекцию по котлонадзору выделить из ГУЛГМП в самостоятельный аппарат при НКВД СССР.

23. Организовать самостоятельное Политическое управление войск, упразднив Политическое управление Главного управления пограничных войск (ГУПВ) и политотделы во всех Управлениях войск.

24. В связи с тем, что городские и районные органы НКВД проводят работы в основном по линии милиции — должности заместителей начальников городских и районных отделений НКВД по милиции упразднить, руководство городским и районным отделением милиции возложить на начальника горотделения и райотделения НКВД. В крупных городских и районных органах для усиления руководства оперативными аппаратами милиции ввести должность старшего оперуполномоченного¹⁰.

В дальнейшем некоторые из предложений, выдвинутые данной Комиссией, будут успешно претворены в жизнь.

Приказом НКВД СССР от 8 сентября 1945 г. на базе Строительно-эксплуатационного отдела ГУПВ НКВД СССР было образовано Военно-строительное управление (ВСУ) НКВД СССР. Данное Управление осуществляло «строительство жилых и служебных зданий, казарм, застав, морских и авиационных сооружений для частей и учреждений войск НКВД СССР»¹¹.

В конце 1944 г. в структуре НКВД СССР была создана группа «С» (группа Судоплатова), занимавшаяся сбором разведанных по атомной проблеме. Несанкционированная деятельность по получению информации об атомных разработках отныне строго пресекалась, так как ничто не должно было выдать интерес СССР к атомной проблеме¹². 27 сентября 1945 г. данная группа была преобразована в отдел «С» НКВД СССР. В задачу отдела входила координация деятельности Разведуправления Генштаба и НКВД по сбору информации по атомной проблеме, а также реализация полученных сведений¹³.

13 октября 1945 г. было расформировано Главное управление войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии. С началом Великой Отечественной войны, в связи с массированным применением германским командованием диверсионно-разведывательных сил в тылу советских войск в целях дезорганизации обороны, добычи разведывательной информации, деморализации населения и личного состава Красной Армии, появилась острая необходимость в охране тыла фронтов действующей Красной Армии¹⁴. Это обстоятельство подтолкнуло высшее военно-политическое руководство СССР к принятию экстренных мер, одной из которых и стала организация данного Управления 31 июля 1941 г. Теперь же, в условиях окончившейся Второй мировой войны, существование подобного структурного подразделения более не представлялось целесообразным.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 8. Д. 12. Л. 179–185.

¹¹ Цит. по «Положение о главном военно-строительном управлении войск НКВД СССР»

¹² Чубукова М.А. Организационно-правовые основы участия НКВД-МВД СССР в разработке и реализации советского атомного проекта (1941–1949 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 2007. С. 81.

¹³ Полунин В.В., Староверов В.А. Кадры специальных служб в советском атомном проекте 1945–1953 гг. // Лубянские чтения. 2004.

¹⁴ Сенотрусов А.П. Внутренние войска НКВД/МГБ/МВД СССР в Восточной Германии 1945–1956 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 2001. С. 58.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1945 г. об освобождении Л.П. Берии от обязанностей Наркома внутренних дел СССР и о назначении Народным комиссаром внутренних дел СССР С.Н. Круглова, 10 января 1946 г. состоялся прием и сдача дел Наркомата внутренних дел СССР по состоянию на 30 декабря 1945 г.¹⁵.

В приемно-сдаточном акте были записаны следующие задачи Наркомата внутренних дел СССР:

- борьба с бандитизмом и повстанческими формированиями;
- охрана госграниц СССР;
- борьба с уголовной преступностью и хищением социалистической собственности;
- охрана общественного порядка и личной безопасности граждан СССР;
- организация проведения паспортной системы;
- обеспечение изоляции преступников и их трудовое использование;
- содержание, охрана и трудовое использование военнопленных и интернированных;
- охрана железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности;
- организация пожарной охраны и местной противовоздушной обороны;
- борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью;
- выполнение оборонных и народнохозяйственных заданий правительства (строительство оборонительных рубежей, военно-морских баз, аэродромов, заводов и предприятий промышленности, железных и шоссейных дорог, промышленная добыча золота, олова, никеля, угля и т. п.);
- ряд других специальных заданий правительства.

Отдельным пунктом в акте было отмечено, что работа НКВД СССР строилась и проводилась в соответствии с решениями ЦК ВКП(б), на основе законов и постановлений Правительства СССР¹⁶.

Из приведенных в акте данных следует, что на 30 декабря 1945 г. по штатам органов НКВД (без войск) числилось 993072 чел., фактически было укомплектовано – 846022 чел.

По штатам Центрального аппарата НКВД СССР числилось – 9530 чел., фактически было укомплектовано – 8577 чел.

По штатам в войсках НКВД СССР числилось 680280 чел, фактически было укомплектовано – 655370 чел¹⁷.

30 января 1946 г. в газете «Ведомости Верховного Совета СССР» в разделе «Хроника» было опубликовано следующее сообщение: «Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу Заместителя Председателя Совнаркома СССР тов. Берия Л.П. об освобождении его от обязанностей Народного Комиссара Внутренних Дел СССР ввиду перегруженности его другой центральной работой. Народным Комиссаром Внутренних Дел СССР назначен тов. Круглов С.Н.»¹⁸.

Под «другой центральной работой» имелся в виду образованный 20 августа 1945 г. Специальный комитет при ГКО, председателем которого и стал Л.П. Берия. На данный комитет возлагалось решение всего комплекса задач по созданию отечественного атомного оружия: проведение научно-исследовательских работ,

¹⁵ Кокурин А.И., Петров Н.В. Указ. соч. С. 85.

¹⁶ Там же. С. 86.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. №2 (411). 30 января 1946 г. С. 4.

разведка месторождений и добычи урана в СССР и за его пределами, создание атомной промышленности, атомно-энергетических установок и, наконец, решение ключевой задачи первых лет реализации атомного проекта СССР – разработка и производство атомных бомб. Создание данного комитета было инициировано И.В. Сталиным, деятельность находилась под его личным контролем.

Одновременно с назначением председателем Специального комитета Л.П. Берия стал первым заместителем председателя Совнаркома. На Л.П. Берия также возлагалась организация всей «закордонной» разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, проводимой органами разведки (Наркомат государственной безопасности – НКГБ, Разведуправление Красной Армии – РУКА и др.)¹⁹. Таким образом, учитывая сложность комплекса возложенных на Л.П. Берия задач, его снятие с поста Наркома внутренних дел, по нашему мнению, является вполне логичным шагом. Это предоставило ему возможность сконцентрировать свои усилия на решении жизненно важной в те годы для советского государства «проблеме №1». Кроме того, это позволяло поставить во главе Наркомата внутренних дел нового человека, не обремененного иными властными полномочиями и обязанностями, который смог бы всецело сосредоточиться на деятельности своего ведомства. Наличие подобного «независимого» руководителя было особенно важно в исследуемый период, когда НКВД-МВД СССР стало одной из ключевых сил в деле возрождения разрушенной войной страны.

Следует отметить, что даже будучи отстраненным от ведения делами министерства, Л.П. Берия старался быть в курсе всех внутриведомственных дел. Об этом говорит тот факт, что с момента начала деятельности С.Н. Круглова в качестве наркома-министра внутренних дел, донесения по наиболее принципиальным вопросам адресовались не только И.В. Сталину, В.М. Молотову, Г.М. Маленкову как раньше, но теперь и Л.П. Берии как заместителю Председателя СНК²⁰. Некоторые авторы считают, что факт освобождения Берии от должности Наркома внутренних дел сам по себе означал снижение роли НКВД-МВД среди центральных министерств²¹.

С.Н. Круглов, возглавивший Наркомат в столь ответственный период, является интересным деятелем сталинской и постсталинской эпохи. Его личность примечательна в первую очередь тем, что, несмотря на всю неоднозначность эпохи, в течение которой он находился у власти, по признанию современников, сослуживцев, родных и близких ему удалось остаться сравнительно «чистым», малопримесным к кровавым репрессивным делам, инициатором которых он никогда не выступал. Кроме того, он оказался одним из немногих Наркомов-Министров внутренних дел сталинской эпохи, который не был репрессирован и уничтожен. С.Н. Круглов сделал весьма стремительную карьеру: уже в 32 года он стал заместителем Наркома внутренних дел, кандидатом в члены ВКП(б)²². Бывшие сослуживцы описывали его как властного, строгого, но справедливого руководителя, профессионала, хорошо разбирающегося в своем деле. Здесь стоит отметить, что С.Н. Круглов был одним из немногих представителей руководящего состава НКВД-МВД тех лет, которые имели высшее образование²³.

¹⁹ Чубукова М.А. Указ. соч. С. 68.

²⁰ Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов: история НКВД-МВД от А.И. Рыкова до Н.А. Щелокова. 1917–1982. М., 1995. С. 266.

²¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 78.

²² Некрасов В.Ф. Указ. соч. С. 259.

²³ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 8. Д. 79. Л. 3.

Представляется любопытной следующая характеристика данного деятеля Ф.И. Чуевым: «Я его уважал и уважаю, но это человек, который никогда не сказал свое слово громко. Как бы вам сказать, это был человек – ни рыба, ни мясо»²⁴. Это высказывание, на наш взгляд, является ключевым в личностной характеристике С.Н. Круглова, так как именно в нем содержится «секрет» столь долгого и успешного пребывания этого человека на ответственном и даже опасном посту Наркома-Министра внутренних дел СССР. Опасным мы называем данный пост потому, что, как уже упоминалось выше, практически все люди, занимавшие его в сталинский период, были подвергнуты насилию и уничтожены. С.Н. Круглов же, по нашему мнению, будучи человеком весьма умным, понимал, что в первую очередь «вождь народов» не терпит тех, кто проявляет какую-либо самостоятельность, даже не столько в действиях, что было весьма трудно сделать в эпоху жесткой централизации власти, но и в мыслях. Поэтому оценка Ф.И. Чуева, на наш взгляд, не является совсем верной, в той ее части, где он утверждает, что как человек С.Н. Круглов был «ни рыба, ни мясо». Возможно, он просто лучше многих понимал, какая методика поведения являлась в существующих обстоятельствах наиболее разумной, и трудно его за это осуждать.

В сентябре 1945 г. СНК СССР принял Постановление «О дополнительном привлечении к участию в работах по использованию внутриатомной энергии научных учреждений, отдельных учёных и других специалистов»²⁵. В соответствии с данным актом из Германии в СССР в добровольно-принудительном порядке были доставлены сотни немецких ученых, имевших отношение к ядерной проблеме. Для руководства работой по использованию данных специалистов 26 января 1946 г. было образовано Управление специальных институтов (9 управление) НКВД СССР. Выбор советским Правительством именно немецких ученых для участия в атомном проекте не случаен: было хорошо известно, что в предвоенные и военные годы наибольших успехов в изучении данной проблемы добилась именно Германия. Всего в советском атомном проекте участвовало более 300 немцев, которые работали в СССР почти целое десятилетие. Многие немецкие специалисты за высокий вклад в создание советского атомного оружия были отмечены высокими наградами после испытания первой советской атомной бомбы в 1949 г.²⁶

15 марта 1946 г. Верховный Совет СССР принял закон «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР»²⁷. В соответствии с этим законом НКВД СССР переименован в МВД СССР, Министром внутренних дел СССР утвержден С.Н. Круглов. 22 апреля 1946 г. были утверждены следующие заместители Министра внутренних дел СССР: В.С. Рясной (по общим вопросам), В.В. Чернышов, А.Н. Аполлонов, И.А. Серов, А.П. Завенягин, С.С. Мамулов, Б.П. Обручников²⁸.

19 июля 1946 в составе Центрального аппарата МВД СССР была организована Юридическая часть, которая должна была давать свои заключения по всем документам, представляемым на подпись министру внутренних дел и его заместителям.

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 2 сентября 1946 г. № 1967–828сс Главное Управление золотоплатиновой промышленности («Главзолото») из состава Министерства цветной металлургии СССР было передано в Министерство внутренних дел СССР со всеми подразделениями и личным составом²⁹. Указанное решение предусматривало значительное увеличение добычи золота и расширение

²⁴ Чуев Ф.И. Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 187.

²⁵ Чубукова М.А. Указ. соч. С. 87.

²⁶ Там же. С. 91.

²⁷ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1945–1946 гг. М., 1947. С. 13.

²⁸ Кокурин А.И., Петров Н.В. Указ. соч. С. 86.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 4. Д. 522. Л. 84.

геолого-разведочных работ, а также преследовало цель сосредоточения руководства золотоплатиновой промышленностью в одном министерстве. Уже 6 сентября 1946 г. на базе «Главзолото» было организовано Главное Управление специальных цветных металлов («Главспеццветмет») МВД СССР. Об исключительно важной роли, которая отводилась данному Управлению, говорит тот факт, что в соответствии с вышеупомянутым Постановлением Совмина СССР от 2 сентября 1946 г. все лица, изъявившие желание работать в золотоплатиновой промышленности, должны были немедленно освобождаться администрацией по прежнему месту работы (за исключением угольной промышленности и черной металлургии)³⁰.

В связи с окончанием Второй Мировой войны и изменением международной и внутренней обстановки значительно сократился комплекс задач, возложенных на части НКВД-МВД по охране особо важных предприятий промышленности и железных дорог. Новые обстоятельства позволяли осуществить постепенный переход на охрану железнодорожных сооружений и промышленных предприятий не войсками, а военизированной охраной. Так, Постановлением Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 г. войска МВД освобождались от охраны грузов на железных дорогах, с возложением данной функции на Министерство путей сообщения³¹. На основании Постановления СНК СССР от 21 сентября 1945 г. под охраной войск НКВД оставалось 280 промышленных объектов вместо 476, охранявшихся ранее³².

Определенным итогом развития данного рода войск в изучаемый период стал Приказ МВД СССР от 7 декабря 1946 г., по которому Управление войск МВД по охране особо важных предприятий промышленности и Управление войск МВД по охране железных дорог были реорганизованы в одно Управление войск МВД СССР по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог. Данное Управление помимо осуществления войсковой охраны особо важных объектов промышленности и железных дорог, руководило служебной деятельностью, боевой и политической подготовкой войск³³.

Таким образом в 1945–1946 гг. структурные преобразования Наркомата-Министерства внутренних дел СССР в основном были направлены на переориентацию деятельности данного ведомства в условиях мирного времени. Многие его управления и отделы, существование которых было целесообразным в военное время, были либо расформированы, либо сменили свое функциональное назначение. Кроме того, в эти годы органы внутренних дел возглавил новый человек, С.Н. Круглов, на которого легла полная ответственность за претворение в жизнь многих сталинских предначертаний по послевоенному строительству в труднейших географических и сложнейших климатических условиях предприятий промышленности, рудников по добыче полезных ископаемых, железных и шоссейных дорог, гидротехнических сооружений и водных каналов, объектов атомной промышленности. На наш взгляд вышеуказанные структурные преобразования стали предвестниками той новой роли, которую Правительство СССР отводило Наркомату-Министерству внутренних дел в послевоенные годы: решение в первую очередь народнохозяйственных задач по восстановлению разрушенной войной государства. В последующие годы подобная функциональная направленность данного ведомства принимала все более законченные формы.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 4. Д. 522. Л. 84.

³¹ Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 321.

³² Там же.

³³ Доклад МВД СССР на имя Л.П. Берия и Г.М. Маленкова «О структуре МВД СССР». 01.09.1949 г.

Список литературы:

1. Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939–1953 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 1997.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. №2 (411). М., 1946.
3. Кокурин А.И., Петров Н.В. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М.: Международный фонд «Демократия», 2003.
4. Конасов В.Б. Место и роль управления по делам военнопленных и интернированных в пенитенциарной системе советского государства: 1939–1953 гг. // Отечественная история. № 6. 2005. С. 128–132.
5. Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов: история НКВД-МВД от А.И.Рыкова до Н.А.Щелокова. 1917–1982. М.: Версты, 1995.
6. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М.: Объединенная редакция МВД России, 1996.
7. Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М.: Издательство РАГС, 1998.
8. Полунин В.В., Староверов В.А. Кадры специальных служб в советском атомном проекте 1945–1953 гг. // Лубянские чтения. 2004.
9. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1945–1946 гг. М., 1947.
10. Сенотрусов А.П. Внутренние войска НКВД/МГБ/МВД СССР в Восточной Германии 1945–1956 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 2001.
11. Цунаева Е.М. Учреждения военного плена НКВД-МВД СССР (1939–1953). Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010.
12. Чубукова М.А. Организационно-правовые основы участия НКВД-МВД СССР в разработке и реализации советского атомного проекта (1941–1949 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 2007.
13. Чувев Ф.И. Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М.: Ковчег, 1998.

РОЛЬ ГАУ НКВД В ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОЙ РАБОТЫ В АРХИВАХ СИБИРИ В 1938 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 ГОДА

1938 г. является одним из рубежей в истории архивных учреждений как России в целом, так и Сибири в частности. В соответствии с правительственными постановлениями архивные органы и государственные архивы в 1938 г. были переданы из непосредственного подчинения президиумам исполнительных комитетов советов в ведение Народного комиссариата внутренних дел. Произошедшие в 1938 г. в архивной отрасли административные изменения были отражением эволюции политической системы и общественных отношений в советской России. Как неоднократно отмечалось в исследовательской литературе, в связи с формированием тоталитаризма и массовыми репрессиями на протяжении 1930-х гг. увеличивался поток запросов в архивы со стороны репрессивных органов, в результате чего среди всего объема ретроспективной информации, аккумулируемой в архивных документах, наиболее востребованной оказалась информация, имевшая оперативное значение для следственных органов. Именно это обстоятельство обусловило перемену в статусе архивных учреждений, которые были преобразованы в отделы государственных репрессивных органов. Между тем, несмотря на тотальный кадровый контроль, ужесточение внутреннего распорядка и режима секретности, период функционирования архивных учреждений в системе НКВД – МВД был неоднозначным периодом. За все время существования государственных архивов в системе НКВД прослеживается настойчивое стремление руководителей архивной службы придать их деятельности научно-исследовательский характер.

В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 3 мая 1932 г. и распоряжением Госплана РСФСР от 29 сентября 1932 г. «О сети научно-исследовательских учреждений» в число научно-исследовательских учреждений республиканского подчинения по ведомствам РСФСР входили Центральное архивное управление и 8 подведомственных ему центральных государственных архивов: Архив Октябрьской революции, Архив Красной армии, Архив революции и внешней политики, Архив народного хозяйства, Межевой архив, Архив феодально-

крепостнической эпохи, Военно-исторический архив и Ленинградское отделение Центрального исторического архива. После передачи архивных органов и государственных архивов в ведение НКВД СССР в 1938 г. и реорганизации архивной сети по постановлению СНК СССР от 29 марта 1941 г. ни один из государственных архивов как союзного, республиканского, так и местного значения не был включен в сеть научно-исследовательских учреждений СССР¹. Однако, несмотря на отсутствие официального научного статуса и политизацию деятельности архивных учреждений, в служебных документах Главного архивного управления НКВД СССР, хотя и в специфической форме, характерной для тоталитарного периода, подчеркивалась необходимость развития именно научного аспекта архивоведения.

Основными проводниками идеи реализации научного потенциала архивоведения были специалисты научно-издательского отдела ГАУ НКВД СССР. Именно издательская работа поначалу была единственно возможной сферой деятельности архивистов, где было допустимо ставить вопрос о реализации научного подхода. Уже в циркулярном письме и. о. начальника научно-издательского отдела ГАУ НКВД СССР Чибрякова от 7 июня 1939 г., адресованном начальникам архивных отделов НКВД республик и УНКВД краев и областей, отмечалось, что научно-издательская работа архивных органов до этого времени в большинстве своем проводилась «кустарными методами». Главный акцент делался на необходимость планирования публикаторской деятельности. «Ненаучным» и «кустарным» считалось отсутствие единого плана по изданию архивных материалов. В циркуляре в свойственной сталинскому репрессивному периоду форме отмечалось: «Архивные органы тематику публикаций выбирали по своему собственному усмотрению, в результате чего часто публиковались не только ненужные, но иногда и вредные документы. Благодаря отсутствию необходимого контроля со стороны архивных органов делами издания ар-

¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 1214. Л. 63.

хивных документов, враги народа использовали архивные материалы для целей их антисоветской и подрывной деятельности»². Очевидно, что данное утверждение не имело ни малейшего отношения к науке, принципам научного мышления и характеру научной работы. Главная ценность циркуляра заключалась в том, что он завершался призывом привлекать к разработке, обсуждению и выполнению планов научно-издательской деятельности архивных учреждений не только научных сотрудников архивов, но и сотрудников Академии наук, научно-исследовательских институтов, издательств и др.³ Это был принципиально новый подход к организации планирования научно-издательской работы архивов. Такого рода практика тесного сотрудничества архивистов с научной общественностью не была распространена в предшествующий период. Напротив, в 1920–1930-е гг. предпринимались целенаправленные усилия обособить деятельность архивных органов от научных учреждений и общественных организаций. Если в центральных архивах вопреки доминирующей административной линии и благодаря инерции традиционности можно было видеть элементы научного сотрудничества архивистов с учеными, то работа региональных архивов протекала полностью автономно.

В 1940 г. Главное архивное управление НКВД СССР поставило задачу изучить и обобщить практику публикации архивных документов и постановки научной работы на местах. Для этого был предпринят сбор информации о работах, опубликованных подотчетными региональными архивными отделами, центральными государственными архивами и Историко-архивным институтом. Архивные учреждения страны обязывались присылать в адрес научно-издательского отдела ГАУ по восемь экземпляров выпускаемых ими или при их участии изданий⁴.

В ноябре 1940 г. в развитие основных положений циркулярного письма от 7 июня 1939 г. было составлено два документа. Первый был подписан начальником ГАУ НКВД СССР майором государственной безопасности И. И. Никитинским и начальником научно-издательского отдела ГАУ Марковым 1 ноября 1940 г. В нем обращалось внимание на появление в печати «недостаточно доброкачественной информации о так называемых вновь найденных документах». В целях установления должного контроля за качеством информации директорам архивов предлагалось ставить в известность научно-издательский отдел ГАУ

обо всех фактах обнаружения новых материалов. В документе подчеркивалось, что все сообщения представителей газет, ТАСС и других организаций, основанные на архивных документах, должны были производиться с веденя и согласия научно-издательского отдела ГАУ НКВД СССР⁵.

Другой документ – циркуляр ГАУ НКВД СССР «О состоянии и задачах научно-издательской работы архивных органов НКВД», был составлен Марковым и утвержден И. И. Никитинским 2 ноября 1940 г. Весьма ценным было то, что в соответствии с данным циркуляром приоритет в научно-издательской деятельности архивных органов должен был отдаваться публикации архивных документов – первоисточников. В циркуляре отмечался положительный опыт архивных отделов УНКВД Иркутской и Омской областей, которые сумели «правильно организовать работу по изданию документов, имеющих большое научно-историческое значение»⁶. В качестве негативного примера приводилась ситуация в архивном отделе УНКВД Куйбышевской области, в котором вся научная работа была построена на издании брошюр-очерков вместо подготовки к печати самих документов. Как говорилось в циркуляре, этим был «сужен объем документальных сведений, поступающих в научный оборот, могущих быть использованными широким кругом исследователей»⁷.

В этом же циркуляре была сформулирована мысль о необходимости возобновления в архивных учреждениях научной работы как таковой. Руководство архивной службы высказало обеспокоенность тем, что в ряде архивных отделов «научная работа вообще и работа по изданию документов в частности оказалась в загоне»⁸. Циркуляр обязал местные архивные отделы принять необходимые меры к улучшению научно-издательской работы в государственных архивах путем подготовки к печати сборников документов, путеводителей по государственным архивам и использования газетной прессы как для опубликования самих документов, так и в целях «популяризации документальных богатств государственных архивов». В случае если у архивных отделов для выполнения планов научной работы не было достаточного количества своих научных работников, рекомендовалось привлекать на договорных началах научных работников других учреждений⁹.

⁵ Там же. Л. 38.

⁶ Там же. Л. 55.

⁷ Там же. Л. 55 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 56.

² ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 334. Л. 42.

³ Там же. Л. 43.

⁴ Там же. Л. 73.

Вопрос о договорных отношениях был не периферийным в деле постановки научной работы в архивах. В соответствии с циркуляром ГАУ НКВД СССР от 17 июля 1940 г. деятельность научных сотрудников государственных архивов в урочное время без особой доплаты состояла исключительно в выявлении документальных материалов. Вся остальная работа – систематизация документов, археографическая обработка, составление справочного аппарата, написание исторического и археографического комментариев – должна была выполняться во внеурочное время и оплачиваться из средств, получаемых архивным органом от издательств¹⁰. Исходя из данного распоряжения штатным сотрудникам государственных архивов практически запрещалось заниматься научной работой.

Таким образом, возникала парадоксальная ситуация, когда одним циркуляром требовалось увеличить объем и качество научной работы в архивах, а другим – эта работа фактически сводилась на нет. По всей вероятности, причиной возникновения данной коллизии была реальная ситуация в региональных архивах, характеризовавшаяся отсутствием надлежащих научных кадров. Возможно, осознавая корень проблемы, руководство архивной службы осторожно создавало условия для формирования научной атмосферы в государственных архивах путем привлечения квалифицированных специалистов и установления более тесных контактов архивистов с академическими учреждениями.

В 1941 г. было отмечено, что в большинстве государственных архивов близится к концу работа по упорядочению архивных материалов. Данное обстоятельство дало руководителям научно-издательского отдела ГАУ основание утверждать, что архивы теперь «имеют возможность приступить к более организованной и планомерной работе по популяризации документальных богатств»¹¹. Популяризация архивных документов на страницах центральной и местной печати считалась делом большой политической важности. Хотя эта форма работы с архивными материалами не является в строгом смысле научной работой, тем не менее определенный вклад в формирование условий для научного осмысления хранящихся в архивах документов она вносила. В апреле 1941 г. отмечалось, что «до последнего времени данный вид архивной работы стоял не на должной высоте», а «появлявшиеся изредка в печати сообщения [...] о вновь найденных документах носили случайный характер и ни в коей мере не могли удовлетворить возросшего интереса советской

общественности к прошлому своей родины»¹². Теперь работники государственных архивов должны были заранее выявлять и брать на учет все документы, могущие представлять интерес для печати. Наибольшее значение имел материал по вопросам истории революционного движения, гражданской войны, русского военного искусства и техники, положения трудящихся России и национальных окраин, жизни и деятельности вождя партии и руководителей правительства, культуры, быта, литературы и искусства, важных юбилейных дат. Причем задача архивистов заключалась не в том, чтобы как можно быстрее обнародовать найденные документы, а в том, чтобы выявить, взять на учет и по первому требованию лиц, имеющих на это полномочия, предоставить исчерпывающую информацию. Контроль за информацией, предоставляемой представителям газет, телевидения и радио, возлагался в регионах на начальников архивных отделов УНКВД, а в Москве – на начальника научно-издательского отдела ГАУ НКВД СССР. В определенном смысле такой подход потенциально ориентировал архивистов на долговременную кропотливую работу с источниками, на глубокий эвристический поиск и формирование широкой эмпирической базы для будущих исторических исследований. Однако в условиях тоталитарного государства, идеологизации и политизации общественной жизни, доминирования административно-командных методов управления эта работа превращалась в кампанейщину и утрачивала свой внутренний научный смысл, оставаясь на поверхностном идеологическом уровне.

В мае 1941 г. в г. Иркутске состоялось совещание начальников архивных отделов УНКВД восточных областей Советского Союза. Главное архивное управление на этом совещании представлял Чибряков, являвшийся в это время заместителем начальника ГАУ НКВД СССР. Материалы совещания дают представление о постановке научной работы в архивах восточного региона на рубеже 1930–1940-х гг. Для руководителей архивных органов Сибири было характерно непонимание специфики научной работы, что находило отражение как в использовавшихся ими терминах, так и в постановке этого вида работ. В выступлениях участников совещания доминировало смешение понятий «научно-методическая», «научно-издательская» и «научно-исследовательская» деятельность, употребление слова «научный» не было в должной степени осмыслено и ассоциировалось у них с любой работой по популяризации архивных документов.

Например, начальник архивного отдела УНКВД Читинской области употреблял выра-

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 334. Л. 40 – 41 об.

¹¹ Там же. Л. 32.

¹² Там же.

жение «научно-методическая работа», подразумеваемая под ней публикацию в прессе небольших заметок на основе главным образом уже опубликованного в периодической печати материала. Начальник архивного отдела УНКВД Амурской области фактически ставил знак равенства между научной работой и работой по заданиям оперативно-следственных органов. Начальник архивного отдела УНКВД Иркутской области употребил выражение «исследовательско-издательская работа».

Представление руководства ГАУ НКВД СССР о научной работе архивных учреждений было сформулировано заместителем начальника ГАУ в заключительном слове на Иркутском совещании. Подчеркнув значимость научной работы архивистов, Чибряков отметил, что она действительно должна заключаться в популяризации архивных документов. Вместе с тем в этом выступлении отразилось намерение руководства ГАУ вовлечь в научную работу архивов больший круг людей и повысить ее качество путем организации общения архивистов с профессорами и преподавателями местных образовательных учреждений. Представитель ГАУ говорил о необходимости научным сотрудникам архивных органов делать научные доклады среди профессорско-преподавательского состава местных университетов и институтов. В то же время в выступлении заместителя руководителя архивной службы отразилось свойственное сталинскому периоду стремление повысить производительность труда за счет увеличения продолжительности рабочего времени. Нельзя позитивно охарактеризовать указание об увеличении рабочей нагрузки на научных сотрудников архивных учреждений. Трудно согласиться с утверждением о том, что работа научных сотрудников сверх 8 часов будет способствовать их профессиональному росту¹³. Научно-исследовательская работа относится, безусловно, к разряду творческой, и рабочий день ученых, как правило, не нормирован, однако попытка жесткими административными мерами регламентировать не только служебное, но и личное время научных сотрудников не могла способствовать формированию творческой атмосферы в архивах.

Публикации сибирских архивистов имели скорее компилятивный и иллюстративный, нежели научный характер. Зачастую архивисты даже не использовали документы собственных архивов, ограничиваясь переработкой предшествующих публикаций. Тематика и содержание публикаций не отличались оригинальностью и, за редким исключением, имели типично идеологический характер. Такая ситуация диктовалась и руководством архивной службы, абсо-

лютно зависимым от решений высшего политического руководства страны в области формирования государственной идеологии. Например, при определении конкретных заданий, которые архивные учреждения должны были выполнить в 1941 г. в рамках научной работы, основным на Иркутском совещании было названо издание документов к 25-летию юбилею Великой Октябрьской социалистической революции. Иркутские архивисты должны были искать материалы о восстании политических заключенных Александровского централа, Иркутской политической ссылке в дореволюционный период, о гражданской войне в Сибири. Красноярскому краевому архиву было дано указание сосредоточиться на выявлении источников о революции 1905 г. Архивистам Приморского края рекомендовалось подготовить сборник «Победа социалистической революции и утверждение советской власти на Дальнем Востоке»¹⁴.

Главным объективным препятствием для постановки научной работы в архивах было характерное для Сибири отсутствие квалифицированных специалистов. Из-за отсутствия квалифицированных работников не могли проводиться научные исследования в архивах Хакасской автономной области. В Читинской области научный работник архивного отдела являлся журналистом по профессии. Архивная сеть Красноярского края 6 марта 1941 г. лишилась единственного научного работника, также не имевшего специального образования, по причине его ареста. В Красноярском крае недостаток специалистов сказывался даже на руководящем составе архивных учреждений: среди директоров исторических архивов Красноярского края не было ни одного человека, имевшего хотя бы законченное среднее образование.

Вместе с тем работать научным сотрудником в системе НКВД как по причине специфики системы НКВД, так и из-за предубежденного отношения к неординарным людям в условиях господства тоталитарного мышления, было не просто. Это видно на примере иркутского архивиста Ф. А. Кудрявцева. Его деятельность — один из немногих примеров достаточно длительного участия профессионального историка в научной работе архивных органов Сибири. Ф. А. Кудрявцев пользовался значительным авторитетом среди сибиряков и поддержкой руководителей Главного архивного управления. Между тем начальник архивного отдела УНКВД Иркутской области весьма пренебрежительно отзывался о нем на совещании, характеризуя его как «доморощенного» научного работника в связи с тем, что «института архивоведения он не кончал, а достиг [результатов]

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 334. Л. 111.

¹⁴ Там же. Д. 861. Л. 113, 156–160.

практическим путем». Напротив, представительница Хабаровского областного архива Соколова с большим уважением высказывалась о Ф. А. Кудрявцеве: «Наличие тов. Кудрявцева в Иркутском архиве исключительно в области большой плодотворной исследовательской работы, но сотрудники его не используют. А что может случиться: заберут т. Кудрявцева, предположим, в университет, кто его заменит [?] Некому». Соколова отметила большую роль Кудрявцева в формировании у нее навыков научно-исследовательской работы: «...т. Кудрявцев является большой величиной. Мы с ним [об] исследовательской и научно-издательской работе [...] в Иркутске много разговаривали, и в своих беседах с нами он подчеркивал, что в научно-исследовательской работе не начинайте с большого, а начинайте с маленького...»¹⁵ Соколова предложила устраивать встречи таких опытных архивистов-исследователей, как Ф. А. Кудрявцев, с начинающими работниками: «Личное соприкосновение, личная беседа, личная встреча очень обогащают, дают возможность роста, и таким образом будешь не только архивистом-методистом, но сможешь осуществлять научно-исследовательскую работу и в отдаленной области, в отдаленном крае»¹⁶. Архивистам Сибири не хватало научного общения. В связи с этим ценным, нашедшим поддержку у представителя ГАУ, было предложение Соколовой организовывать «кустовые» совещания научных работников, на которых ставилась задача обсуждать методические вопросы и проблемы организации научно-исследовательской работы в архивных учреждениях отдельного региона.

Другое препятствие для постановки научной работы заключалось в неупорядоченности материалов в сибирских архивах. Удаленность сибирской провинции от Центра, специфические особенности исторического развития Сибири обуславливали ее объективное отставание по многим показателям социокультурного развития, в числе которых было и архивное дело. В частности, на предложение Чибрякова начальнику архивного отдела УНКВД Красноярского края, являвшемуся выпускником Историко-архивного института, самому заниматься научной работой, сотрудничать с журналами «Красный архив» и «Архивное дело», как это делали, например, директора Ростовского и Ленинградского архивов, был получен ответ, что между Ростовским и Ленинградским архивами, с одной стороны, и Красноярским – с другой, есть большая разница: «Если там материалы приведены в порядок, то у нас они находятся в хаотическом состоянии, и чтобы привести их в соответствие с минимальными требованиями

нужно 2–3 года. Мне кажется, что сначала надо привести архивы в порядок, упорядочить работу, а потом уже заниматься научной работой»¹⁷.

Третья причина, названная участниками Иркутского совещания в качестве препятствия для проведения научной работы, была связана с перемещением из периферийных в центральные архивохранилища актуальных в политическом отношении архивных документов. Например, начальник архивного отдела УНКВД Амурской области отсутствие научной работы в архиве объяснял тем, что «лучшие материалы оперативно-чекистского значения для научной работы были направлены, главным образом, в Томск»¹⁸. «Отсутствие отдельных документов, касающихся важных вопросов, которые находятся в Москве, Омске и Томске, – отмечал он, – тормозит, затягивает исследовательскую работу в Амурской области». Он полагал, что возвращение этих документов обратно «обогатит научную работу в области»¹⁹.

Между тем данный подход отражал уровень мышления многих руководителей архивных органов, которые не видели разницы между научной, агитационно-пропагандистской и оперативно-справочной работой. Трудно представить, что в архивах Амурской области после, безусловно, варварского вывоза «актуальных» документов не осталось других источников, могущих представлять научный интерес. Данная ситуация была отражением сверхполитизации общества, характерной для государств тоталитарного типа, следствием которой была идеологизация всей гуманитарной сферы, трудно совместимая с принципами научного мышления.

Относительно благополучным было положение архивных органов Алтайского края. По сведениям начальника архивного отдела УНКВД Алтайского края, научно-исследовательская работа алтайских архивистов заключалась в подготовке публикаций по темам «Революционное движение в Алтайском крае за период 1861–1919 гг.» и «Крестьянские волнения в Алтайском крае в период 1905–1907 гг.». Работа над этими изданиями велась достаточно основательно. Для сбора дополнительного материала по первой теме научный сотрудник архивного отдела выезжал в длительную (на 1,5 месяца) командировку в Томск, носившую, как отмечал руководитель архивного органа, «исключительно научный характер». Кроме архивистов, в работе над этой темой участвовали научные сотрудники других учреждений и партийного архива Алтайского края. Над темой «Крестьянские волнения в Алтайском округе»

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 861. Л. 83.

¹⁶ Там же. Л. 84–85.

¹⁷ Там же. Л. 65.

¹⁸ Там же. Л. 88.

¹⁹ Там же. Л. 91.

занимался один научный сотрудник архивного отдела. Это было обусловлено концентрацией необходимых источников, а именно материалов начальников Алтайского горного управления, Колыванского, Воскресенского горного начальства и др., в Барнауле²⁰. В данном случае налицо зачатки научного подхода, выразившиеся в формулировке тем исследования, планировании, организации и обосновании методики выполнения работы.

Итоги иркутского совещания были зафиксированы в резолюции, выработанной на последнем заседании. В резолюции сформулировано обращение к Главному архивному управлению, в котором содержалась просьба обеспечить укомплектование штатов государственных архивов Сибири научными сотрудниками из числа выпускников Историко-архивного института, увеличить количество слушателей центральных курсов путем предоставления большего числа мест для работников госархивов Сибири, провести в текущем году совещание научных сотрудников госархивов с целью их инструктирования и обмена опытом работы²¹.

Указания Главного архивного управления НКВД СССР об усилении научной работы в архивах не прошли бесследно для архивных учреждений Омской области. В 1941 г. вместо должности инспектора в штат отдела государственных архивов Омской области была введена должность научного сотрудника, при отделе государственных архивов организована научная группа. В первой половине 1941 г. активно работал читальный зал, созданный при Государственном архиве Омской области, значительно расширилась и начала качественно меняться тематика исследований. Посетители читального зала занимались традиционными темами: «История революционного движения в Сибири и

Гражданская война», «История возникновения советов в Омске», а также «О крепостном праве в Сибири. Экономика крепостной эпохи», «Землепользование Сибири до Октябрьской социалистической революции», «Основные моменты исторической географии Сибири и Дальнего Востока в связи с заселением ее и административно-территориальным делением», «Переселенческая политика царского правительства», «История сибирского казачества», «История здравоохранения Омской области». Архивисты Тобольского филиала Омского областного архива подготовили 5 справок научного характера: по запросам Государственного музея Н. Г. Чернышевского в Москве, редакции журнала «Красный архив», редакции газеты «Правда» о пребывании Н. Г. Чернышевского в Тобольске, по запросу ГАУ НКВД СССР о пребывании в Тобольске Ф. М. Достоевского, по запросу Ленинградского государственного педагогического института о семье тобольского ямщика Черепанова, по запросам других учреждений о Ямальской экспедиции и о материалах по проектированию и изысканию железнодорожных линий в пределах Тобольского округа²².

Таким образом, несмотря на утрату официального научного статуса и жесткие условия функционирования в системе силового наркомата, в 1938 – первой половине 1941 г. руководителями архивной службы предпринимались меры по организации научной работы в региональных архивах. Специалисты Главного архивного управления стремились создать определенные условия для формирования научной атмосферы в сибирских архивных учреждениях и привития архивистам Сибири основ научной культуры.

Материал поступил в редколлегию 01.11.2006

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 861. Л. 31.

²¹ Там же. Л. 119.

²² ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 308. Л. 7.

УДК 351.73 (471.344)(091) + 947.085 (473.344)

Н.В. ИВАНОВ

УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК НКВД ЧУВАШСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ГЕРОИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ

Ключевые слова: война, тыл, борьба с преступностью, уголовный розыск.

На основе исторического подхода и с использованием новых архивных документов реконструирована деятельность правоохранительных органов в военных условиях 1941-1945 гг. на территории Чувашии. Показана специфика работы уголовного розыска НКВД Чувашской АССР, проанализированы ее основные направления, обобщены итоги и обоснован вывод о значительном вкладе сотрудников уголовного розыска в борьбу с преступностью и обеспечение правопорядка в тылу.

N.V. IVANOV

THE CRIMINAL INVESTIGATION DEPARTMENT OF THE CHUVASH ASSR PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR INTERNAL AFFAIRS DURING THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: HEROIC HERITAGE AND HISTORICAL LESSONS

Key words: war, rear services, struggle against crime, criminal investigation department.

The activity of law-enforcement bodies under military conditions of 1941-1945 on the territory of Chuvashia was reconstructed on the basis of the historical approach and using new archive documents. The specific character of the work of the criminal investigation department of the Chuvash ASSR People's Commissariat for Internal Affairs was shown, its basic directions were analysed, the results were summarized, and the conclusion was substantiated on considerable contribution of the members of the criminal investigation department into the struggle against crime and law enforcement in the rear.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. стала самым серьезным испытанием на прочность структур власти. Следует отметить, что чрезвычайные условия военного времени наложили отпечаток на деятельность правоохранительных органов, в том числе НКВД. Согласно Положению о Рабоче-крестьянской милиции от 15 мая 1931 г., задачей милиции являлись «учет и изучение движения преступности и причин, ее порождающих, изыскание и применение практических мероприятий в области борьбы с преступностью» [1]. В военные годы обязанности ее сотрудников значительно расширились: помимо охраны общественного порядка они вели борьбу с диверсиями, вредительством, мародерством, паникерством, дезертирством, распространением провокационных слухов.

Для решения проблемы дефицита кадров, возникшей вследствие ухода на фронт большого числа оперативников (в первые месяцы войны более 50% сотрудников милиции Чувашии ушли на фронт, в том числе 60 оперработников) [2, л. 76], были отменены все отпуска сотрудников, установлено ненормированное рабочее время, а с мая 1942 г., на основании указания НКВД СССР, введен обязательный 12-часовой рабочий день согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» [3, с. 4].

В годы войны произошло резкое ухудшение криминальной ситуации, изменился характер уголовных преступлений. В основном их совершали дезертиры из действующей армии, с предприятий военного производства, уклоняющиеся от военной службы. Собираясь в бандитские группы, они совершали тяжкие преступления. На территории Шумерлинского района оперуполномоченный милиции Шумерлинского РО НКВД ЧАССР сержант милиции Павел Егорович Егоров в апреле 1942 г. задержал 23 дезертира, в мае – 8, в июне – 5. Работники отдела уголовного розыска (ОУР), Канашского ГО НКВД в середине 1944 г. ликвидировали вооруженную группу бандитов, которые 4 мая этого же

года в Елисовском районе Марийской АССР убили милиционера и, отобрав револьвер «Наган» с боевыми патронами, скрылись [2, ф. 107, оп. 1, д. 1, л. 43].

Необходимо подчеркнуть, что дезертиры имели большие возможности вооружаться. Если до войны у преступного элемента при арестах обнаруживались единицы оружия, то в годы войны на вооружении преступников, особенно дезертиров, во многих случаях находились автоматы, гранаты и др. 15 января 1942 г. в д. Старо-Тагаево Октябрьского района были задержаны два дезертира, у которых изъяты 2 ручные гранаты, 2 трехлинейные винтовки и 120 боевых патронов [2, ф. 62, оп. 12, л. 32]. Только за 9 месяцев 1943 г. в Чувашии у преступников изъято 50 стволов огнестрельного оружия, в том числе 4 автомата ППШ; 17 кинжалов и штыков; 623 боевых патрона; 5,4 кг артиллерийского пороха [2, ф. 62, оп. 18, д. 1, л. 9].

Наличие оружия у бандитских групп привело к тому, что при ликвидации преступных групп и задержании преступников милиционеры зачастую встречали вооруженное сопротивление с их стороны. Так, Спиридонов, ранее осужденный за дезертирство к 10 годам с отправкой на фронт, дезертировал повторно и при задержании в д. Буртасы Вурнарского района совершил нападение на участкового уполномоченного Храмова, пытаясь отобрать у него наган. На помощь милиционеру пришли колхозники и помогли доставить преступника в районный отдел (РО) НКВД. На территории того же района дезертир Афанасьев совершил нападение на милиционера и, нанеся ему несколько ножевых ранений, скрылся. С помощью сельского актива сотрудники милиции своевременно задержали опасного преступника [2, ф. 62, оп. 12, д. 2, л. 158].

В директиве НКВД СССР № 553 от 10 декабря 1942 г. «О мерах по усилению борьбы с бандитизмом и дезертирством» было отмечено, что за время войны органами НКВД проведена значительная работа по борьбе с бандитизмом. Однако наряду с этим в ряде республик, краев и областей продолжали безнаказанно укрываться дезертиры и уклонившиеся от службы в Красной Армии, они и стали основным источником пополнения существующих и вновь организованных бандитских групп. Такое положение объяснялось тем, что большинство органов НКВД борьбу с бандитизмом проводило лишь путем преследования бандитско-дезертирских групп милицейско-войсковыми силами без сочетания этого мероприятия с агентурно-оперативной работой.

В годы Великой Отечественной войны одним из важных направлений деятельности милиции было выявление шпионов и диверсантов. Работники ОУР, руководствуясь директивой НКВД СССР № 171 от 17 июля 1941 г. «О порядке документирования граждан, прибывших в тыловые районы без паспортов и других документов, удостоверяющих их личность», подвергали их проверке по спискам эвакуированных с целью выявления среди них агентов фашистской разведки и уголовников.

Вместе с эвакуированными на территорию Чувашии просочились много преступников. Часть из них была освобождена из тюрем и исправительно-трудовых учреждений прифронтовых районов. Немецко-фашистские оккупанты использовали уголовников в своих целях и старались активизировать их преступную деятельность. Фашистская разведка пыталась сеять панику, распространять антисоветские настроения и разжигать межнациональную рознь. Из числа уголовников служба «Абвер» вербовала шпионов и диверсантов и под видом беженцев засылала их в советский тыл [4, с. 247-248]. Только в 1942 г. в 60 разведшколах органов немецкой разведки обучалось до 1,5 тыс. человек, а всего за год они подготовили около 10 тыс. шпионов и диверсантов. Часть из них была заброшена на территорию Чувашской АССР для проведения подрывной работы [5].

Сотрудниками ОУР НКВД ЧАССР была проведена масштабная работа по пресечению подобной деятельности. Например, заместитель начальника Вурнарского РО НКВД ЧАССР В.В. Варламов осенью 1943 г. задержал подозрительную гражданку, которая пояснила, что приехала из д. Казаки Татарской АССР с целью устроиться на работу. У задержанной, назвавшей себя Житковой Марией, эвакуированной из д. Витково Украинской ССР, не было при себе документов, удостоверяющих ее личность. Впоследствии она призналась, что была завербована в г. Белица сотрудниками немецко-фашистской разведки «Абвер», снабжена радиопередатчиком и переброшена в советский тыл для шпионско-диверсионной работы [2, ф. 62, оп.13, д. 4, л. 146].

Несмотря на сложившуюся сложную оперативную обстановку и нехватку кадров, уголовный розыск НКВД ЧАССР справлялся с возложенными на него задачами. Уже за первое полугодие 1942 г. по таким видам преступлений, как бандитизм, разбой, была достигнута 100% раскрываемость, по кражам – 96%. На протяжении всего периода войны эффективная борьба с преступностью велась в г. Чебоксары, Алатырском, Вурнарском, Канашском, Поречском и Шумерлинском районах. Благодаря четкой организации оперативно-розыскной работы, связям с общественностью органы милиции этих районов добились высокой (95-100%) раскрываемости преступлений. В ряде районов республики произошло снижение преступности. К примеру, на территории Советского района за первое полугодие 1942 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года преступность снизилась на 42,2% [3, с. 9].

За 1942 г. и 5 месяцев 1943 г. сотрудниками ОУР ликвидировано 40 бандитско-грабительских групп численностью 65 человек, предупреждено 188 уголовных преступлений [2, ф.1, личное дело Мижерова С.Т., ед. хр. № 3510]. В 1943 г. по таким опасным преступлениям, как бандитизм, разбой, половые преступления, хулиганство, мошенничество, была достигнута 100% раскрываемости. Работники уголовного розыска проводили большую работу по предупреждению преступлений. Если в первом квартале 1943 г. было предупреждено 1,3% преступлений от общего количества совершенных, то за аналогичный период 1944 г. – 3,7%. За первую половину 1944 г. этот показатель составил 6,7%, а за вторую половину того же года – 21,9% [2, ф. 61, оп.1, д.1, л. 100, 112, 189, 201, 239, 261].

Успех борьбы с преступностью зависел от совместной работы работников уголовного розыска с участковыми уполномоченными и постовыми милиционерами. Вот один из примеров взаимодействия. В ночь на 11 апреля 1942 г. на территории Канашского района был убит красноармеец Белов, а убийца скрылся. Оперуполномоченный РО НКВД Ф.Е. Егоров и участковый уполномоченный И.Г. Григорьев, получив задание о задержании убийцы, выехали в д. Хуруй Урмарского района, где организовали засаду и задержали опасного преступника [6].

Большую работу органы милиции провели по раскрытию преступлений прошлых лет, которые считались бесперспективными. Мартовское 1943 г. указание НКВД СССР требовало пересмотреть все дела по нераскрытым преступлениям, совершенным с первых дней войны, в первую очередь по убийствам, и наметить конкретные мероприятия по их раскрытию. В соответствии с этим указанием, были составлены бригады, состоящие из оперативных отделов и политотдела, для глубокого обследования служебно-оперативной деятельности аппарата милиции. Управление милиции командировало в Алатырский, Канашский, Козловский, Кувакинский, Шумерлинский, Ядринский и другие районы своих работников, в том числе – заместителя начальника Управления милиции С.М. Заварзина, начальника ОУР С.Т. Мижерова, начальника первого отделения ОУР М.С. Смирнова, начальника второго отделения ОУР А.И. Русакова, оперуполномоченных Л.И. Галямина,

Н.И. Иванова, С.Р. Романова, И.С. Статеева, эксперта Р.С. Мастаченко [6, д.1,2 за 1943 г.].

В 1944 г. значительные силы были направлены на предупреждение и раскрытие убийств. Большинство их было раскрыто, в том числе 33,3% ранее совершенных. Если общее количество преступлений, совершенных в Чувашской АССР в 1943 г., взять за 100%, то в 1944 г. общая преступность сократилось на 21,3%, в первом полугодии 1945 г. по сравнению с аналогичным периодом 1944 г. – на 51,8%, а по сравнению с первой половиной 1943 г. – на 54,9% [2, ф.61, оп.1, д.1, л. 100, 112, 127, 138, 146, 189, 236, 253, 275, 291].

Работники Управления милиции, взаимодействуя с милицией Канашского ГО НКВД, раскрыли ряд запутанных преступлений. Оперуполномоченный ОУР С.М. Матросов раскрыл убийство, совершенное в марте 1944 г. в Канашском районе, и установил личность убитой [6, д. 2 за 1944 г.]. Заместитель начальника Управления милиции С.М. Заварзин в сентябре 1944 г. раскрыл 3 убийства, совершенных в Канашском районе в разное время [2, ф. 61, оп. 1, д.1, л. 239].

В начале 1944 г. увеличились случаи разбойных нападений, сопряженных с убийством. Количество этого вида преступления в первом квартале 1944 г. по сравнению с четвертым кварталом 1943 г. возросло в 5 раз. Благодаря умелой организации оперативно-розыскной деятельности раскрываемость этих преступлений составила 100% [2, ф.61, оп.1, д.1, л. 189].

Немало сил и энергии борьбе с уголовной преступностью отдали начальник ОУР НКВД ЧАССР С.Т. Назаров, начальники отделений ОУР Н.В. Прокопьев, А.И. Русков, работники аппарата ОУР Л.И. Галямин, А.Г. Герасимов, А.И. Иванов, С.П. Павлов, С.М. Матвеев, И.Г. Майков, заместитель начальника Канашского ГО НКВД по милиции З.Ш. Шарафутдинов, оперуполномоченные Алатырского ГО НКВД Н.Ф. Бабасин, Порецкого РО НКВД А.И. Баранов, Янтиковского РО НКВД Ф.А. Смирнов, Шумерлинского РО НКВД Ф.О. Ластухин и многие другие.

Самоотверженный труд работников милиции Чувашии по достоинству оценен партией и правительством. Только за 1942 г. правительственными наградами отмечены 24 работника милиции НКВД ЧАССР, среди них – начальник первого отдела ОУР НКВД ЧАССР Н.В. Прокопьев [6, д. 2 за 1942 г.]. 3 июля 1942 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета Союза СССР о награждении орденами и медалями 543 сотрудников милиции, среди них работники милиции Чувашии [7]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 г. 12 сотрудников Чувашии были награждены медалями и орденами. Орденом «Знак почета» награжден заместитель наркома по милиции Я.Н. Никитин, медалью «За отвагу» – начальник ОУР С.Т. Мижеров, Медалью «За боевые заслуги» отмечен один из работников – заместитель начальника Козловского РО НКВД М.К. Турханов [2, ф. 61, оп. 1, д. 1, л. 189].

Таким образом, работники ОУР НКВД Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны приложили максимум усилий для поддержания правопорядка в республике, своевременного раскрытия преступлений, хотя бремя войны наложило на них дополнительные обязанности. Работники уголовного розыска с честью выполнили свой долг перед Родиной и тем самым внесли достойный вклад в борьбу с фашистской Германией.

Литература и источники

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время // Красная Чувашия. 1941. 28 июня.
2. Архив МВД Чувашской Республики. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1.
3. Уголовному розыску 80 лет. Чебоксары: [Б и.], 1998.
4. Скилягин А. Дела и люди ленинградской милиции. Очерки истории / А. Скилягин, В. Лесов, Ю. Пименов, И. Савченко. Л.: [Б и.], 1967. С. 247-248.

5. Фашисты засылают к нам своих агентов с заданием сеять среди населения различные провокационные слухи // Красная Чувашия. 1941. 14 октября.

6. Текущий архив отдела кадров МВД Чувашской Республики. Д. 1 за 1942 г.

7. О награждении правительственными наградами тружеников тыла // Известия. 1942. 3 июля.

ИВАНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – старший преподаватель кафедры общепрофессиональных дисциплин и дисциплин специализации факультета платных образовательных услуг, Чебоксарский филиал Нижегородской академии МВД России, Россия, Чебоксары (shevchenko23@mail.ru).

IVANOV NIKOLAI VASILYEVICH – senior teacher of department for general professional disciplines and special disciplines, Cheboksary branch of Nizhny Novgorod Academy of Russian Federation Interior Ministry, Russia, Cheboksary.



УДК 94(470) "1919"

С. Е. Матвеев

ОРГАНИЗАЦИЯ ГУБЕРНСКИХ ОТДЕЛОВ ВЧК НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В 1919 ГОДУ

Рассматриваются вопросы организации губернских отделов ВЧК во время Гражданской войны и установление государственной границы на Северо-Западе страны. Определяются основные направления деятельности губернских органов ВЧК.

31

The article explores the organization of the local All-Russian Extraordinary Commission departments during the Civil War and the establishment of the state border in the North-West of Russia. The main activities of these departments are defined.

Ключевые слова: Гражданская война, Всероссийская чрезвычайная комиссия, идеологическая борьба, контрреволюция, восстания.

В 1919 г. Гражданская война достигла своего апогея, многие современники тех событий прогнозировали близкий разгром большевиков, захват Петрограда и Москвы, восстановление монархической власти в стране. Генерал Н. Н. Юденич наступал на Северо-Западе, генерал-лейтенант Е. К. Миллер вел успешные бои на Севере, адмирал А. В. Колчак захватил практически всю Сибирь и Урал, а главнокомандующий вооруженными силами Юга России А. И. Деникин в своей знаменитой «Московской директиве» указал на главное направление действий добровольческой армии — Курск, Орел, Тула и далее Москва.

Большевистское руководство не могло не осознавать всей сложности положения. Контрреволюция внешняя, «смыкаясь с контрреволюцией внутренней», создавала угрозу существованию РСФСР. В разнообразных документах, декретах, приказах, воззваниях и обращениях большевики постоянно подчеркивали, что только чрезвычайные и жестокие меры, направленные против лиц, «замешанных в белогвардейской и контрреволюционной работе», позволят сломить сопротивление «подлых заговорщиков против власти рабочего класса и беднейшего крестьянства» [1, с. 63]. Подобный подход был весьма характерен как для лидеров РСДРП(б), так и для многих активистов, осуществлявших политику «красного террора» в различных губерниях и областях России [2, с. 5].

Организованная в 1917 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) мыслилась как «боевой отряд партии», как партийно-государственная спецслужба, имеющая четкую установку на решительную борьбу не только с политическими противниками, но и со сторонниками других взглядов и иных мировоззрений как внутри страны, так и за ее пределами. Активизация «внутренней и внешней контрреволюции», события Гражданской войны лишь подтвердили для руководства страны и ВЧК правильность действий по борьбе с идеологическими про-



тивниками. Массовый террор устрашал, а жесткие меры позволяли более или менее успешно решать разнообразные задачи в борьбе с контрреволюцией. Поэтому в 1919—1920-х гг. практически все прежние направления деятельности ВЧК получили свое дальнейшее развитие.

Введение с осени 1918 г. политики военного коммунизма с его тотальной регламентацией всего хозяйственного уклада, провозглашение насилия универсальным методом решения всех проблем, политика подрыва верстки, борьба с «социально чуждыми» элементами в деревне приводили к массовым восстаниям и образованию «зеленого фронта» в Гражданской войне. Только в Псковской губернии в конце 1918—1919 гг. вспыхнуло около 20 больших и малых крестьянских восстаний [3, с. 42—44], которые отвлекали части Красной армии, создавали внутреннее напряжение и могли существенным образом ослабить большевистские тылы. Это приводило к тому, что положение в деревне стало одним из основных объектов пристального внимания органов ВЧК — ОГПУ — НКВД [4].

Формирование и наступление Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича создало угрозу для Петрограда, были захвачены несколько крупных городов, в этих условиях борьба с реальными и мнимыми контрреволюционерами стала важнейшей задачей ВЧК на Северо-Западе России в 1919—1920-х гг. Причем противодействие контрразведке Юденича и выявление подполья велись при помощи самых разнообразных сил и средств. Еще в 1918 г. были обоснованы важнейшие принципы деятельности первой советской спецслужбы, которая была «карающим мечом диктатуры пролетариата». В инструкциях, положениях и приказах ВЧК говорилось о необходимости «организовать... аппарат более совершенно, чем он существует в настоящее время: наладить хорошо розыскной аппарат, так, чтобы разного рода контрреволюционные проходимцы, взяточники не гуляли, а сидели где им необходимо... Необходимо наладить теснейшую связь в смысле руководства высших инстанций низшими» [5, с. 36—39]. В материалах центральной фронтовой Чрезвычайной комиссии говорилось о необходимости приобретать «неофициальных агентов» из числа партийных товарищей, а также свободных и надежных граждан, которые должны были докладывать в ЧК обо всех известных ему случаях преступлений, взяток, тайных организациях и о «всякой контрреволюционной сволочи» [6, с. 249].

В военный период происходило усовершенствование структуры органов ВЧК по пути их большей приспособленности к борьбе с контрреволюцией «внешней и внутренней». Весной 1919 г. в условиях некоторой стабилизации положения на фронтах был сокращен аппарат чрезвычайных комиссий и проведена организационная и структурная перестройка [7, с. 278—279]. Губернские ЧК стали включать секретно-оперативный, особый, следственный, общие отделы и вспомогательные службы. Секретно-оперативный отдел сосредоточил функции всех трех ранее существовавших в губернских ЧК отделов (по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности).

В декабре 1918 г. было принято решение о создании в системе ВЧК особых отделов (ОО) — единых органов военной контрразведки, одной из задач которых была борьба с влиянием «белого офицерства» в Крас-



ной армии [7, с. 278]. На ОО были возложены задачи по выявлению неблагонадежных элементов в действующих и тыловых частях. Особое внимание уделялось тем подразделениям, где «в качестве инструкторов, техников и специалистов находится много бывшего офицерства, которые... творят свое грязное дело особенно среди мобилизованных солдат, провокационно призывая их на открытые выступления против рабоче-крестьянской власти... В этом отношении Комиссии должны иметь своих людей среди красноармейцев и поддерживать постоянную связь с партийными коммунистическими ячейками в воинских частях» [8, с. 278].

В составе ОО были образованы секретно-оперативные отделы, состоявшие из четырех отделений: информационного, оперативного, агентурного, следственного. В соответствии с названной инструкцией на оперативное отделение было возложено выявление новых форм и методов деятельности иностранных шпионских и контрразведывательных организаций [9, с. 67].

На местах особые отделы при Губчека были созданы в конце января 1919 г. Их сотрудники занимались в основном разоблачением контрреволюционеров в военной среде. В течение 1919 г. происходило становление работы особого отдела. Его сотрудники накапливали опыт оперативной работы, осуществлялось организационное строительство центральных и местных контрразведывательных органов.

К концу года были более четко определены контрразведывательные задачи деятельности особого отдела: раскрытие, предупреждение и пресечение работы шпионских организаций как осведомительного, так и вредительного характера; организация закордонной агентуры с целью выявления контрреволюционных организаций, посылки шпионов на территорию советской республики и пр. Одинаковые задачи контрразведывательной деятельности были поставлены как перед центральными, так и перед местными органами [10].

В прифронтовой полосе, в местах пересечения железных и шоссейных дорог создавались особые военно-контрольные пункты из сотрудников ЧК, которые осуществляли контроль за лицами, следующими в прифронтовую полосу и тыл Красной армии, а также наблюдали за работой железнодорожного и водного транспорта. Для выдачи пропусков были созданы специальные столы (бюро), которые составляли списки и вели оперативный учет передвижения населения вблизи фронта. На территории Псковской губернии летом 1919 г. таких военно-контрольных пунктов и столов действовало несколько — в Карамышеве, Дне, Порхове и некоторое время существовал контрольный пункт в Острове [11, оп. 3, д. 958]. Летом 1919 г. на Особый отдел ВЧК была возложена задача по охране границы. На территории Псковщины были созданы четыре пограничных отряда: Гдовский под номером 8, Псковский — 9, Островский — 10, Великолукский — 11. При каждом отряде имелось четыре комендатуры, в каждой из них по три оперативных работника.

Летом — осенью 1919 г. Псковская и Петроградская губернии стали центром событий, связанных с наступлением войск Н.Н. Юденича на Северо-Западе. В Пскове, где разместился корпус С.Н. Булак-Булаховича, действовала контрразведка Северо-Западной армии. Современники тех



событий вспоминали о чрезвычайно жестоких методах контрразведчиков, которые не только арестовывали красноармейцев и сочувствующих большевикам, но и проводили массовые казни и пытки [12]. Отряды «бабки» С.Н. Булак-Булаховича вели активную пропагандистскую деятельность среди крестьянства прифронтовых районов, пытаясь спровоцировать восстания. Среди населения распространялись разнообразные листовки и воззвания с призывами переходить на сторону «Атамана крестьянских партизанских отрядов», а всех коммунистов и комиссаров «вешать или тащить ко мне» [12]. Некоторые воззвания и пропагандистская деятельность возымели свое действие, и в районе Острова и Порхова в августе — сентябре «вспыхивают восстания дезертиров и кулаков» [13, с. 35—36]. Такая обстановка не могла не отразиться на деятельности Псковской ЧК. После освобождения Пскова чекисты провели аресты и обыски среди «контрреволюционеров» и всех, кто так или иначе был причастен к террору С.Н. Булак-Булаховича. За сентябрь 1919 г. в Пскове было арестовано несколько десятков «всякой контры». А в октябре — ноябре 1919 г., во время второго наступления Н.Н. Юденича, чекисты провели акцию по взятию заложников среди тех, кто мог оказать «существенную помощь белой контрразведке».

Помимо создания и деятельности губернского отдела ВЧК на основании решения первой конференции ВЧК, а также обращения 31 июля 1918 г. Совета пограничной охраны к председателю ВЧК Ф.Э. Держинскому было принято решение о необходимости создания отделов ВЧК на пограничных пропускных пунктах. В течение июля — августа 1918 г. все губернские и уездные ЧК, расположенные вдоль демаркационной линии, были преобразованы в окружные, участковые и пунктовые Чрезвычайные комиссии. На эстонско-латвийском участке демаркационной линии таковыми стали Ямбургская, Лужская, Торошинская, Порховская, Островская, Новоржевская, Опочечкая, Новосokolьническая, Себежская, Невельская участковые пограничные чрезвычайные комиссии и ряд пунктовых, расположенных в деревнях пограничной полосы. Они вошли в состав Петроградской и Великолукской (позднее Смоленской) окружных пограничных ЧК, пунктом территориального разграничения которых была станция Карамышево.

В соответствии с требованиями инструкции, изданной в августе 1918 г., пограничные ЧК и комиссары осуществляли контроль над частями и подразделениями пограничной охраны и таможенными учреждениями, производили «дознание над пойманными контрабандистами... шпионами, контрреволюционерами, спекулянтами, взяточниками и т.п.», вели «наблюдение за прибывшими из-за границы и отбывающими за границу лицами и товарами», проверяли «их виды и документы на проезд, на провоз товаров» [13, с. 35—36].

На пограничные чрезвычайные комиссии возлагалась также задача борьбы с контрабандой, шпионажем, спекуляцией и контрреволюцией в пограничной полосе. Для этих целей в распоряжение пограничных ЧК штаб Особого корпуса войск ВЧК выделял небольшие вооруженные отряды, которые в условиях неустойчивого политического положения в уездах приграничной территории часто приходилось использовать для



подавления крестьянских волнений, контрреволюционных и других выступлений, направленных против Советской власти.

Иногда отряды пограничных ЧК, устанавливая революционный порядок, сами предпринимали незаконные действия и совершали преступления. Так, в сентябре 1918 г. отряд Опочечкой пограничной ЧК во главе с Березиным в ответ на убийство красноармейца, которому «было нанесено около семидесяти кинжальных ран и отрезаны пятки», разогнал 500 вооруженных крестьян деревень Альхово и Пурышево, намеревавшихся «идти на Совет». Причем «в то время, когда разошедшие красноармейцы по домам стали выгонять крестьян, были совершены похищения, как-то: хлеба, гармоний и др.», за что «были на месте же тов. Березиным арестованы» и «наказаны» [14, ф. 589, д. 4110].

Однако, несмотря на трудности, за короткое время пограничным ЧК и комиссарам удалось задержать «много контрабандных товаров, идущих из России и в Россию», провести ряд успешных мероприятий по борьбе с контрреволюционным элементом, вошедшим в ряды пограничной охраны и таможенные учреждения, значительно улучшить кадровый состав сотрудников и качество выполнения ими служебных обязанностей, тем самым подтвердив необходимость и своевременность принятого решения об организации в пределах пограничной полосы специальных чекистских аппаратов.

После окончания Гражданской войны в связи с образованием пограничных отрядов в 1920 г. в Пскове был создан Особый отдел ВЧК эстонско-латвийской границы. Кроме того, в том же 1920 г. в городе Пскове дислоцировались особые отделы 19-й стрелковой дивизии 7-й армии, а в городах Великие Луки ОО 15-й и в Опочке — ОО 48-й дивизии 15-й армии. В 1920 г. также действовали транспортные ЧК на станциях Псков, Себеж, Новосокольники, Дно и Великие Луки. Именно пограничным особым отделам было поручено ведение активной контрразведывательной деятельности в приграничной полосе.

Таким образом, в сложнейших условиях Гражданской войны и появления государственной границы на Северо-Западе сложилась структура и были определены основные направления деятельности губернских органов ВЧК.

Список источников и литературы

1. *Еженедельник ВЧК*. 1918. №1 // ВЧК уполномочена сообщить... 1918 г. М., 2004. С. 63.
2. Литвин А. Л. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. М., 2004. С. 5.
3. Маркова М. Т. Крестьянские восстания в Псковской губернии в 1919 году // *Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность*. Псков, 2001. С. 42–44.
4. *Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД*. М., 1998.
5. Хришкевич Т. Г. Нарушение законности в Псковской деревне (по материалам секретных сводок ОГПУ 20-х гг.) // *Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность*. Псков, 1999. С. 36–39.
6. *Еженедельник ВЧК*. 1918. №6 // ВЧК уполномочена сообщить... 1918 г. М., 2004. С. 249.
7. *Еженедельник ВЧК*. Красный террор. №1 // ВЧК уполномочена сообщить... М., 2005. С. 278–279.



8. Петров М.Н. ВЧК — ОГПУ: первое десятилетие. Новгород, 1995. С. 57.
9. Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1917—1921). Л., 1978. С. 278.
10. Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ.
11. Государственный архив Псковской области. Ф. 626.
12. Псковский набат. 1928. 27 ноября.
13. Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 35—36.
14. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Псковской области.

Об авторе

С.Е. Матвеев — канд. юрид. наук, доц., Тульский государственный университет, priz@tsu.tula.ru

УДК 94(470) "1921"

А. В. Урядова

ФИНАНСОВАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВОССТАВШЕМУ КРОНШТАДТУ

Освещена деятельность эмиграции по оказанию финансовой и материальной помощи восставшим кронштадтцам: сбор средств, обращения к западной и русской зарубежной общественности, отправка и сложности, возникавшие в связи с решением этих вопросов. Рассмотрен вопрос помощи эмиграции бежавшим на Запад после восстания матросам и их семьям.

The article focuses on the assistance provided by Russian emigrants to the Kronstadt's rebels: raising capital, addressing Russian community abroad and solving difficulties of this campaign. It investigates the assistance provided by the emigrants to sailors refugees fled from Russia to the West after the rebellion.

Ключевые слова: Кронштадтское восстание, русская эмиграция, материальная помощь, зарубежная пресса, 1921 г.

Одним из первых, кто поднял вопрос о реакции эмиграции на Кронштадтское восстание, был В.И. Ленин: «И меньшевики, и эсеры объявляют кронштадтское движение “своим”, — отмечал он. — Вся белогвардейщина мобилизуется “за Кронштадт” моментально, с быстротой, можно сказать, радиотелеграфической... Свыше полусотни заграничных белогвардейских русских газет развивают бешеную по энергии кампанию “за Кронштадт”. Крупные банки, все силы финансового капитала открывают сборы на помощь Кронштадту» [10]. Более детально, хотя еще по «горячим следам», писал об этом в 1923 г. М. Горбунов. Он считал, что это событие еще раз

УЧАСТИЕ НОВОСИБИРСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НКВД-НКГБ В ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются вопросы внутренней и внешней жизни партийной организации управления НКВД-НКГБ по Новосибирской области накануне и в годы Великой Отечественной войны, изучаются условия жизни и работы коммунистов управления в 1941–1945 гг., анализируется характер взаимоотношений парторганизации областного управления безопасности с областными и районными исполнительными комитетами ВКП(б). Автор утверждает, что между органами безопасности и партийными органами Новосибирской области в 1941–1945 гг. существовала тесная взаимосвязь, обусловленная особенностью функционирования советского государственного аппарата в военное время.

Ключевые слова: управление НКВД-НКГБ; партийная организация; партийное собрание; райисполком ВКП(б); облисполком ВКП(б); партийный контроль.

Более двадцати лет органы госбезопасности России не являются «вооруженным отрядом партии», как это было в советский период отечественной истории. Под влиянием процессов демократизации общественной жизни в стране произошли коренные изменения в принципах организации деятельности органов власти и управления, включая органы безопасности.

Отличие современных спецслужб России от аналогичных советских структур заключается в том, что у последних в качестве единственного «заказчика» выступала правящая партия (РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б)-КПСС), которая осуществляла политическое руководство органами безопасности в интересах одной политической системы. Сегодня в качестве упомянутого «заказчика» выступает государство, и для ведущей службы обеспечения безопасности государства – ФСБ России – равны все политические партии и движения: в ней запрещается создание структурных подразделений политических партий, общественных движений, преследующих политические цели, а также ведение политической агитации и предвыборных кампаний [1. С. 464]. В соответствии с современным законодательством сотрудники Федеральной службы безопасности при осуществлении своей служебной деятельности не должны быть связаны решениями политических партий, общественных движений и общественных организаций [2. С. 217].

Изучение истории отечественных спецслужб показывает, что они всегда были связаны с политическими кругами. Однако еще не в полной мере исследованы вопросы о том, насколько сильна была эта связь, в чем она выражалась и с какой целью использовалась. В связи с этим интерес представляет изучение проблемы участия органов безопасности в политической жизни нашего государства на разных этапах его исторического развития, особенно в переломные моменты, к которым относятся предвоенный период и годы Великой Отечественной войны. В какой степени влияли органы ВКП(б) и НКВД-НКГБ друг на друга в предвоенный и военный периоды, по каким вопросам осуществлялось их взаимодействие и к каким результатам это приводило? На эти и другие вопросы попытался ответить автор настоящей работы, исследовав проблему на уровне одного из крупнейших региональных управлений безопасности в 1941–1945 гг. – управления НКВД-НКГБ по Новосибирской области.

Как накануне, так и в годы Великой Отечественной войны управление безопасности Новосибирской области

(УНКВД-НКГБ СССР по НСО) имело сложную структуру, включавшую многочисленные подразделения различного уровня (отделы, отделения и др.). Как правило, в большинстве из них существовала своя партийная организация (партийная группа), объединявшая коммунистов и кандидатов в члены ВКП(б), совместно проходивших службу. Соответственно, чем многочисленнее было подразделение, тем крупнее в нем была партийная организация.

Руководство всеми парторганизациями, в совокупности составлявшими единую парторганизацию управления НКВД-НКГБ, осуществляло партийное бюро, под контролем которого осуществлялась работа партийного комитета. Партком возглавлялся секретарем, которому помогали несколько заместителей и рядовые члены комитета. Общий состав парткома доходил до 10 и более человек. К основным задачам работы парткома относились: подготовка и проведение заседаний парткома, организация самостоятельной партийной учебы для коммунистов управления, руководство работой коллективов агитаторов, проведение военно-спортивной работы, руководство работой стенной печати, организация шефской работы, осуществление партийного контроля за работой оперативных и хозяйственных подразделений управления [3. Л. 1, 2].

На партийных собраниях (на общем и в партийных группах) обсуждались различные проблемы партийно-политической жизни управления. Например, весной 1941 г. в повестках партсобраний управления значились следующие вопросы для обсуждения: исключение и прием в члены ВКП(б), выборы редколлегий стальных газет, организация соцсоревнований между подразделениями управления, изучение «Краткого курса истории ВКП(б)», укрепление партийной и чекистской дисциплины, борьба за повышение чувства партийной ответственности за порученное дело, развертывание критики и самокритики, выполнение решений отчетно-выборных собраний [4. Л. 27, 154].

С началом Великой Отечественной войны на партсобраниях управления начинают активно обсуждаться вопросы военного времени: идейно-патриотическое воспитание сотрудников, обустройство их бытовой жизни и создание приемлемых условий работы, расселение семей эвакуированных в тыл чекистов, отправка посылок на фронт в Красную Армию и сбор средств на постройку военной техники, участие в работе в подшефных госпиталях, реализация программ

военного займа, вещевой лотереи и т.д. [5. Л. 85]. На партийных собраниях нещадно критиковались нарушители партийной дисциплины и оперативно-служебной деятельности. Часто, например, рассматривались дела, связанные со злоупотреблением служебным положением, «бытовым разложением», присвоением государственного имущества и т.д. [6. Л. 226–228].

Решения проводившихся собраний оформлялись протоколами, а текущая жизнь партийной организации отражалась в выпускавшихся стенгазетах и боевых листках. Так, например, в первой половине 1941 г., еще до начала войны, партийными группами УНКВД-НКГБ выпускалось около ста стенных и фотогазет, включая общую газету «На боевом посту» [4. Л. 43]. С началом Великой Отечественной войны количество выпускавшихся газет возросло. Так, в период с 26 июля 1943 г. по 26 января 1945 г. в парторганизациях УНКВД было выпущено 586 газет и боевых листков, в подготовке которых принимали участие 260 стенных корреспондентов, 31 ответственный редактор и 82 члена редколлегий [Там же].

Над партийным бюро областного УНКВД-НКГБ «шефствовал» областной исполнительный комитет ВКП(б) (Новосибирский облисполком), а на местах, где находились районные отделы и отделения НКВД-НКГБ, – районные исполкомы партии. В свою очередь, парторганизация управления совместно с комсомольской организацией осуществляла шефство над некоторыми школами, детскими садами и производственными комбинатами Новосибирска, а также рядом совхозов области. В подшефные организации из управления направлялись агитаторы, которые выступали с докладами и лекциями на политические и научные темы, проводили концерты самодеятельности, помогали наладить работу подшефным партийным и комсомольским организациям на местах [4. Л. 45–46].

Общая численность состава партийной организации УНКВД-НКГБ СССР по Новосибирской области постоянно менялась, поскольку зависела от штатной численности сотрудников управления, охватывая его значительную часть. Например, парторганизация управления НКГБ на 1 февраля 1945 г. насчитывала 342 человека, при этом из них высшее образование имели 36 коммунистов, среднее – 138 человек, незаконченное среднее и низшее – 168 человек [7. Л. 29].

Взаимодействие между парторганизацией областного УНКВД-НКГБ и исполнительными комитетами ВКП(б) в регионе осуществлялось в различных формах, к которым относились: обмен кадрами, поддержание деловой переписки, проведение совместных заседаний и др. Например, облисполком регулярно направлял различные задания, «сигналы» и запросы в областное управление безопасности, которое должно было незамедлительно на них реагировать и давать официальные ответы. По поручению партийных органов Новосибирской области органы безопасности решали задачи разного уровня начиная с обеспечения социально-экономической и политической безопасности всего региона и заканчивая организацией агитационной работы на избирательных участках в моменты выборов органов власти [Там же. Л. 48].

По заданию отдела кадров или партийной коллегии при Новосибирском облисполкоме ВКП(б) местные органы безопасности в годы войны привлекались для проведения спецпроверок «на предмет установления благонадежности» в отношении тех или иных лиц. Как правило, это касалось кандидатов для назначения на руководящие или другие ответственные должности в области, а также для включения в резерв для отправки в партизанские отряды в тыл противника. Кроме того, объектом проверки могли быть лица, имевшие судимость в прошлом и по тем или иным причинам попавшие в поле зрения партийной номенклатуры области [8. Л. 193–196]. Наряду с осуществлением спецпроверок органы безопасности принимали активное участие в перлюстрации почтовой корреспонденции области. Порой доходило до того, что органы военной цензуры занимались просмотром не только писем рядовых граждан, но и почты партийных организаций, по поводу чего, например, сильно возмущался в 1942 г. секретарь Новосибирского облисполкома ВКП(б) М. Кулагин [9. Л. 220].

Обращает на себя внимание, что в годы войны партийные органы на местах для решения своих текущих задач напрямую вмешивались в деятельность органов безопасности, причем часто в ущерб осуществлению последними своей оперативной работы. Так, например, в январе 1944 г. по решению секретаря Молчановского райисполкома ВКП(б) Новосибирской области все оперативные работники местного районного отдела НКВД, включая начальника, были назначены уполномоченными по хлебозаготовкам в различные колхозы Молчановского района, при этом им был запрещен выезд из курируемых колхозов без ведома секретаря райкома даже для решения оперативных задач. Это приводило к ослаблению оперативной работы в районе и оставлению арестантских дел без движения [10. Л. 8].

Интересно отметить, что между партийными органами и органами госбезопасности в годы войны порой происходила острая борьба за привлечение на свою сторону возможных кандидатов на работу. При этом местные чекисты проявляли поразительную смелость по отношению к своим партийным конкурентам. Так, например, в марте 1944 г. между Коченевским районным отделением НКГБ и Коченевским райисполкомом ВКП(б) шло настоящее сражение за военрука коченевской школы тов. Чижкова, проверенного и одобренного сотрудниками НКГБ в качестве кандидата для зачисления на службу в органы на оперативную работу. Имеющиеся в Госархиве Новосибирской области материалы переписки по указанной проблеме между райисполкомом, облисполкомом партии и райотделом НКГБ дают основание полагать, что, несмотря на все ухищрения и нежелание секретаря коченевского райисполкома тов. Журавлева отдавать на службу в органы тов. Чижкова, победили в итоге чекисты [Там же. Л. 124].

В военный период существовала прямая зависимость между благополучием дел в Новосибирском облисполкоме ВКП(б) и в партийной организации управления НКВД-НКГБ. В тех случаях, когда обком партии получал выговоры от ЦК ВКП(б) за плохую организационную работу в области (как это было, например, в нача-

ле 1945 г.), часть вины были вынуждены брать на себя коммунисты УНКВД-НКГБ, поскольку именно они отвечали за своевременный сбор и доведение до местного партийного руководства информации о реальном положении дел в регионе [7. Л. 174].

Таким образом, подводя итоги анализа участия партийной организации новосибирского управления НКВД-НКГБ в партийной жизни области накануне и в годы Великой Отечественной войны, можно утверждать следующее. Партийная организация УНКВД-

НКГБ по Новосибирской области являлась лишь частью регионального партийного аппарата в годы войны. Ее структура, порядок функционирования, решавшиеся задачи и другие элементы работы незначительно (хотя и с известной спецификой) отличались от других организаций подобного рода. Несмотря на свой грозный статус среди других правоохранительных структур, органы безопасности были полностью подчинены органам ВКП(б), которые управляли ими посредством своих «партийных резидентов».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронцов С.А.* Спецслужбы России. Ростов н/Д : Феникс, 2006. 512 с.
2. *Коровин В.В.* История отечественных органов безопасности. М. : ИГ НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 256 с.
3. *Государственный архив Новосибирской области (ГАО).* Ф. 460. Оп. 1. Д. 18.
4. *ГАО.* Ф. 460. Оп.17. Д. 42.
5. *ГАО.* Ф. П-1204. Оп. 1. Д. 35.
6. *ГАО.* Ф. П-1204. Оп. 1. Д. 41.
7. *ГАО.* Ф. П.-1204. Оп. 1. Д. 42.
8. *ГАО.* Ф. П.-4. Оп. 34. Д. 1.
9. *ГАО.* Ф. П.-4. Оп. 34. Д. 150.
10. *ГАО.* Ф. П.-4. Оп. 34. Д. 182.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 сентября 2011 г.



Колыма конца 1930-х годов... Форсированная россыпная золотодобыча истощила себя. Прогнозный уровень добычи золота, известный как «золотой вексель» Ю.А. Билибина, так и не был достигнут [1, с. 15]. Одна из причин отставания была очевидной – недостаточная геологическая изученность территории края. Кроме того, существенным препятствием стали чрезвычайно завышенные плановые задания, противоречия в руководстве Дальстроя в методах ведения геологоразведки и эксплуатации месторождений золота, незаконченное строительство дорог до приисков, отсутствие должного внимания к научно-техническим исследованиям, постоянный кадровый и финансовый дефицит [8, с.166–168].

В конце 1930-х гг. перед руководством Дальстроя стояла важная задача – расширить масштабы хозяйственного освоения Колымского края. Для выполнения такого колоссального объема работ необходимо было кардинально изменить специфику работы Дальстроя. Постановлением № 260 СНК СССР от 4 марта 1938 г. трест был передан в ведение НКВД СССР и преобразован в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР¹.

В этом же году по распоряжению НКВД СССР работу прежнего руководства Дальстроя проверяла комиссия НКВД СССР по Колыме в составе 12 специалистов-экспертов. Комиссию по Колыме возглавил новый

начальник Дальстроя НКВД СССР, старший майор государственной безопасности К.А. Павлов². На комиссию Наркоматом были возложены задачи: проверить состояние геологоразведочной службы Дальстроя, подсчитать запасы полезных ископаемых, ознакомиться с постановкой работ по добыче и обогащению руд, изучить организацию научно-исследовательских работ и контроля за технологическим процессом, а также разработать конкретные мероприятия по оказанию практической помощи Дальстрою³.

Комиссия состояла из двух основных групп: геолого-разведочной (профессор С.С. Смирнов, геолог Ю.А. Билибин, профессор В.Н. Зверев) и обогатительной (заместитель председателя комиссии, профессор С.П. Александров, доцент, инженер-металлург М.Д. Ивановский, ученый секретарь комиссии, инженер К.Ф. Барышева) и другие⁴. Члены комиссии Н.В. Зверев и Ю.А. Билибин приступили к работе 21 июля 1938 г., несколько раньше остальных, ознакомившись с постановкой работы в приисковых районах ЮГПУ и СГПУ⁵. Вторая группа прибыла на Колыму в августе 1938 г. на пароходах «Смоленск» и «Н. Ежов»⁶.

В общей сложности работа комиссии НКВД СССР проходила в течение пяти месяцев и была связана с началом массовых репрессий на Колыме по сфабрикованному делу о «Колымской антисоветской, шпионской, повстанческо-террористической, вреди-

¹ Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 143. Л. 357.

² В конце 1937 г. произошла смена руководства Дальстроя – начальником треста был назначен старший майор государственной безопасности К.А. Павлов, его заместителем стал прибывший из НКВД СССР комбриг А.А. Ходырев. Павлов Карп Александрович (1895–1957). В органах ВЧК – с 1918 г. Первоначально работал следователем и заведующим следственной частью Казанской, Самарской и Уфимской губЧК. Позднее возглавлял Гомельский, Ставропольский, Грозненский и Таганрогский отделы ГПУ, Шахтинское и Пятигорское ГПУ. В 1932–1937 гг. – заместитель полномочного председателя ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю, начальник УНКВД Красноярского края, заместитель начальника УНКВД Азово-Черноморского края, нарком внутренних дел Крымской АССР. На Колыму прибыл 1 декабря 1937 г. С 3 декабря 1937 г. – врио начальника Дальстроя, с 21 декабря 1937 г. – начальник Дальстроя. С 21 мая 1940 г. – зам. нач. Управления горно-металлургической промышленности ГУЛАГ НКВД СССР. 23 августа 1941 г. – начальник Главоборонстроя НКВД СССР. С 23 мая 1942 г. по 9 июля 1946 г. – начальник ГУШОСДОР НКВД – МВД СССР. В 1948–1949 гг. – начальник Волгодонстроя МВД СССР. С 18 марта 1949 г. – пенсионер.

³ Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО, Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 667. Л. 253.

⁴ Остальные члены курировали вопросы: нефтяное хозяйство Дальстроя – инженер С.Н. Скворцов, дорожное строительство – В.А. Жук, вопросы энергетики – В.А. Голубцов, эксплуатационные работы – горные инженеры Ф.И. Кондратов, А.И. Рычков и А.П. Бахвалов (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 667. Л. 256).

⁵ ГАМО. Д. 410. Л. 142.

⁶ См.: Советская Колыма. – 1938. – 16 августа.

тельской организации», «руководителем» которой был объявлен Э.П. Берзин⁷. Просчеты и ошибки прежнего руководства, по мнению комиссии, выражались в неправильной организации работы геологоразведки, когда геологи давали заниженные данные, чтобы предприятия могли быстрее выполнить план. Последовавшие за этим выводы комиссии содержали критику в адрес прежнего руководства Дальстроя, которое «было связано с врагами народа», указывали на «вредительство», дезорганизацию и отсутствие внутри треста общегосударственного контроля⁸. К сожалению, ее заключения и оценки были достоянием только чрезвычайно узкого круга руководящих работников Дальстроя НКВД СССР⁹.

«Подозрительными» считались все старые работники Дальстроя [2, с. 67–68]. Используя методы шантажа и пытки геологов, были выявлены «саботажники», «контрреволюционеры» и «вредители». Не желая быть арестованным и подвергнутым прямому физическому воздействию, главный инженер ЮГПУ, крупный специалист по разведке рудных месторождений В.В. Купер-Конин застрелился. Летом 1938 г. в число «врагов народа» попали такие опытные работники Дальстроя, как заместитель начальника технического сектора ГУ СДС П.В. Грунвальд, заместитель начальника ГУ СДС А.Н. Пемов, геодезист первой Колымской экспедиции Д.Н. Казанли, главный геолог ГРО ГУ СДС М.И. Конычев, главный геолог СГПУ Д.В. Вознесенский, бывший геолог Колымской геолого-поисковой экспедиции В.А. Цареградского В.И. Серков [3, с. 14–15; 4, с. 72–73, 143–144, 220, 229, 260–261; 5, с. 38–52, 54–59]. Затем, по результатам проведенной ревизии Омолонской экспедиции, в преступной антигосударственной деятельности были обвинены и подвергнуты арестам начальник экспедиции С.В. Новиков, его жена, первая женщина-геолог на Колыме Ф.К. Рабинович и другие¹⁰. Находясь под следствием, все арестованные подвергались мораль-

ным и физическим издевательствам. Их заставляли выстаивать «стойки», бросали в карцеры, жестоко избивали, вынуждая подписывать доносы и обвинения. Вот как вспоминал о том времени В.И. Серков при встрече с В.А. Цареградским: «Я вынужден был на тебя написать, что мы с тобой участвовали в сборе секретных сведений для Франции и Японии и что ты помогал мне отправить в Японию полтонны золота... Пока я отказывался подписывать обвинение, меня приводили оголенного в темную без окон камеру с цементными стенами, потолком и полом, в углу которой струилась из крана струя холодной воды... чтобы я стоял не сходя. Через три часа я терял сознание, падал, тогда вновь заходил охранник и выволакивал меня на низкий топчан, где приводил в сознание... Так продолжалось в день три раза. Вытерпеть эти пытки я сумел в течение трех дней... Следовательно продиктовал мне окончательный текст. Я попросил извинения, Цареградский ответил, что винить меня не может»¹¹.

Как указывалось в справке по данному делу от 6 июня 1938 г., подготовленной начальником управления НКВД Дальстроя старшим лейтенантом госбезопасности В.М. Сперанским, «особенно широко организацией было охвачено самое крупное Северное горнопромышленное управление Дальстроя... Репрессировано вольнонаемных 285 человек». Имевшиеся кадровые проблемы (потребность народного хозяйства в специалистах в этот период были удовлетворены только на 10 %) не ослабляли интенсивность «чисток», что не могло не сказаться на темпах развития края [6, с. 145–147].

В сводном отчете комиссии для доклада наркому внутренних дел СССР профессор Н.В. Зверев и геолог Ю.А. Билибин, отмечая «крупные достижения в выявлении громадных горнопромышленных перспектив края», сделали вывод, что состояние геолого-разведочных работ Дальстроя имело ряд существенных недостатков в их методике, органи-

⁷ 19 декабря 1937 г. Э.П. Берзин был арестован, расстрелян в 1938 г.

⁸ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 421. Л. 86.

⁹ Материалы Комиссии поступили в Секретный отдел Дальстроя в Москве. Копии материалов находились в Спецчасти Дальстроя в Магадане и управлении НКВД по Дальстрою.

¹⁰ В 1939 г. все арестованные, кроме А.Н. Пемова, были освобождены. После пересмотра по делу геологов, обвинения, изложенные в приказе № 1059 от 28 ноября 1938 г., не подтвердились. Следственными органами дело было прекращено, обвинения сняты, геологи реабилитированы. Ф.К. Рабинович, С.В. Новиков и Д.В. Вознесенский в 1940 г. покинули Колыму (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 654. Л. 173. Д. 417. Л. 164–165).

¹¹ См.: Магаданский комсомолец. – 1989. – 21 января.



зации и технике выполнения, не обеспечивало значительного резервного фонда разведанных запасов¹². По мнению членов комиссии, требовались серьезные мероприятия, связанные с перестройкой и быстрой ликвидацией последствий «вредительства», по совершенствованию геолого-разведочной службы¹³. Фактически новому руководству было предложено создать в системе Дальстроя центральное геолого-разведочное управление и реорганизовать ряд его подразделений, рекомендовано разработать план геолого-разведочных работ в соответствии с общим планом хозяйственной деятельности и особенно с планом развития золото- и оловодобычи. Среди проблем, на которые, по мнению экспертов, руководству стоило обратить самое пристальное внимание, были названы необходимость организации технической библиотеки, регулярно пополняемой всей выходящей литературой и периодическими изданиями по вопросам разведки и геологии, а также издание при геолого-разведочном управлении периодического научно-технического печатного органа. В качестве приоритетных задач указывалось сосредоточение внимания на привлечении новых инженерно-технических кадров, повышении их квалификации и создании условий для их дальнейшего профессионального роста¹⁴. Для выявления широкого комплекса природных ресурсов края и ряда других вопросов по освоению Дальнего Севера комиссия рекомендовала открыть на Колыме филиал Академии наук СССР¹⁵.

14 января 1939 г. члены комиссии закончили свою работу. Представленный сводный отчет экспертов составил шесть томов детальных заключений и атласов. По результатам обследования обогатительной группой по золоту и олову и геолого-разведочной группой по россыпному и рудному золоту были подготовлены материалы, включающие следующие документы: «Заключение о состоянии и перспективах обогащения золото и оловосодержащих песков в системе Даль-

строя» (доцент М.Д. Ивановский), «Заключение о состоянии золотых касс, химических лабораторий и исследовательских работ по обогащению в системе Дальстроя» (инженер-металлург К.Ф. Барышева), «Заключение о состоянии геолого-разведочных работ Дальстроя по россыпному и рудному золоту» (профессор Н.В. Зверев, геолог Ю.А. Билибин), «Оценка сырьевой базы Индигирско-Колымского края по россыпному и рудному золоту» (профессор Н.В. Зверев, геолог Ю.А. Билибин), «Записка о геолого-разведочных работах Дальстроя» (профессор Н.В. Зверев, геолог Ю.А. Билибин), «Записка о рудной базе Дальстроя по олову, цветным и редким металлам» (профессор С.С. Смирнов) и др. Две последние «Записки...» составили проект раздела сводного доклада комиссии для доклада Народному Комиссариату Внутренних Дел СССР. Отдельно комиссия сформулировала основные предложения по составлению III пятилетнего плана развития хозяйства Дальстроя НКВД СССР¹⁶.

Как подчеркивал член-корреспондент АН СССР И.Ф. Григорьев в своем отзыве о заключениях Ю.А. Билибина, Н.В. Зверева и С.С. Смирнова о перспективах рудной базы Дальстроя по золоту и олову, «основные закономерности распределения золотоносности остаются не выясненными». Главной причиной этого, как считал ученый, являлось отсутствие специальных сводных и тематических работ, которые могли бы конкретизировать задачи дальнейших исследований и уточнить влияние отдельных геологических факторов на локализацию оруденений.

Таким образом, указанные недостатки связывались с отсутствием комплексной методики в исследовании края. Прогноз, данный Ю.А. Билибиным, Н.В. Зверевым и С.С. Смирновым в отношении россыпного золота и олова можно было принять, по мнению И.Ф. Григорьева и В.А. Обручева, как «перспективную оценку для развертывания геолого-поисковых работ с целью дальнейшего освоения края» СССР¹⁷.

¹² ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 421. Л.195.

¹³ ГАМО. Л. 87–101.

¹⁴ В целях обеспечения горных предприятий Дальстроя квалифицированными кадрами в г. Магадане в 1938 г. при ГУ СДС был создан Горный техникум с отделениями: эксплуатация россыпных месторождений, геолого-разведочное отделение (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 667. Л. 92-93. Д. 38. Л. 71. Д. 4183. Л. 13).

¹⁵ ГАМО. Д. 667. Л. 201.

¹⁶ ГАМО. Л. 257–258.

¹⁷ ГАМО. Ф. Р-23. Оп.1. Д. 663. Л. 17, 48–52.



Перед геологами и инженерно-техническими работниками, в 1940-е годы осваивавшими богатства колымского края, вставали трудности, требовавшие творческих, научно обоснованных решений. В эти годы геологическая наука должна была пройти важный и нужный путь – путь накопления и обобщения знаний неисследованных северо-восточных районов с целью направленного выявления ценных полезных ископаемых и быстрого их хозяйственного освоения. Возникла необходимость создания собственной научной базы. Целенаправленное изучение террито-

рии Северо-Востока способствовало организации первых научно-исследовательских учреждений в структуре Дальстроя: научно-исследовательской группы при Юго-Западном горнопромышленном управлении (1938 г.), Центральной научно-исследовательской лаборатории ГУ СДС (1940 г.), научно-исследовательского отдела при Геолого-разведочном управлении ГУ СДС (1940 г.), научно-исследовательских отделов в районных геолого-разведочных управлениях. Именно в 1930–1940-х гг. зародилась геологическая наука Северо-Востока.

Библиографический список

1. Альшевский А.В. О «Золотом векселе» Ю.А. Билибина // V Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Первой Колымской экспедиции и 55-летию образования Магаданской области. – Магадан, 18–20 марта 2008 г. // Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Сев.-Вост. науч. Центр, Сев.-Вост. комплекс. НИИ ; [отв. ред. А.И. Лебединцев]. – Магадан : Кордис, 2008. – С.14–18.
2. Галченко И.И. Геологи продолжают путь. – М. : Сов. Россия, 1963. – 136 с.
3. Козлов А.Г. Ю.А. Билибин на Колыме : год 1938–й // Колымские вести. – 2001. – № 13. – С. 12–18.
4. Репрессированные геологи / гл. ред. В.П. Орлов; отв. ред. Л.П. Беляков, Е.М. Заблоцкий – М. : СПб., 1999. – 452 с. (МПР РФ, ВСЕГЕИ, РосГео).
5. Седов Р.В. Счастье и боль геолога Вознесенского // Колыма. – 2004. – № 2. – С. 38–52; Колыма. – 2005. – № 1. – С. 54–59.
6. Хисамутдинова Н.В. Политические репрессии в вузах Дальнего Востока (1920–1938 гг.) // Вопросы истории. – № 8. – 2008. – С. 145–147.
7. Широков А.И. Дальстрой : предыстория и первое десятилетие. – Магадан : Кордис, 2000.
8. Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг. : Опыт и уроки истории / под. ред. Э.И. Черняка. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – 460 с.

УДК 027.53

ЛАТЫШСКИЙ СЛЕД В ВЯТЛАГЕ НКВД-МВД СССР

© 2010 г.

Н.Ю. Белых

Вятский госуниверситет (г. Киров)

bva.prof@mail.ru

Поступила в редакцию 09.02.2010

В статье исследуется (на основе архивных материалов) трагическая судьба граждан Латвии, интернированных в июне 1941 года и доставленных в Вятский исправительно-трудовой лагерь (Вятлаг) НКВД СССР (Кировская область) – для содержания в нем в качестве «следственно-заключенных».

Ключевые слова: латыши, граждане Латвии, Вятлаг НКВД СССР, заключенные, уровень смертности.

В течение 1938–1955 годов на специальный учет Вятского ИТЛ (Вятлага) НКВД-МВД СССР были поставлены почти 180 000 человек (по категориям: «осужденные», «следственно-заключенные», мобилизованные в «трудовую армию» и в «рабочие колонны НКВД», «спецпереселенцы», «трудпоселенцы», «спецпоселенцы», «выселенцы», «ссылочнопоселенцы»). Не менее половины из них (90 000 человек) могут быть отнесены (в соответствии с действующим ныне российским законодательством) к числу репрессированных по политическим и/или национальным мотивам. Около 18 000 стали жертвами сталинско-советской карательно-исполнительной системы.

В этом скорбном списке – имена более 2500 латышей и жителей Латвии, далее по тексту просто «латыши» [1, с. 492–493; 2, с. 111–123; 3, с. 542–569].

Хронологически в развитии «латвийской темы» Вятлаговского мартиролога прослеживается (с определенной мерой условности) несколько периодов.

1) Начало 1938 года – середина 1940 года.

В этот период доставлены в лагерь около 350 латышей. Из них умерли (погибли) в лагере – не менее 52. Уровень смертности – не менее 14,9 процента. В эти годы в Вятлаг направлялись, прежде всего латыши, ставшие жертвами этнических «чисток»: в основном – в соответствии с известными решениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 июля 1937 года и 31 января 1938 года «Об антисоветских элементах», а также – по указанию НКВД СССР от 30 ноября 1937 года. Это так называемые «контрреволюционные националистические элементы из числа лиц латышской национальности, проживающие на терри-

тории СССР», политэмигранты, потомки дореволюционных переселенцев из Латвии в другие местности бывшей Российской империи и т.п.

Решения о применении репрессий выносились, как правило, во «внесудебном порядке» («особыми совещаниями» и «тройками» ОГПУ-НКВД) с жесткими карательными санкциями – от 5 до 10 лет «лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях».

Основные обратные адреса этапирования – Смоленская область (с районами, отошедшими позднее к Калужской и Псковской областям), Ленинградская область (включая Новгород и Псков), Горьковская (Нижегородская) область, Москва и Московская область, а также другие (всего более 30) регионы СССР – от Подолья на западе до Приморья на востоке и от Петрозаводска на севере – до Алма-Аты на юге. Несколько бывших граждан Латвии, репрессированных еще в первой половине 1930-х годов за «шпионаж» и «контрреволюционную деятельность», доставлены в Вятлаг из Соловецкой тюрьмы особого назначения НКВД СССР (СТОН, Архангельская область) – при ее расформировании в конце 1939 года.

Находились среди доставленных в это время в лагерь и латыши – жители Вятского края. Известно, что край этот издавна являлся территорией ссылки для лиц, неугодных сменявшим друг друга в России правителям и режимам. Лиц таких всегда набиралось немало, в том числе и в западных регионах империи, включая Прибалтику. Латышская «колония» традиционно являлась одной из наиболее представительных среди национальных общин в Вятке (Кирове). Кроме того, в начале XX века, в период «столыпинских реформ», на территорию ны-

нешних северо-западных (Мурашинского и Опаринского) районов Кировской области (ранее – Северный край, затем – Архангельская область) было переселено немало прибалтов – эстонцев и латышей. Эти люди освоили обширные пространства по притокам рек Кузюг и Молома, а затем показали отличный пример того, как надо распоряжаться этой землей: держали молочных коров, занимались бортничеством и овцеводством; из зерновых культур выращивали преимущественно ячмень, который на корню скупали архангельские (устюжские) и вятские (слободские) пивовары. На карте края появились такие названия, как разъезд Латышский, лесопункт Нацменовский, а позднее (в 1930-е годы) – колхозы «Нацмен», «Интернационал», «Новая деревня»... После «зачисток» 1930-х годов и военного лихолетья «прибалтийские» хутора и поселения опустели, затянулись бурьяном, а затем покрылись зарослями осины, березы, ели... [4, с. 60].

«Зачистки» основательно прошли по всей латвийской диаспоре в бывшем СССР и привели к тому, что ее численность сократилась со 151 000 человек в 1926 году до 128 000 – в 1939 году [5, с. 122–123].

Это был самый тяжелый (исключая первые годы войны) период в истории Вятлага – время его создания. Все приходилось начинать с нуля: прием и размещение осужденных, подбор кадров, строительство лагпунктов и прилегающих к ним поселений для сотрудников, производственное освоение местности в тайге, прокладку железной дороги... Впоследствии эту магистраль (от станции Верхнекамской до села Усть-Кулом на реке Вычегде в Республике Коми) длиной около 260 километров планировалось, видимо, использовать для осуществления проекта «поворота северных рек». На Вычегде и Печоре намечалось возведение плотин с электростанциями. Однако этот проект еще до войны был признан «порочным», и вместо него решили начать «особое строительство НКВД № 4 оборонного значения» – сооружение Кайского целлюлозного завода (ныне – поселок Созимский Верхнекамского района). Анархии и беспорядка в это время в лагере «хватало через край». Арестантов («рабсилу» или «исполнителей программы») тогда не жалели: их поступало предостаточно [6, с. 293–294].

2) Вторая половина 1940 года – середина 1941 года.

Среди вновь доставленных в лагерь – жители Латвии, репрессированные после вступления в нее советских войск и провозглашения Латвийской ССР: государственные служащие, со-

трудники правоохранительных и силовых структур упраздненного режима, офицеры и младшие командиры латвийской армии, бывшие функционеры запрещенных политических партий и общественных организаций, члены семей всех перечисленных категорий и т.п. – всего около 150 человек. Продолжают прибывать в Вятлаг и лица, интернированные в предшествующее время (бывшие партийные, советско-административные и хозяйственные работники, военнослужащие Красной Армии и другие «лица латышской национальности»). Основные составы обвинений: «сотрудничество с международной буржуазией» (пункт 4 статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года), «шпионаж» (пункт 6 той же статьи), «участие в контрреволюционных организациях и партиях» (пункт 11), «борьба против революционного движения» (пункт 13). Среди субъектов уголовной репрессии (наряду с «несудебными органами») более заметна роль судов общей юрисдикции и специальных судебных коллегий (включая Военную коллессию Верховного суда СССР), что можно объяснить особым и высоким должностным положением и общественным статусом целого ряда «объектов» применения «революционной законности».

Умерли в лагере в период с июля 1940 года по июль 1941 года (включительно) – 12 латышей.

3) Вторая половина 1941 года.

Самое значительное за всю историю Вятлага поступление в лагерь репрессированных жителей Прибалтики, прежде всего – Латвии. Особо выделяются три массовых этапа: 9 и 13 июля 1941 года – из Юхновского ИТЛ НКВД СССР (бывший лагерь для польских «военнопленных», располагавшийся на территории ранее Смоленской, ныне Калужской области), а также 10 июля – из Риги. В составе этих этапов – интернированные в середине июня того же года (во исполнение постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1941 года), отнесенные (в основном) к категории «А» (главы семей «социально опасного элемента»). Некоторое число латышей было доставлено в Вятлаг в последующие месяцы 1941 года – в составе заключенных, эвакуированных из лагерей и тюрем НКВД, которые оказались в прифронтовых зонах: Беломорско-Балтийский комбинат (Карелия), Свирьлаг (Ленинградская область) и др. Все эти этапы прибывали в крайне тяжелом физическом состоянии и принесли с собой резкий рост заболеваемости и смертности в лагере. Последний крупный этап 1941 года прибыл в Вятлаг 29 декабря из Кировской пересыльной

тюрьмы, он состоял преимущественно из интернированных в июне жителей Эстонии, но среди них находилось также несколько уроженцев и граждан Латвии.

Доставленные в Вятлаг 9, 10 и 13 июля 1941 года латыши (2791 человек) были размещены (за единичными исключениями) на 7-м лагерном пункте, расположенном у линии железной дороги (бывший поселок Ягодный, в настоящее время ликвидирован и разрушен) – в 6 километрах севернее центрального поселка лагеря («Соцгородок» – Лесной). Все вновь прибывшие были взяты на специальный учет по категории «следственный контингент» – как обвиняемые в «контрреволюционной деятельности» (по составам статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР) и/или как «СОЭ/СВЭ» («социально опасный/социально вредный элемент») – по статье 35 УК.

Производство следствия по делам этой категории заключенных было возложено на специальную группу НКВД Латвийской ССР; руководитель группы – капитан государственной безопасности Я.Я. Веверс (опытный чекист, ранее занимавший ответственные должности в территориальных и центральных органах НКВД СССР, впоследствии – генерал-майор госбезопасности, председатель КГБ Латвийской ССР) [7, с. 334]. Материалы следственных дел (включая постановления об избрании меры пресечения – аресте) оформлялись, как правило, в Вятлаге, «постфактум» (осенью 1941 года), то есть с грубыми нарушениями установленных законом уголовно-процессуальных норм.

Из общего количества доставленных в Вятлаг этапами 9, 10 и 13 июля 1941 года:

- не менее 114 человек (4.1 процента) в октябре-ноябре 1941 года были приговорены постоянной сессией судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда при Вятлаге к «высшей мере социальной защиты/уголовного наказания» (расстрелу) и отправлены 10 ноября 1941 года в тюрьму № 1 города Кирова – «для приведения приговора в исполнение», большинство из них расстреляно в январе 1942 года [8, с. 161–176];

- не менее 1600 человек (57.3 процента) умерли в 1941–1943 годах до вынесения решений по следственным делам, то есть до формального юридического оформления уголовно-го наказания;

- не менее 574 человек (20.6 процента), подвергнутых в 1941–1943 годах (как правило, заочно и в несудебном порядке – Особым совещанием при НКВД СССР) различным срокам лишения свободы, умерли в лагере до освобождения;

- остальные 492 человека (17.6 процента) были освобождены досрочно («по состоянию здоровья», «условно» и т.п.), «по истечению сроков наказания» либо отправлены «за пределы Вятлага» (в другие лагеря, в ссылку и по «иным основаниям»);

- 11 человек (0.4 процента) зарегистрированы как «прибывшие в Вятлаг», однако, по невыясненным пока причинам, учетные данные на них (карточки, личные дела) в архиве лагеря отсутствуют [2, с. 115].

Таким образом, достоверно установленные общие «безвозвратные потери» среди доставленных в Вятлаг этапами 9, 10 и 13 июля 1941 года жителей Латвии составили не менее 2288 человек, или 82 процента от числа «прибывших и поставленных на спецучет». Показатель экстраординарный – даже для статистики военных потерь [9, с. 478]. В советском (да и в современном) «гулаговедении» имелись (и во многом сохранились) свои оценки на сей счет [10, с. 174]. Но совокупность фактов и свидетельств (в том числе – из документальных материалов Вятлага) убеждает: гибель в ГУЛАГе для его узников в 1941–1943 годах была отнюдь не менее вероятной, чем для солдат на передовой.

4) Конец 1941 года – 1944-й год.

Зафиксировано относительно небольшое число доставленных в Вятлаг «лиц латышской национальности» и жителей Латвии (около 200 человек). В основном – это военнослужащие Красной Армии, а также лица из числа эвакуированных с территории Латвии перед ее оккупацией германскими войсками. Отправные пункты этапирования: Вологда, Ярославль, Киров, Иваново, Горький (Нижний Новгород) и другие города Северо-Запада и Центра России. Среди оснований применения уголовной репрессии преобладают обвинения по составам «контрреволюционных преступлений», предусмотренных пунктом 1-б статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР («измена Родине, совершенная военнослужащим») и пунктом 10-2 статьи 58 («антисоветская пораженческая агитация в условиях военного времени»). Основные субъекты репрессий: военные трибуналы общевойсковых объединений и подразделений (фронтов, флотов, армий, корпусов, бригад, дивизий, гарнизонов и т.п.); действовавшие по территориальному принципу (в республиках, краях, областях, фронтах и округах) военные трибуналы войск НКВД, а также транспортные трибуналы (железных дорог и водных бассейнов). Сроки уголовных наказаний составляют, как правило, не менее 10 лет лишения свободы с

последующим поражением в гражданских правах.

Этот период отмечен наиболее высокой смертностью среди узников Вятлага, прежде всего – по контингенту «контрреволюционные элементы», к которым причислялось и подавляющее большинство заключенных-латышей. За время с ноября 1941 года по декабрь 1943 года в лагере погибли не менее 2060 человек из этой категории, что составляет почти 81 процент от общего числа жертв среди латвийского «спецнаселения» Вятлага. Данные выборочного анализа документов из архивных личных дел заключенных-латышей (актов о смерти) свидетельствуют, что преобладающими причинами смертности являлись: поражения органов дыхания (пневмония, туберкулез легких и др.) – 55.1 процента всех случаев; физическое истощение (авитаминоз, пеллагра, дистрофия) – 51.7 процента; патологии сердечно-сосудистой системы (миокардит, артериосклероз и т.п.) – 48.2 процента; заболевания органов пищеварения (колит, энтерит и др.) – 27.6 процента (как правило, в актах о смерти зафиксировано не менее двух «летальных» диагнозов).

Преобладание среди причин смертности респираторных заболеваний можно (в определенной степени) объяснить небывало суровой зимой 1941–1942 годов. Эта зима до сих пор считается самой холодной за весь период метеонаблюдений в Вятском крае и в Кировской области. Средняя температура воздуха в ноябре 1941 года – марте 1942 года составила минус 15.1 градуса по Цельсию, что почти на 5 градусов ниже нормы. Очень холодными были декабрь 1941-го и январь 1942 годов (на 6–9 градусов ниже средних показателей). Например, с 16 по 25 января 1942 года непрерывно наблюдались температуры ниже минус 26 градусов, а в отдельные дни морозы доходили до 40 градусов. В эту же зиму выпало очень мало снега – в среднем всего 53 миллиметра в месяц (при «нормальных» значениях – 66 миллиметров) [11, с. 96].

Однако не только (и не столько) природно-климатические факторы сыграли главную зловещую роль в судьбе тысяч жертв Вятлага. Истинные причины их гибели гораздо глубже и многообразнее. Они заложены в самой советско-сталинской лагерной системе, в ее изначальной заданности не на собственно пенитенциарные цели (исправление, перевоспитание, социальную и моральную реабилитацию правонарушителей), а на жестокую кару, по сути – расправу над попавшим в гугаговские тенета человеком, унижение, отчуждение, нравственное, а зачастую – физическое его уничтожение.

Это – антигуманизм в одном из самых крайних, отчетливых и откровенных своих проявлений.

Следует отметить, что, несмотря на чудовищные условия содержания в военные годы, каких-либо попыток организованного сопротивления властям среди латышей в Вятлаге не зафиксировано. Хотя в других лагерях такого рода явления имели место среди отдельных (в том числе национальных) категорий заключенных. Всего за 1941–1945 годы в ГУЛАГе были «выявлены» среди «спецконтингентов» 603 «антисоветские организации и группы» с участием в них 4640 человек [12, с. 69]. Дела о «подпольных антисоветских организациях» разрабатывались и оперативно-чекистским отделом Вятлага: «группа Улманиса – Зариня» (оба умерли в лагере), «группа немцев-эмигрантов» (6 человек, все приговорены к расстрелу), «группа Панина» (28 человек, все подвергнуты длительным дополнительным срокам лишения свободы) и т.п. [13, с. 140]. Однако обвинения при этом были явно натянутыми и не имели объективной доказательной базы.

5) 1945–1955 годы.

Вновь – поступление в Вятлаг массовых этапов с «латвийским спецконтингентом». Общее количество заключенных-латышей, этапированных в Вятлаг в этот период, составило не менее 2500 человек. В «категорийном» их составе (имея в виду репрессированных за «контрреволюционные преступления») преобладают:

в 1945 году – выявленные на ранее оккупированных нацистской Германией и ее союзниками территориях так называемые «коллорационисты» («лица, служившие в специальных воинских формированиях вермахта и СС», «полицейские», «пособники оккупантов» и т.п.);

в 1946 году и в последующее время – «участники националистического антисоветского подполья» на территории Латвии, «члены националистических бандитских формирований», «бандпособники» и члены их семей.

Наиболее распространенные составы обвинений: «измена Родине» (пункт 1-а статьи 58 УК РСФСР), «недонесение о контрреволюционном преступлении» (пункт 12 той же статьи), «бандитизм» (пункт 3 статьи 59 УК). Доминирующая мера уголовного наказания: 25 лет лишения свободы с поражением в гражданских правах и конфискацией личного имущества.

В общем числе вновь поступающих в лагерь заключенных заметно увеличилась категория осужденных за «общеуголовные» и «бытовые» преступления. Несколько изменился (в сторону омоложения) возрастной состав «спецконтин-

гента». Эти обстоятельства, а также ряд других причин вызвали известное осложнение криминальной обстановки, а в ряде лагерных пунктов (19-й и 21-й отдельные лагпункты (ОЛПы), 5-й Комендантский лагпункт и др.) привели в 1953–1954 годах к серии массовых беспорядков и случаев организованного неповиновения. Однако сколько-нибудь заметной роли в организации этих акций заключенных-прибалтов (включая латышей) специальные следственные органы не выявили [13, с. 141].

21 февраля 1948 года Совет Министров СССР принял постановление № 416-159сс «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР» [14, с. 326–327], в соответствии с которым в МВД СССР создаются особые лагеря, предназначенные для содержания «диверсантов, националистов и участников антисоветских организаций» (приказ МВД СССР от 28 февраля 1948 года № 00219) [14, с. 328–330]. 16 марта этого же года принимается совместное решение МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР (приказ № 00279/00108/72сс) «Об организации особых лагерей и тюрем МВД для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении последних по отбытии наказания в ссылку на поселение под надзор органов МГБ» [14, с. 336–340]. Для реализации этой директивы были предназначены несколько особых лагерей: Минеральный (Коми АССР), Горный (Красноярский край), Дубравный (Мордовская АССР), Степной, Песчаный и Луговой (Казахстан, Карагандинская область), Береговой (Магаданская область), Озерный (Иркутская область) и другие (приказ МВД СССР от 10/11 мая 1948 года № 00508) [14, с. 340–341]. Поскольку к категориям «государственных преступников» причислялась значительная часть содержащихся в Вятлаге в эти годы латышей, многие из них были отправлены во вновь созданные особые тюрьмы и лагеря. Так, из числа депортированных в июне 1941 года были отправлены (за 1949–1951 годы): в Песчаный ИТЛ – 45 человек, в Минлаг – 29, в Луговой ИТЛ – 13, в Дубравный ИТЛ – 5, в другие лагеря и в вечную ссылку (на поселение) – 58, всего – 168 человек [3, с. 545].

Освобождение же из лагеря в эти годы носило, как правило, «условный» характер. Например, количество «освобожденных» в этот период латышей (266 человек из категории «осужденные») составило менее 9.8 процента от общего списка доставленных в июле 1941 года в

Вятлаг интернированных жителей Латвии. При этом право возвращения из Вятлага непосредственно к прежнему месту жительства (в Латвию) получили из них лишь 39 человек (чуть более 1.4 процента от числа этапированных в Вятский ИТЛ и менее 14.7 процента – от общего состава «освобожденных» из этой категории заключенных). Количество же «освобожденных» по категориям «подследственные» и «осужденные» (296 человек) составляет около 10.8 процента от общего списка доставленных в июле 1941 года в Вятлаг интернированных жителей Латвии. Из них право возвращения непосредственно к прежнему месту жительства получили те же 39 человек – менее 13.2 процента от общего состава «освобожденных». Число латышей, умерших в Вятлаге в 1945–1956 годах, – 55 (2.3 процента к общему количеству летальных случаев среди этой категории заключенных за 1938–1956 годы) [2, с. 120].

Всего же за период с февраля 1938 года по начало 1956 года в Вятлаг были доставлены около 6000 латышей, репрессированных по политическим мотивам. Из них умерли в лагере и расстреляны – не менее 2544 человек, то есть не менее 42.4 процента от числа поставленных на специальный учет в Вятлаге. В общем количественном составе мартиролога Вятлага (18 000 персоналий) на долю «лиц латышской национальности» (2213 человек, включая латгальцев) приходится не менее 12.1 процента. По численности латыши составляют в этом мартирологе третью – после русских (8131 человек, 44.6 процента) и немцев (2310 человек, 12.7 процента) – национальную категорию (из более чем 80 этнических номинаций). А жители Латвии в целом (2336 человек, 12.8 процента) представляют собой наиболее многочисленную (в территориальном аспекте) общность жертв Вятлага – среди обитателей более чем 150 других регионов бывшего СССР (республик, краев и областей) и 20 зарубежных стран [2, с. 113].

В августе 1995 года на окраине административного центра Вятлага – поселка Лесного – рядом с гражданским кладбищем установлен 6-метровый латинский крест из просмоленного соснового бруса, у подножия которого в бетонное основание вмурована металлическая плита с надписью на латышском, русском и английском языках: «Гражданам Латвийской Республики – жертвам коммунистического террора (1941–1952). Латвия 1995». Этот крест-памятник сооружен инициативной группой из Латвии во главе с И. Кнагисом и А.-Э. Пушкевичсом (сыновьями погибших в Вятлаге в 1941–1942 годах) и

остается единственным мемориальным свидетельством совсем недавней, но почти забытой ныне трагической истории этого лагеря.

Список литературы

1. Стродс Х. Латвийский мартиролог Вятлага (1938–1956). Рига, 2006. 519 с.
2. Веремьев В.И. Латыши в Вятлаге: опыт социально-демографического анализа // Проблемы истории российских спецслужб. Киров, 2004. С. 111–123.
3. Бердинских В.А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. 768 с.
4. Маракулин П. Земля художников // Вятка: Краеведческий сборник. Вып. V. Киров, 1981. 176 с.
5. Смирин Г. Основные факты истории Латвии. Рига, 1993. 167 с.
6. Бердинских В.А. История одного лагеря. М., 2001. 432 с.
7. История Латвии: XX век. Рига, 2005. 370 с.
8. Ежегодник Латвийского музея оккупаций. 2001. Рига, 2002. 215 с.
9. Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб., 1994. 558 с.
10. Кузьмин С. Лагерники (ГУЛАГ без ретуши) // Молодая гвардия. 1993. № 5–6.
11. Климат Кирова. Л., 1982. 215 с.
12. Земсков В.Н. ГУЛАГ, где ковалась победа // Родина. 1991. № 6–7. С. 68–69.
13. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Том 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. М., 2004. 736 с.
14. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов. Том 2. Карательная система: структура и кадры. М., 2004. 696 с.

THE LATVIAN VESTIGE IN THE VYATLAG OF NKVD

N.Yu. Belykh

On the basis of archival materials, the author describes the tragic destiny of Latvian citizens interned in June 1941 and placed to the Vyatka correctional labour camp (Vyatlag) of NKVD (Kirov region) where they were kept as «prisoners under investigation».

Keywords: Latvians, citizens of Latvia, Vyatlag of NKVD, prisoners, death rate.

УДК 332. 122 : 351.863 (470.62) «1943/1945»

Капустин Петр Иванович

преподаватель Краснодарского муниципального
медицинского института высшего
сестринского образования
i.turitsyn@mail.ru

**РОЛЬ ОРГАНОВ НКВД
В ВОССТАНОВЛЕНИИ
ЭКОНОМИКИ КУБАНИ В 1943-1945 гг.**

Статья посвящена анализу проблемы участия органов внутренних дел в возрождении разрушенного народного хозяйства, в регулировании хозяйственно-экономической жизни Краснодарского края в 1943-1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советский тыл, восстановление экономики.

Определяя наиболее существенные изменения в организации и деятельности органов НКВД в условиях развернувшегося очищения Северного Кавказа от фашистских оккупантов, следует отметить, что первые же успехи в деле изгнания фашистских войск поставили перед ними задачу обеспечения эффективной работы на освобожденной территории. Работники НКВД зачастую входили в освобождаемые районы первыми, вместе с наступающими частями Красной Армии, и становились основной силой в деле воссоздания местных органов власти, основным инструментом восстановления нормальной жизнедеятельности освобожденных районов. При этом с освобождением оккупированных территорий стоящие перед НКВД задачи существенно расширились.

В частности, уже 8 января 1943 г. было принято секретное постановление Краснодарского крайкома ВКП(б) «О проведении оперативных мероприятий в освобождаемых районах Краснодарского края от немецких оккупантов», которым в качестве основных задач для органов НКВД края были определены: восстановление местных органов управления, а также «охрана государственного имущества, организация возврата расхищенного» [1]. Согласно принятому плану оперативных мероприятий крайкомом были созданы три специальных оперативных группы по направлениям действий 47-й, 56-й и 18-й армий. В них включались секретари крайкома, ответственные работники крайисполкома и УНКВД. Несколько позднее (22.01.1943 г.) на армавирском направлении была создана еще одна группа [2]. Они должны были формировать местные органы власти, прежде всего, исполкомы и блок правоохранительных структур.

В целом, перед органами НКВД в рассматриваемый период был дополнительно по-

Kapustin Petr Ivanovich

Lecturer of the Krasnodar Municipal
Medical Institute of Higher
Nursing Education
i.turitsyn@mail.ru

**THE ROLE OF NKVD IN THE RECOVERY OF
KUBAN ECONOMY DURING
THE PERIOD OF 1943-1945**

The article is devoted to the analysis of the problem of participation of the bodies of internal affairs in recovery of ruined economy as well as in regulation of industrial and economic life of the Krasnodar Territory during the period of 1943-1945.

Key words: World War II, the Soviet rear, economy recovery.

ставлен целый ряд серьезных задач. Прежде всего, уже в самые первые дни после освобождения, как правило, именно сотрудники НКВД осуществляли колоссальный объем работы, связанный с воссозданием административно-хозяйственных структур, восстановлением нормальной жизни.

Обращаясь к анализу деятельности НКВД на освобожденной от фашистской оккупации территории, нужно отметить, что, в целом, органы внутренних дел на Северном Кавказе выполняли обширную комплексную задачу по налаживанию жизнедеятельности в освобожденных населенных пунктах. Предметом их ведения становилось самые неожиданные вопросы. Вместе с тем, в их комплексе полагаем необходимым особо выделить несколько наиболее значимых.

Прежде всего, исключительно большое значение во вновь освобожденных районах придавалось изъятию ценностей, разграбленных населением в период отступления немцев. В частности, запись в рабочем блокноте секретаря Краснодарского крайкома П.И. Селезнева об его пребывании в станице Гиагинской, освобожденной 29 января, фиксирует: «2. О возвращении разграбленного – плохо возвращают. Нажимать надо». В контексте отмеченного направления работы, осуществлявшегося параллельно с «очисткой» региона от немецких пособников, предателей Родины, а также от дезертиров, лиц, уклонявшихся от призыва в армию и пр., органами внутренних дел была взята на вооружение тактика проведения, во взаимодействии с внутренними войсками, подразделениями Красной Армии, массовых облав, проверок. К примеру, в ночь на 17 февраля частями Орджоникидзеградской дивизии НКВД совместно с райотделом НКВД были осуществлены: «обла-

ва леса в районе детколонии Новокубанская, ст. Кубанская, Ковалевская и в населенных пунктах Новокубанская и Хуторок». В итоге, ими были задержаны 147 человек. В ходе облавы обнаружили «большое количество продовольствия и других ценностей, растащенных населением при отходе немцев, на что взяты сохраненные расписки с обязательством сдачи в органы НКВД» [3].

Тема сбора «государственного и трофейного имущества, разобранного гражданами» являлась актуальной повсеместно. Не случайно органы исполнительной власти неоднократно публиковали соответствующие объявления в периодике с призывами к населению о сдаче трофейного и расхищенного государственного и колхозного имущества. Тем не менее, проблема оставалась крайне острой, порождая нарекания, упреки и обвинения в адрес милиции. Тем не менее, нужно признать, что последние работали вполне эффективно. Более того, в основном документы фиксируют административные меры и массовую добровольную сдачу населением разграбленного. Уголовных дел в регионе возбуждалось относительно немного.

В последующем, несмотря на известную стабилизацию ситуации, тактика проведения облав сохранила свою актуальность. В значительной степени они получили дополнительную актуализацию в связи с тем, что постановлением Военного совета Северо-Кавказского фронта от 31 марта 1943 г., то есть, спустя примерно полтора месяца после начала освобождения региона, его наиболее крупные центры были объявлены режимными городами первой категории. В связи с этим в целом, сюда был запрещен въезд граждан и возвращение эвакуированных без разрешения органов исполнительной власти. Граждане, прибывшие сюда на жительство в период оккупации, обязывались в пятидневный срок выехать к месту прежнего жительства. Одновременно развернулась «перепрописка» населения [4].

Характеризуя данное направление в работе органов правопорядка, нельзя не отметить фактов злоупотребления служебным положением, в частности, нарушений имущественных прав граждан. Особенно они были заметны в первой половине 1943 г., что отмечалось бюро крайкома ВКП(б) в июне 1943 г. по отношению к действиям некоторых районных советов края, которые «вынесли решение о конфискации и изъятии имущества у лиц, обвиненных в измене Родине и их семей». При этом указывалось на то, что в рамках данной операции отдельными сотрудниками органов внутренних дел были допущены противоправные действия. В частности, ими были «допущены незаконные массовые обыски и изъятие имущества и продоволь-

ствия граждан... часть изъятых ... присвоена самими обыскивающими» [5]. В связи с выявленными недостатками, краевым УНКВД в отношении виновных были приняты дополнительные меры профилактического и репрессивного плана.

В аграрном регионе Северного Кавказа особую актуальность приобрела охрана сельскохозяйственного имущества, значительно пострадавшего за период с начала военных действий. Так, к весне 1943 г. по Краснодарскому краю были неисправны 52% тракторов, а живого тягла осталось 37% от доокупационного времени [6]. В то же время, значительная часть имущества бывших колхозов оказалась в частных руках. В данном случае сказалось естественное стремление населения обеспечить себя в условиях оккупации. Следует также учитывать явления массовых хищений периода эвакуации. В то же время, в определенной степени это было обусловлено и тем, что во время оккупации немецкими властями осуществлялось перераспределение собственности, принадлежащей колхозам в пользу лиц, которые были настроены лояльно к оккупантам. В любом случае, вне зависимости от отмеченных особенностей, возврат всего колхозного имущества был объявлен первоочередной задачей НКВД. Причем ее выполнению было придано ясно выраженное политическое звучание. В данной связи, к примеру, прокурор Пластуновского района Краснодарского края Комягин, в своем выступлении на пленуме райкома 3 июня 1943 г. рассматривая ситуацию, когда крестьяне отказывались передавать в колхозы часть колхозного скота, перешедшего к ним в личное пользование в период оккупации, отмечал, что «немецкие оккупанты оставили свои следы и влияние на некоторую часть отсталых колхозников» [7].

В последующем, по мере укрепления районных отделов, деятельность по мобилизации колхозного и государственного имущества планомерно проводилась уже их сотрудниками. В целом масштабы проведенной в отмеченном направлении работы и объем возвращенных ценностей оказались довольно значительными. Показательны в данном отношении цифры по Кореновскому району Краснодарского края. По приблизительным данным к 1 сентября 1943 г. здесь было изъято «у изменников Родины расхищенного с ферм скота: крупного – 680 голов, мелкого – 405 голов, прочего – 215 голов» [8].

Определенное внимание в рамках периода было уделено и расследованию событий периода эвакуации и оккупации части территории Северного Кавказа. В частности, весной 1943 г. Краснодарским УНКГБ было произведено особое дознание на предмет выяснения, было ли в момент оставления части территории края вы-

ведено из строя все оборудование, и не использовали ли уцелевшее немецкие оккупационные власти. Комиссия завершила работу в сентябре 1943 г., сделав вывод о том, что основными причинами ряда неудач спецмероприятий стали спешка, непрофессионализм исполнителей и дефицит взрывчатых веществ [9].

Органы НКВД были задействованы в решении массы хозяйственных и административных вопросов. Например, на XII расширенном пленуме Краснодарского крайкома ВКП(б) (6-7.03.1943 г.) с участием первых секретарей горрайкомов, председателей исполкомов и руководителей хозяйственных ведомств края, отмечалось участие УНКВД в наведении порядка в сфере регулирования железнодорожного сообщения. Активно использовалась милиция для борьбы за обеспечение должного уровня гигиены в населенных пунктах, в том числе, для контроля за санитарным состоянием, борьбы с эпидемией сыпного тифа и пр.

Большое внимание в работе НКВД уделялось борьбе со спекуляцией. Отчасти ее успеху способствовало ужесточение правил и порядка торговли. С 18 мая 1943 г. в городах Краснодарского края были закрыты все коммерческие рестораны и закусочные. Под жесткий контроль были поставлены рынки, где для борьбы со спекуляцией учреждались посты милиции. Большое внимание уделялось борьбе с самогонварением. Органам милиции предписывалось не ограничиваться административными штрафами, а передавать такие дела в народные суды [10]. Тем не менее, в целом ситуация в данной сфере оставалась в 1943-1945 гг. особенно сложной. Особенно остро стояли вопросы борьбы с хищениями в торговле.

В целом, содействие выполнению народнохозяйственных задач являлось принципиально важным направлением работы органов НКВД. После изгнания в 1943 г. фашистов с территории Северного Кавказа предстояло в короткий срок возродить экономику региона. Вопросы незамедлительного возрождения экономики нашли свое отражение в таких принципиально важных правительственных документах, как постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов» от 23 января 1943 г., постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в регионах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 г. и в других директивах.

В частности, в процессе реализации партийно-правительственных решений в деятельности органов НКВД оказалось особенно востребованным постановление СНК СССР от

8 января 1944 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам» [11], направленное против хищений в сельском хозяйстве.

В рассматриваемый период одним из важных направлений работы местных органов власти и управления, в том числе и НКВД, стала также мобилизация трудоспособного населения. Участие ведомства в осуществлении трудовых мобилизаций существенно повысило их эффективность. В частности, это было ощутимо в нефтяной промышленности, где к весне 1943 г. численность рабочих была в 10 раз меньше по сравнению с 1941 годом. В результате проведенных мобилизаций, к примеру, в распоряжение Краснодарского нефтекомбината только до конца 1943 г. было передано более 1500 работников. Массовые мобилизации в основном сняли остроту проблемы. В феврале 1944 г. в нефтяной отрасли Краснодарского края работало около 6000 человек [12].

Впрочем, массовые мобилизации, проводимые в кратчайшие сроки, не могли в полной мере решить проблему кадров. В данной связи, важное значение приобрели новые направления работы НКВД, в частности, их участие в обеспечении необходимого уровня трудовой дисциплины. Так или иначе, но то, что в 1944 г. в коллективных хозяйствах Краснодарского края «была самая высокая в стране выработка трудодней» [13], есть и определенная доля и их заслуги. В целом, следует признать, что отличительной особенностью периода стало то, что повсеместно на Северном Кавказе в 1943-1945 гг. сократилось число правонарушений на производстве.

Впрочем, оценивая сегодня отмеченное направление работы НКВД, трудно дать ему однозначную оценку. С одной стороны, оно являлось одним из важнейших направлений служебно-оперативной деятельности органов НКВД-НКГБ Краснодарского края в восстановительный период. С данной стороны пресечение участвовавших хищений государственного имущества, а также производство дознания по делам, связанным с прогулами на предприятиях имели большое позитивное значение. Так, в 1943 г. из 26 396 уголовных дел, рассмотренных в народных судах Краснодарского края, 39% составили дела по хищениям, 16% дела по прогулам. Такое относительно большое количество осужденных за указанные преступления объяснялось тем, что «в строй вступают новые производства и предприятия, контингент рабочих и служащих увеличивается, а следовательно, и число прогульщиков становится больше» [14]. Но с другой стороны, решение задач по возрождению народного хозяйства на освобождаемой

территории далеко не всегда учитывало человеческий фактор (имеется в виду положение, когда государство, «выжимая» максимум из работника, далеко не всегда обеспечивало ему и его семье возможности для нормального существования, и, прежде всего, это касается продуктов питания). В результате имело место увеличение фактов хищения зерна в сельском хозяйстве (поскольку это было нередко единственной возможностью прокормиться). Ситуация

в указанной сфере стала поистине критической к концу 1943 г. в связи с интенсификацией государственных хлебозаготовок.

В целом, рассматривая проблему участия органов внутренних дел в восстановлении народного хозяйства, следует заметить, что оно выражалось в решении ими очень широкого круга задач, прямо и косвенно обеспечивающих налаживание мирной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3-х кн. Краснодар, 2003. Кн. 2. Ч. 1.
2. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 1 доп. Д. 30. Л. 1, 6-7, 10; Ф.652. Оп.1. Д.530а. Л. 25-25об.
3. Кубань в годы Великой Отечественной войны...
4. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 655. Л. 39.
5. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 538. Л. 26.
6. ЦДНИКК. Ф. 1774-А Оп. 2. Д. 538. Л. 26.
7. ЦДНИКК. Ф. 1386. Оп. 2. Д. 3а. Л. 8.
8. ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 346. Л. 5.
9. САФ ИЦ ГУВД КК. Ф. 10. Д. 1. Т. 4. Л. 46.
10. Кубань в годы Великой Отечественной войны...
11. Советское право в период Великой Отечественной войны. М., 1948. Ч. 2.
12. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 1. Д. 2978. Л. 25; Д. 3002. Л. 32.
13. *Криводед В.В.* Кубанское крестьянство и казачество в годы Великой Отечественной войны // Историческая мысль Кубани на пороге третьего тысячелетия. Краснодар, 2000.
14. ГАКК Ф. Р. 1430. Оп. 1. Д. 166. Л. 1, 28.

ЛАГЕРЯ НКВД НА УРАЛЕ В 1940-х - НАЧАЛЕ 50-х ГОДОВ

Г.Я.Маламуд

grig@sci.urc.ac.ru

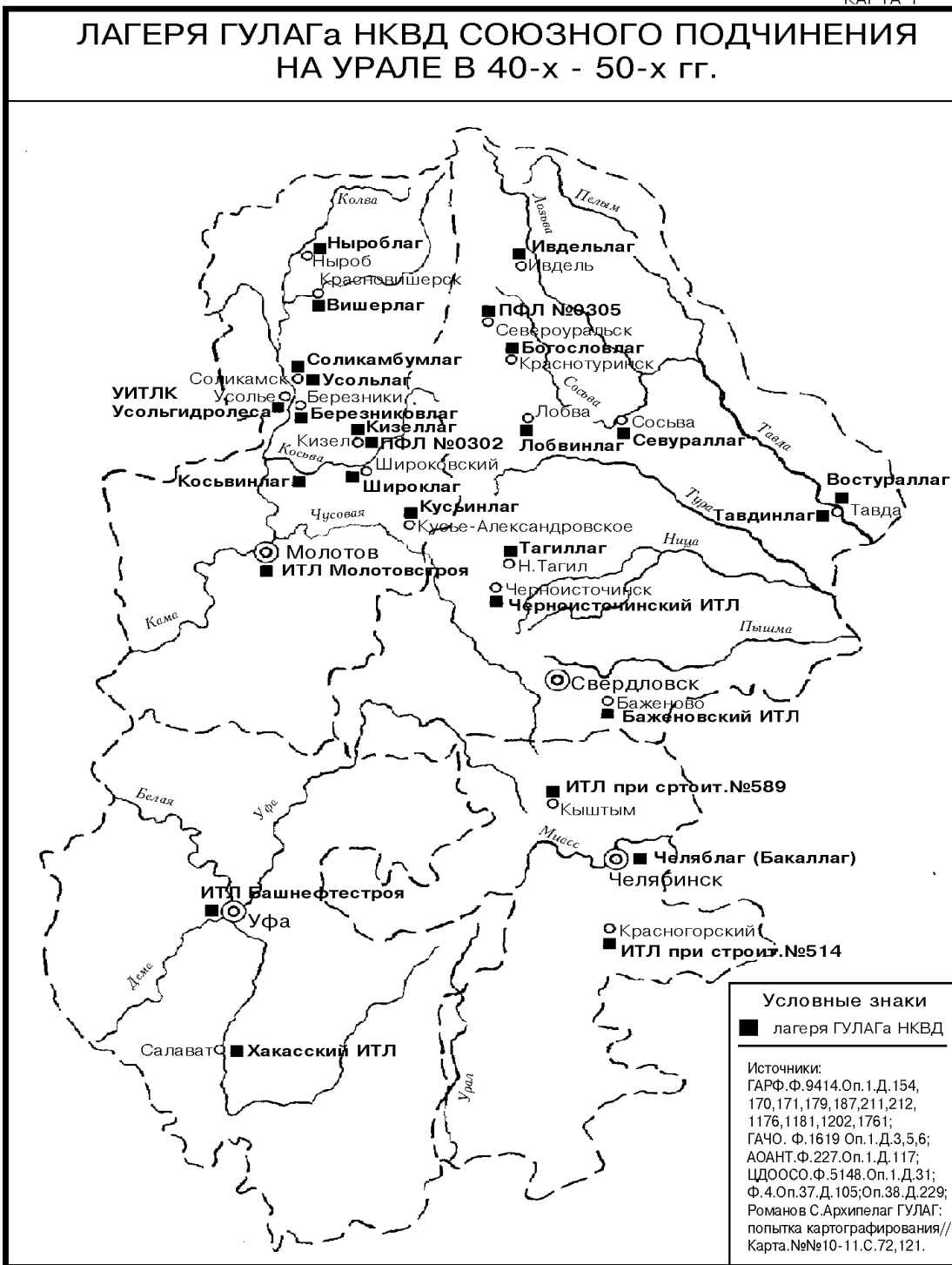
Южно-уральский отдел Института истории и археологии УрО РАН

В 40-х - начале 50-х годов в СССР действовала разветвленная сеть исправительно-трудовых лагерей, интегрированных в экономику страны. Значительная их часть дислоцировалась на Урале.

На территории Свердловской области в этот период функционировали следующие лагеря союзного подчинения: Богословлаг, Севураллаг, Востураллаг, Лобвинлаг, Тавдинлаг, Тагиллаг, Ураллаг, Баженовский ИТЛ, ИТЛ-100, Ивдельлаг, Черноисточинский ИТЛ.

KAPTA 1

ЛАГЕРЯ ГУЛАГа НКВД СОЮЗНОГО ПОДЧИНЕНИЯ
НА УРАЛЕ В 40-х - 50-х гг.



Богословлаг был организован в 1940 году. Управление лагеря размещалось на станции Бокситы, затем в районе города Краснотурьинска. Численность заключенных на момент открытия – 9.846 человек, на момент ликвидации – 9.159 человек. Максимальная численность зафиксирована в 1946 году – 20.438 человек. Лаготделения Богословлага размещались в городах Североуральске, Волочанске, Карпинске, Бокситах и Называевском районе Омской области. Управление Севураллага поочередно дислоцировалось в городах Краснотуринске, Ирбите, затем в пос.Сосьва Серовского района. На 1 апреля 1952 года Севураллаг состоял из 12 лаготделений, включавших 40 лагпунктов. Востураллаг выделился из состава Севураллага летом 1942 года, включив в себя 59,5% материальных ресурсов бывшего Севураллага. Управление лагерем дислоцировалось в городе Туринске. На момент образования Востураллаг состоял из 9 лаготделений, в том числе: Санкино, Таборы, Сплавное, Азанки, Туринское, Шарыгино, Куренево, карьер и отдельный лагпункт № 6. На 1 марта 1954 года лаготделения Востураллага включали в себя 30 лагпунктов. Численность заключенных Востураллага на январь 1943 года составляла 5.017 человек, на декабрь 1943 года – 5.215 человек, на 1 марта 1954 года – 14.492 человека. Управление Ивдельлага дислоцировалось в городе Ивдель. На 16 декабря 1951 года Ивдельлаг состоял из 15 лаготделений, включавших 47 лагпунктов. На 1 марта 1954 года лагерь состоял уже из 8 лаготделений, включавших 27 лагпунктов. Численность заключенных Ивдельлага на 5 декабря 1942 года составила 18.988 человек, на декабрь 1943 года – 5.689, на 20 мая 1951 года – 24.539, на 1 марта 1953 года – 16.317. В целом численность населения Ивдельского района Свердловской области не превышала численности контингентов Ивдельлага. Тагиллаг (Тагилстрой НКВД) был создан в 1941 году. Управление лагерем располагалось в городе Нижний Тагил. Численность заключенных Тагиллага на 5 декабря 1942 года составила 53.700 человек, на 1 мая 1943 года – 32.217, на 1 июля 1945 года – 18.387, на 1 марта 1953 года – 17.875. Тавдинлаг дислоцировался в районе г.Тавды. Численность заключенных лагеря на 5 декабря 1942 года составляла 2.186 человек, на 1 мая 1943 года – 5.080. Черноисточнинский ИТЛ численностью 1155 заключенных на тот же период размещался у пос.Черноисточинск. Лобвинлаг дислоцировался в окрестностях поселка Лобва. Численность заключенных лагеря на 1 мая 1943 года равнялась 2.319 человек. Уральский ИТЛ (7 лаготделений), ИТЛ-100 (4 лаготделения) и Баженовский ИТЛ, имевший на 26 апреля 1953 года три лагпункта, в которых содержался 3.361 заключенный, действовали в Свердловской области в конце 40-х-начале 50-х годов [1.Д.417. Л.4; 2. Д.170. Л.52; Д. 212. Л.166-168; Д.1181. Л.7-37; Д. 1202. Л.7-11; 4. Д.103. Л.23; 6. С.4-78; 9. С.190].

На территории Молотовской области дислоцировались ИТЛ Соликамбумстроя (численность заключенных на январь 1942 года – 9.743 человека, на декабрь 1943 года – 6.077), Березниковлаг (численность заключенных на 5 декабря 1942 года – 7.886 человек), Богословлаг (численность заключенных на 1 января 1942 года – 9.471 человек, на 5 декабря 1942 года – 16.357, на декабрь 1943 года – 9.247), Понышлаг (1256 заключенных на 1 мая 1943 года), Широлаг (129 заключенных на тот же период), а также Бубельлаг, Вишерлаг в

районе г.Красновишерск, Ныроблаг в районе г.Нароб, ИТЛ Косьвинстроя (Косьвинлаг) на р.Косьва, Усольлаг, Кусьинлаг, УИТЛК "Усольгидролес" и ИТЛ строительства № 915. Управление Усольлага размещалось в г.Соликамск. В составе лагеря имелось 17 лаготделений, включавших 29 лагпунктов, из них 5 лагпунктов строгого режима, 12 – усиленного режима и 12 – общего режима. Численность заключенных на 5 декабря 1942 года составила 28.386 человек, на 1 мая 1943 года – 20.677, на 1 мая 1953 года – 18.607, на 1 мая 1954 года – 16.400. Управление и центральная зона Кусьинлага размещалась в поселке Кусья. В мае 1953 года в составе лагеря функционировало лаготделение № 1, включавшее Койвинский, Тырымский и Вижайский лагпункты. Численность заключенных Кусьинлага на 1 января 1953 года составила 1.844 человека, на 1 мая 1953 года – 476. Управление ИТЛК при тресте "Усольгидролес" в районе г.Усолье включало 4 лаготделения, численностью на 1 апреля 1953 года – 2.784 заключенных, на 18 мая 1953 года – 1.858 [2. Д.171. Л.10-15; Д.181. Л.1-43; Д.212.Л.145; Д.1162. Л.30; Д.1176. Л.6,136; Д.1181. Л.7-38; Д.1202. Л.3; 8. С.10-11].

На территории Челябинской области с января 1942 года действовал Бакаллаг (в августе 1942 года переименован в Челяблаг) – лагерь при Бакалстрое (Челябметаллургстрое) НКВД. Заключенные Челяблага в 1942 году содержались в лагучастках № 1 (2.600 человек), № 2 (1.200 человек) и № 3 (500 человек) на территории основной стройплощадки Челябинского металлургического завода, а также в двух лагучастках на территории Ильменского заповедника (300 человек). К 1 января 1944 года число заключенных лагеря достигло 11.482 человека. С 1946 года в районе Кыштыма действовал ИТЛ при строительстве № 589 (химического комбината "Маяк"). В начале 50-х годов функционировал Красногорский ИТЛ при строительстве № 514 в пос. Красногорский Увельского района [2.Д.179, л.194; 3. Д.3. Л.148-149; Д.5.Л.1-37; Д.6. Л.3; 7. С.77].

Из числа лагерей союзного подчинения в первой половине 50-х годов на территории Башкирской АССР функционировал Хакасский ИТЛ, подчиненный непосредственно ГУЛАГу МВД СССР. Управление лагерем находилось в поселке Салават. На 1 января 1954 года лагерь состоял из 8 лаготделений, в которых содержалось 18.828 заключенных. В районе г.Уфа дислоцировался ИТЛ Башспецнефтестроя [2. Д.154. Л.189, 232; Д.211. Л.84; 8. С.119].

Из двенадцати объектов Главпромстроя НКВД на Урале в 40-х годах действовали восемь. Это Бакалстрой (Челябметаллургстрой) - строительство Челябинского металлургического комбината, Базстрой - строительство Богословского алюминиевого завода, Понышлаг - строительство Понышской ГЭС, Соликамбумстрой - строительство Соликамского бумажного комбината, Черноисточинский ИТЛ, а также Тавдинлаг и Лобвинлаг. Общая численность заключённых на стройках Главпромстроя НКВД на Урале на 5 декабря 1942 года достигала 79715 человек, что составило 59,2% от общей численности заключённых в лагерях Главпромстроя по СССР, на 1 мая 1943 года – 55552 человека, что составило уже 73,2% от аналогичного показателя по СССР. Строительство Челябинского металлургического комбината в декабре 1941 года было передано Управлению особого строительства НКВД, а после его

реорганизации в начале 1942 года - Главпромстрою. К началу 1945 года в строительство было вложено 497 млн. рублей и сдано Наркомчермету электросталеплавильный цех в составе пяти печей мощностью 150 тыс. тонн, два прокатных стана в 250 тыс. тонн, две доменные печи на 600 тыс. тонн чугуна, две коксовые батареи, электротурбина мощностью 25 тыс. квт и ряд других объектов. Строительство Ново-Тагильского металлургического комбината было передано Главпромстрою НКВД в декабре 1941 года. За 1942-1944 гг. капиталовложения по строительству составили 460 млн. рублей, было построено и сдано Наркомчермету пять мартеновских печей на 375 тыс. тонн, доменная печь на 400 тыс. тонн чугуна, две коксовые батареи, две турбины мощностью по 50 тыс. киловатт и другие объекты. Строительство Богословского алюминиевого завода силами НКВД было начато в 1940 году. За 1940-1944 гг. в строительство было вложено 240 млн. рублей. К началу 1945 года были закончены и сданы Наркомцветмету первая очередь электролизного алюминия, первая очередь глиноземного цеха и теплоэлектроцентраль на 75 тыс. киловатт. К этому времени в стадии строительства находились вторая и третья очереди гидролизного алюминия и вторая очередь глиноземного цеха. Кроме того, в это время Главным управлением аэродромного строительства НКВД велось строительство трасс на территории Свердловской области силами заключенных, как собственных колоний, так и контрагентского контингента [2. Д. 1163. Л.21-23] .

Начиная с 1930-х годов лесная промышленность СССР десятилетиями считалась наиболее "ГУЛАГовской" отраслью. Разработанная руководством НКВД номенклатура видов работ, выполняемых заключенными в лесной промышленности, включала лесозаготовки (7 видов), лесовывозку и трелевку (10 видов), строительство и эксплуатацию лесовывозных дорог (13 видов), складские и погрузочные работы (13 видов), лесопиление (16 видов), деревообработку (14 видов), лесохимическое производство (11 видов), сплавные работы (26 видов), лесохозяйственные работы (12 видов), строительство лесовывозных железных дорог, уход за лесом, опрыскивание зараженных лесными вредителями объектов. Система Управления лагерей лесной промышленности ГУЛАГа НКВД в первой половине 40-х годов включала 10 лагерей. Из них 5 дислоцировались на Урале: Востокураллаг, Севураллаг, Ивдельлаг (Свердловская область), Усольлаг, Березниковлаг (Молотовская область). Общая численность заключённых "лесных" лагерей на Урале по данным на 5 декабря 1942 года равнялась 76855 человек, на 1 мая 1943 года – 51946 человек. Это составляло соответственно 43,3 и 36 %% от общей численности заключённых Управления лагерей лесной промышленности НКВД по СССР. Аналогичные показатели по количеству работающих заключенных на указанные даты равнялись соответственно 44,0 и 38,4%%. По масштабам лесозаготовок лесные лагеря НКВД относились к основным лесозаготовителям СССР. По Свердловской области лагеря УЛЛП в первой половине 40-х годов давали от 20,9 до 29,4% общего объема заготовок древесины. Однако если учесть, что почти вся лесозаготавливающая промышленность Свердловской области в той или иной мере использовала труд заключённых,

общий объём древесины, заготовленной ими, должен быть гораздо больше [1. Д.403. Л. 130 об. - 135 об.; 2. Д.77. Л.172; Д.1163. Л.21, 23; 4. Д.31. Л. 42, 50; 5. С.201].

Директивой НКВД от 17 июля 1941 года всем лагерям НКВД было предложено выявить возможность массового выпуска военных материалов. По лагерям лесной промышленности оборонных ассортимент включал вывозку авиасосны, палубника, понтонника, авиаберезы; разделку лыжной и ружейной болванки, авиабруска; выработку авиапланки, авиабруска, палубного и шлюпочного пиломатериала. Однако, если производственные планы по оборонной продукции, как правило, перевыполнялись, то в целом производственные планы лесных лагерей с 1941 года не выполнялись систематически. Так, производительность Ивдельлага поэтому показателю снизилась на 6,9%, а Севураллага - на 22%, а Усольлага на 20,7%. В 1944 году Ивдельлагом план по заготовке древесины был выполнен на 88,9%, по вывозке древесины - на 85%, по лесопилению - на 98%. В январе 1941 года лесные лагеря Урала снизили показатели вывозки древесины по сравнению с декабрём 1940 года. План Управления лагерей лесной промышленности за I квартал 1941 года Усольлаг по заготовке древесины выполнил на 86,4%, по вывозке - на 79,6%; Севураллаг по заготовке древесины выполнил на 83,9%, по вывозке - на 79,2%. Ивдельлаг план третьего квартала 1941 года по вывозке леса выполнил на 90%, Севураллаг - на 98,1% [4. Д.31. Л.34-155; Д. 129. Л.5].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивный отдел администрации г.Нижний Тагил. Ф.227. Оп.1.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф.9414. Оп.1.
3. Государственный архив Челябинской области. Ф.1619. Оп. 1.
4. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 5248. Оп.1.
5. Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. - 337 с.
6. Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е — начало 50-х годов. Ч.2. Нижний Тагил:НГПУ, 1996. - 248 с.
7. Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Тайна "Сороковки". Екатеринбург: Уральский рабочий, 1995. - 317 с.
8. Романов С. Архипелаг ГУЛАГ - попытки картографирования // Вопросы истории. 10-11. №.62-123.
9. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. - 368 с.

О главном

К 65-летию Великой Победы

УДК 947.085

В.А. Кудин*

Красносельские рубежи непокорённого Ленинграда

Органы и войска НКВД на защите города в годы Великой Отечественной войны

Статья рассказывает о роли и значении подразделений милиции в защите Ленинграда в период блокады города. Кроме того, в годы войны на органы внутренних дел были возложены новые сложные задачи, обусловленные военной обстановкой, при сохранении всех прежних, предусмотренных Положением о милиции, войска НКВД совместно с частями и соединениями Красной Армии принимали непосредственное участие в боях за Ленинград. Особое внимание уделено действиям войск НКВД в районе Красного Села и Сосновой Поляны – там, где сегодня находится Санкт-Петербургский университет МВД России.

V.A. Kudin*. Unconquered Leningrad: the frontiers of Krasnoye Selo: Bodies and NKVD troops to protect the city during the Great Patriotic war

The article tells about the role and importance of militias to protect Leningrad during the blockade of the city. In addition, during the war years in internal affairs bodies have been assigned new and complex challenges posed by the war situation, while maintaining all previous authorized by the police, NKVD troops, together with units and formations of the Red Army took part in the battle for Leningrad. Particular attention is paid to the actions of the NKVD in the Krasnoye Selo and Sosnovaya Polyana - there is now the St. Petersburg University of Internal Affairs of Russia.

В истории нашей Великой Родины, в благодарной памяти поколений не тускнеют героические страницы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., 65-летие Победы в которой торжественно будет отмечать всё прогрессивное человечество. Навечно вписан в эту огненную летопись и подвиг защитников Невской твердыни. В эти дни все, кто внёс свой вклад в эту Победу, вспоминают это героическое и трагическое время. В рядах защитников города были сотрудники войск и органов НКВД СССР.

Территория, на которой ныне расположен Санкт-Петербургский университет МВД России, являлась передним краем обороны города, где насмерть стояли дивизии войск НКВД, в рядах которых были сотни сотрудников Ленинградской милиции. В какой-то степени и это обстоятельство побуждало сотрудников Университета, корни которого уходят в лихие военные времена, заниматься изучением вопросов деятельности органов и войск НКВД в период героической защиты Ленинграда. В разработку проблем роли войск и органов НКВД в защите города внесли свой вклад сотрудники, ветераны, выпускники, адъюнкты и курсанты университета. Это генерал-полковник С.В. Степапин, генерал-лейтенант милиции в отставке В.П. Сальников, полковники в отставке А.Е. Алексеенков, Б.П. Белозёров, Д.И. Игнатенко, А.В. Панфилец, А.Т. Скилягин, И.И. Тризна, И.Д. Ходанович, Б.Х. Ходонов, Н.Г. Янгол и др.

Обращение к данной проблематике обусловлено и тем, что в преддверии 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне возрастают возможности реализации Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан России на 2006-2010 годы». Ведь одним из факторов, обеспечивших нашу Победу в войне против коричневой чумы, явился патриотизм народов нашей Родины, разъяснение её справедливого, освободительного характера, воспитание советских людей в духе патриотизма, дружбы народов СССР и общности их интересов в борьбе с фашизмом, обращение к героическим традициям народов нашей страны.

* Кудин, Василий Анатольевич, начальник Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, генерал-лейтенант милиции, заслуженный юрист Российской Федерации. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1. Тел. 300-47-67. E-mail: mail@univermvd.ru.

* Vasily Kudin, the head of Saint Petersburg university of Interior of Russia, awarded in dissertation, senior lecture. Lieutenant-general of militia.

Нападение гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 г. изменило характер Второй мировой войны, которая из борьбы за мировое господство самого реакционного в мире фашистского террористического режима переросла в борьбу двух совершенно различных социально-экономических и политических систем. Для народов Советского Союза эта война, как и война против французского нашествия на Россию в 1812 г., стала Отечественной войной, Великой войной в защиту Отечества, которому грозила смертельная опасность.

Программа мобилизации сил и средств для отпора врагу была изложена в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским органам прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. Она предусматривала перевод народного хозяйства на военные рельсы, перестройку работы всех органов, структур и учреждений страны, в т.ч. органов и войск НКВД в соответствии с требованиями войны. На них были возложены новые сложные задачи, обусловленные военной обстановкой, при сохранении всех прежних, предусмотренных Положением о милиции.

Необходимо отметить, что опыт перестройки работы милиции в условиях войны уже имелся. 3 апреля 1919 г., в самый острый период Гражданской войны, был принят Декрет СНК РСФСР «О советской рабоче-крестьянской милиции» – нормативный правовой акт, которым определялись задачи милиции в условиях войны и основные направления её деятельности. Декрет устанавливал принципы привлечения сотрудников милиции к участию в боевых действиях, распространял на милиционеров действия всех воинских уставов и наставлений, вводил в милиции воинскую дисциплину и военное обучение¹. И этот опыт в годы Великой Отечественной войны был востребован, о чём свидетельствуют нормативно-правовые акты, принятые уже в начальный период войны. Более того, этот положительный опыт в своё время был достойно оценён. За героизм и самоотверженность питерского пролетариата в Гражданской войне 7-й Всероссийский съезд Советов 5 декабря 1919 г. наградил Петроград орденом Красного Знамени².

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» изменилась подчинённость милиции местностей, объявленных на военном положении. Все функции органов государственной власти в области обороны, охраны общественного порядка и государственной безопасности передавались военным советам фронтов, армий, военных округов, а где они отсутствовали – высшему командованию войсковых соединений. На органы внутренних дел постановлением СНК СССР от 24 июня была возложена задача по формированию истребительных батальонов. Их организаторами, как правило, являлись сотрудники милиции, которые в большинстве случаев назначались руководителями истребительных батальонов. 30 июня 1941 г. совместным решением Президиума Верховного Совета СССР (ПВС СССР), ЦК ВКП (б) и СНК СССР был образован Государственный Комитет Обороны. Указом ПВС СССР от 20 июля 1941 г. для сосредоточения усилий НКГБ и НКВД в борьбе с вражеской агентурой и преступностью они были объединены в единый Народно-комиссариат внутренних дел СССР.

В первые дни и месяцы Великой Отечественной войны высшими органами государственной власти и управления были приняты нормативно-правовые акты, направленные на обеспечение общественного порядка и государственной безопасности, на укрепление дисциплины и правопорядка во всех звеньях государственного управления, в том числе и в органах милиции. Основными, кроме перечисленных ранее, были: Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении военного положения в семи союзных республиках, шестнадцати областях, в Крымской АССР, а также в Москве и Ленинграде; постановления о создании ставки Главного командования, «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», о возложении на НКВД функций охраны тыла действующей Красной Армии, «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне», «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР»; Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» и др.

Нормотворческую деятельность осуществлял и Наркомат внутренних дел СССР. Так, 7 июля 1941 г. была издана директива, определявшая задачи милиции в условиях войны. Новыми задачами милиции, обусловленными военной обстановкой, были: борьба с военным и трудовым дезертизмом, мародёрством, паникерами, очистка городов от преступных элементов, оказание помощи транспортным органам НКВД в выявлении вражеских агентов и провокаторов, распространителей ложных слухов³. Ведь начавшаяся война вызвала не только мощный патриотический подъём, но и пораженческие, оппозиционные настроения у части граждан, что нашло своё отражение в распространении всевозможных слухов, панического настроения, критике политики партии и правительства за просчёты в предвоенные годы в области внутренних и внешней политики.

Директива требовала от сотрудников милиции всегда и в любой обстановке быть готовыми к самостоятельному или совместно с подразделениями Красной Армии выполнению боевых задач по ликвидации диверсионных групп, парашютных десантов и регулярных частей противника, особенно в зоне военных действий. При этом подчеркивалось, что боевая деятельность органов милиции должна быть тесно связана с тактикой армейских соединений⁴. Именно эта директива в значительной степени определяла основные направления деятельности милиции как вооружённой организации.

Уже в начале войны немецко-фашистское командование определило участь Москвы и Ленинграда. На «историческом совещании» в Берлине 8 июля 1941 г. Гитлер объявил о своём «непоколебимом решении» «сровнять Москву и Ленинград с землёй, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которые

в противном случае мы потом вынуждены будем кормить в течение зимы... Это будет народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и русских вообще»⁵.

С захватом Ленинграда фашисты связывали осуществление крупных стратегических и политических целей. Ленинград – второй после Москвы политический, экономический и административный центр страны, важный узел дорог, крупнейший торговый, а вместе с Кронштадтом и военный порт на Балтике. Город славился и своими революционными традициями, был колыбелью Октябрьской революции, что также имело огромное политическое значение. Так, на совещании генералитета группы армий «Север» Гитлер подчеркнул, что «с падением Ленинграда русскими будет утрачен один из символов революции, являющихся наиболее важным для русского народа на протяжении последних 24 лет», что «дух славянского народа в результате тяжелого воздействия будет серьезно подорван, а с падением Ленинграда может наступить полная катастрофа».

Поэтому в планах немецко-фашистского командования Ленинград являлся одним из важнейших стратегических объектов. Они считали, что захват Ленинграда, Кронштадта, Мурманской железной дороги приведёт к потере Прибалтики, а гибель Балтийского флота лишит СССР коммуникаций от Белого и Баренцева морей в глубь страны, ослабит оборону страны, создаст удобные пути для снабжения армий «Север» и «Центр» и выгодный рубеж для удара на Москву с тыла. Поэтому они уготовили Ленинграду особую судьбу. В документе немецкого Генерального штаба от 21 сентября 1941 г. планировалось поэтапное уничтожение Ленинграда, его жителей и защитников. «Сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушаем город, если возможно артиллерией и авиацией... Когда террор и голод сделают в городе своё дело, откроем отдельные ворота и выпустим безоружных людей... Остатки «гарнизона крепости» останутся там на зиму. Весной мы проникнем в город и вывезем всё, что осталось живое, в глубь России или возьмём в плен, сровняем Ленинград с землёй и передадим район севернее Невы Финляндии»⁶.

Согласно плану «Барбаросса», для решения этой задачи была сформирована группа армий «Север», хорошо вооружённая и укомплектованная личным составом. Как известно, самую высокую плотность в наступлении против советских войск имела группа армий «Север» – меньше 8 км на дивизию. Цель – как можно быстрее уничтожить советские войска в Прибалтике и захватить Ленинград.

Подготовка к войне против СССР фашистской Германией осуществлялась задолго до её начала. Захватчики большое место отводили дезорганизации советского тыла путём шпионажа, диверсий, террористических актов, распространения ложных слухов. За одиннадцать месяцев, предшествовавших войне, пограничниками было задержано около 5 тыс. фашистских агентов, а с началом войны заброска вражеских агентов в тылы Красной Армии увеличилась в 14 раз по сравнению с 1939 г. В этой связи охрана тыла действующей армии решением СНК от 25 июня 1941 г. была возложена на войска НКВД (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля наркоматы внутренних дел и государственной безопасности были объединены в Народный комиссариат внутренних дел СССР)⁷.

Наряду с выполнением возложенных на НКВД служебных задач, войска НКВД совместно с частями и соединениями Красной Армии принимали непосредственное участие в боях за Ленинград. Сражались с врагом бойцы и командиры 1, 20, 21, 23-й дивизий, (сформированы в Ленинграде из личного состава войск и органов внутренних дел, трудящихся города в начале войны), двух бригад, несколько отдельных частей и подразделений внутренних войск, курсанты и офицеры Ново-Петергофского военно-политического училища и Ленинградского военного училища войск НКВД.

С 10 июля 1941 г. развернулась грандиозная битва на дальних и ближних подступах к городу⁸. Имея превосходство в живой силе и технике, противник создал угрозу прорыва на южных подступах к Ленинграду. (Группа армий «Север» превосходила войска Северо-Западного фронта по пехоте в 2,4 раза, орудиям – в 4 раза, миномётам – в 5,8 раза, танкам – в 1,2 раза, самолётам – в 9,8 раза⁹). Ставка Главного командования¹⁰ приказала подготовить Лужский оборонительный рубеж от Финского залива до озера Ильмень протяженностью около 250 км. Была сформирована Лужская оперативная группа под командованием генерал-лейтенанта К.П. Пядышева.

12 июля на этом рубеже фашисты встретили сильное сопротивление. Только один артдивизион капитана Синявского в одном бою уничтожил 37 танков. Немцам через Лугу на Ленинград пройти не удалось. На Лужском рубеже немецко-фашистские войска были остановлены на 20 дней. Была сорвана попытка овладеть Ленинградом с ходу. Выигрыш во времени дал возможность советскому командованию подготовить новые оборонительные рубежи на пути в Ленинград.

Благодаря стойкости и мужеству воинов Красной Армии, моряков Краснознамённого Балтийского флота, курсантов, офицеров войск НКВД и сотрудников милиции, дивизий народного ополчения враг был остановлен на рубеже Копорский залив – Ропша – Красногвардейск. Прорваться кратчайшим путём к Ленинграду фашистам не удалось.

После ряда перегруппировок своих сил немцы продолжили наступление. Огромное превосходство врага вынудило советские войска с тяжёлыми боями отойти в восточном и северо-восточном направлении. Ожесточённые бои разгорелись за Кингисеппский укрепрайон. Тяжелейшая обстановка вынудила Военный совет фронта на оборону подступов к Красному Селу и Красногвардейску направить 2 батальона курсантов Ново-Петергофского военно-политического училища НКВД имени К.Е. Ворошилова, которые совместно с частями Красной Армии с 15 по 30 августа сдерживали натиск противника. По неполным данным, в боях курсанты уничтожили 22 танка, 23 автомашины, 8 орудий, 21 пулемёт и 1874 солдата и офицера противника.

В боях участвовал и курсант С.С. Семенец, ныне полковник в отставке, ветеран нашего Университета¹¹. Он рассказывал, что в начале июля 1941 г. был направлен на учёбу в Военно-политическое пограничное училище имени К.Е. Ворошилова. «Учиться практически не пришлось: рыли окопы, строили различные инженерные сооружения для обороны Петродворца. 15 августа, после прорыва немцами Лужского оборонительного рубежа, нас подняли по тревоге, выдали гранаты и бутылки с зажигательной смесью, посадили на автомашины и направили в район Волосова с задачей остановить прорвавшуюся группировку противника. Однако до места назначения мы не доехали. В районе станции Елизаветино нас остановил военный патруль и сообщил, что впереди немцы. Тогда командир батальона капитан Золотарев принял решение и приказал готовиться к бою. Всю ночь рыли, кровавые мозоли лопались на руках, все были мокрые от пота: грунт был настолько плотен, что от сапёрных лопаток летели искры.

Утром 16 августа разведчики доложили, что дорога, ведущая в Елизаветино, никем не прикрыта. Туда была направлена моя 8-я рота во главе с её командиром Пименовым. Через два часа наши позиции подверглись вражеской бомбардировке, а вскоре мы увидели восемь танков, за которыми следовали автоматчики. Завязался бой. Когда мы подбили первый танк, машины и немецкая пехота остановились. Усилился обстрел. Через час – новая атака, и она – отбита. Огонь из танков противник перенёс на наши пулеметные точки. В ходе третьей атаки фашистские танки вплотную подошли к окопам батальона. Но и эту атаку удалось отбить. Немцы усилили артиллерийский и минометный огонь по нашим позициям. Так закончился первый день боя. Все страшно устали, неимоверно давил мощнейший стресс от пережитого в бою, в котором мы потеряли двух командиров взводов и сорок пять курсантов. Боеприпасы кончились, станковые пулемёты разбиты.

Видимо, получив приказ, командир роты приказал готовиться к отходу. Отдохнув несколько часов, мы, забрав убитых и раненых, пошли в сторону Красного Села. Там нас довооружили, выдали каждому по буханке хлеба, банке консервов и кусочек колбасы, и сразу же рота была направлена в район расположения нашего батальона, где он вёл тяжелый бой.

В районе деревни Большие Колпаны мы соединились с батальоном. Комбат тут же приказал командиру роты скрытно пробраться через лес и ударить с фланга по колонне немцев, двигавшейся от Елизаветино на Гатчину. Задача была успешно выполнена. В рукопашном бою часть немцев была уничтожена, а остальные отступили. Брошенные противником машины и технику мы сожгли. Танки, шедшие впереди моторизованной колонны, были уничтожены бойцами других рот. В результате этого боя было сожжено шесть средних танков противника, убито семь офицеров, один генерал, взято в качестве трофеев два пулемета, много автоматов, пистолетов и боеприпасов.

Поджигая технику, я с курсантами Средняковым и Чернышевым обнаружили в легковой машине раненного огромного немца, пистолет и кожаный портфель. Немца, его портфель и пистолет мы сдали на командный пункт. Позже узнали, что в портфеле оказались важные оперативные документы¹².

Большой вклад в оборону города внесли 10 дивизий народного ополчения, сформированных в Ленинграде из его жителей, сотрудников милиции и добровольцев.

На различных участках Ленинградского фронта героически сражались воины 23-й дивизии войск НКВД, воины 52-го полка которой задержали у моста через Волхов у посёлка Кириши на 22 часа превосходящие силы противника. И такое сопротивление враг встречал практически у каждого моста и переправы, которые охранялись воинами войск НКВД и воинами Красной Армии. В результате фашисты вынуждены были задерживаться возле них на часы и сутки. Его темп продвижения в глубь страны стремительно сокращался. Если до 10 июля немцы продвигались в среднем на 26 км в сутки, то вскоре скорость продвижения сократилась до 5 км в сутки, а в августе – до 2,2 км¹³.

В битве за Ленинград активное участие принимали бронепоезда, входившие в штаты железнодорожных частей НКВД¹⁴.

25 августа фашисты из района Чудово возобновили наступление на Ленинград. Советские войска под давлением превосходящих сил противника с тяжелыми боями были вынуждены отойти в район Кириши – Пушкин, а фашистские войска, пройдя через Тосно и Мгу, захватили Шлиссельбург. Ленинград оказался блокированным с суши. Попытки немцев форсировать Неву и соединиться с финнами были отбиты Невской оперативной группой. Таким образом, 8 сентября началась блокада города, сообщение с которым поддерживалось только по Ладожскому озеру и по воздуху.

В начале сентября 1941 г. фашисты возобновили наступление на Ленинград на южном направлении. На фронте от Ропши до Колпино они сосредоточили 11 дивизий. Наступление сопровождалось ожесточёнными бомбежками. 42-я армия генерал-лейтенанта Иванова под давлением превосходящих сил противника с боями 10 сентября отошла на линию Лигово – Пулково.

10 сентября в Ленинград прибыл генерал армии Г.К. Жуков. (Назначен командующим Ленинградским фронтом 12 сентября 1941 г.) Оценив обстановку, он пришел к выводу, что немцы продолжат наступление именно на этом участке фронта – на Урицк и Пулково, и приказал укрепить это направление всеми имеющимися силами и средствами. На этом участке был сосредоточен огонь Балтфлота, зенитные орудия были использованы для борьбы с танками, с Карельского фронта была снята часть сил.

11 сентября фашисты захватили Дудергоф (Можайск). Затем сильный бой разгорелся за Воронью гору (высота 172 м), где были установлены орудийные расчёты «Авроры» со снятыми с корабля орудиями. Моряки, оставшись без снарядов, одно орудие взорвали вместе с собой, а вокруг другого завязалась рукопашная схватка. 5 матросов ранеными попали в плен. Фашисты их облили бензином и заживо сожгли.

12 сентября фашисты захватили Красное Село, однако дальше им пройти не удалось. Брошенные в бой последние резервы остановили врага. Более того, были отбиты Койрово, Сосновка, бои шли в районе Володарки.

13-14 ожесточённые бои продолжались. 15 сентября был самый трудный день. Вражеский обстрел продолжался 18 часов, фашистская авиация непрерывно бомбила, против 42-й армии были сосредоточены 4 фашистские дивизии. Немцам удалось захватить Володарку и выйти к берегу Финского залива. Открылась дорога на Урицк, Старо-Паново, которые они пророскочили с ходу.

Но перед ними оказалась 21-я дивизия войск НКВД под командованием полковника М.Д. Папченко, которая была выдвинута на этот рубеж 4-6 сентября. Дивизия была укомплектована из воинов-пограничников, курсантов-пограничников, политбойцов (советско-партийный актив), 1500 сотрудников ленинградской милиции. В её составе был конвойный полк НКВД, полностью вооруженный по табелю военного времени. В оборудовании боевых позиций дивизии помогали рабочие Кировского, Ждановского, Адмиралтейского заводов. Ежедневно в этих работах участвовало 3-4 тыс. рабочих¹⁵.

В районе Лигово – Пулковое на прямую наводку было поставлено 529 орудий. На этом участке был сосредоточен огонь орудий Краснознамённого Балтийского флота, который наносил фашистам большой урон в живой силе и технике.

16 сентября Урицк, Лигово и Старо-Паново неоднократно переходили из рук в руки, атаки и контратаки следовали одна за другой. Залпы «Катюш» срывали атаки врага. В этот день Военный совет фронта издал приказ: «Ни шагу назад! Не сдавать ни одного вершка земли на ближних подступах к Ленинграду». Но все же фашистам удалось закрепиться между Сосновой Поляной и Стрельной. Войска, оборонявшие Ораниенбаум, были отрезаны от основных сил – образовался Ораниенбаумский приморский плацдарм, который сыграл большую роль в обороне Ленинграда.

17 сентября возможность прорыва немцев в город не исключалась. Но все их попытки прорваться срывались стойкостью воинов дивизии и прибывшими на помощь подкреплениями.

Тогда фашисты пошли на невиданное зверство. Собрав жителей Володарки и Сосновой Поляны, в основном женщин и детей, они погнали их перед своими атакующими цепями. В этой обстановке бойцы дивизии и народные ополченцы пошли в рукопашную. Часть жителей была спасена. Но и нашим бойцам пришлось отойти. Однако вскоре те же ополченцы и группа бойцов 21 дивизии вернули утраченные позиции.

18 сентября фашистам удалось утвердиться в Пушкине, Урицке, штурмовали они и Пулковские высоты, но безуспешно.

Враг выдыхался. В этой обстановке советские войска проводили контратаки под Ям-Ижорой, Пушкиным, Петергофом, Вернули Белоостров, но развить успех далее не удалось.

Положение самих фашистов оказалось очень сложным. 25 сентября командование группы армий «Север» доложило Гитлеру, что наступать наличными силами невозможно. Таким образом, группа армий «Север» под командованием Лееба не выполнила стратегическую задачу, понесла огромные потери, что свидетельствовало о крушении плана «молниеносной войны» на одном из решающих направлений советско-германского фронта.

В последующем немцы не раз предпринимали попытки прорваться в город, но всегда с большими потерями откатывались назад¹⁶. Действия 21-й дивизии были высоко оценены. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал, что в отражении врага через Лигово и Пулково в числе особенно отличившихся соединений и частей была 21-я стрелковая дивизия НКВД под командованием полковника М.Д. Папченко¹⁷. Уже в сентябре немецко-фашистское командование пришло к выводу, что без полной блокады города не одолеть. Поэтому было принято решение ударами с юго-востока на Чудово – Тихвин – Волхов разгромить советские войска и соединиться с финнами на реке Свирь. 16 октября, понеся огромные потери, они захватили Тихвин и подошли к Волхову, перерезав единственную магистраль, связывавшую страну с побережьем Ладожского озера. Однако на этом направлении враг был остановлен, а затем и разгромлен. 9 декабря 1941 г. был освобождён Тихвин. Но фашисты подбросили резервы, и советским войскам развить успех не удалось.

Это привело к тому, что активные боевые действия осенью и зимой 1941-1942 гг. на ближайших подступах к Ленинграду ослабели, война на этом направлении приняла позиционный характер.

Ленинград оказался в полной вражеской блокаде. Трудно представить те муки и страдания, которые выпали на долю его жителей и защитников. В окруженном Ленинграде оставалось около 3 млн. человек, сразу же обнаружилась нехватка продовольствия и топлива. Население Ленинграда, несмотря на варварские бомбардировки и артобстрелы, которые вызывали многочисленные жертвы, голод и холод, активно помогало фронту. В октябре начался голод, нормы (по карточкам распределялся главным образом «несъедобный» хлеб, состоявший в основном из примесей), были ниже необходимых для выживания. Голод усугублялся отсутствием отопления и электричества (морозы достигали – 26°C), не работали водопровод, канализация, стоял общественный транспорт. Все это привело к массовой гибели жителей Ленинграда. За время блокады были полностью разрушены 840 предприятий, более 3 тыс. жилых домов. Точное число жертв блокады неизвестно, по приблизительным подсчётам, погибло от 800 тыс. до 1,5 млн. человек¹⁸.

Стояло большинство предприятий и учреждений. Но оборонные заводы работали. За время блокады они дали фронту более 2 тыс. танков, 1500 самолётов, около 4500 орудий и миномётов,

было построено, достроено и отремонтировано 1257 судов. Снабжение города и войск удалось наладить в ноябре 1941 г. по Дороге жизни, по которой осуществлялась и эвакуация его жителей до начала 1943 г. (по Ладожскому озеру, зимой по его льду)¹⁹. Работало ленинградское радио. Голосом сражавшегося Ленинграда был голос О. Ф. Берггольц, остававшейся в блокадном городе все 900 дней. В осажденном Ленинграде работал Театр им. Комиссаржевской. 9 августа 1942 г. в блокадном Ленинграде впервые прозвучала Седьмая «Ленинградская» симфония Д. Д. Шостаковича.

В осажденном Ленинграде пережили суровые блокадные дни работники нашего Университета: профессора А.В. Зиновьев, А.И. Королёв, М.Г. Маркова, Г.Г. Надсон, Ф.Ф. Оськин, И.Ф. Покровский, В.И. Рохин, И.Е. Тарханов, доценты Т.Б. Крамарева, В.В. Луцкий, служащие Г.Н. Амелина, Д.Г. Пальчикова, Р.В. Шишкина, Р.К. Шарова.

В связи с тем, что угроза Ленинграду продолжала существовать, а враг неоднократно принимал меры по его захвату, город готовился к активной обороне. По опыту Гражданской войны в Ленинграде была создана внутренняя оборона города (ВОГ). В начале блокады она создавалась в основном на внешнем обводе города путём возведения оборонительных укреплений и включала в себя 7 боевых участков с 61-м батальонным районом обороны со средней плотностью 30 огневых сооружений на 1 км фронта. В черте же города размещались противовоздушные и противодесантные средства борьбы. Основная задача по борьбе с парашютно-десантными силами противника возлагалась на войска и органы НКВД. Охрана оборонных объектов города, его важнейших учреждений, выполнение контрольно-пропускных функций в прифронтовой полосе возлагалась на войска НКВД по охране тыла фронта. В дальнейшем организация ВОГ совершенствовалась, создавались новые оборонительные сооружения, в системе которых предполагалось разместить моряков Балтийского флота, 58 батальонов ленинградской городской милиции и подразделений войск НКВД, 53 рабочих пулемётно-артиллерийских батальона и батальона автоматчиков²⁰.

Сложные задачи в условиях осажденного города выполняли сотрудники милиции. Их роль в защите города, в поддержании общественного порядка, в борьбе с парашютистами, диверсантами, в выявлении шпионов и провокаторов, в борьбе с преступностью и бандитизмом невозможно переоценить. А ведь они испытывали те же трудности, что и все жители города. Начальник Управления милиции Ленинграда Е.С. Грушко в докладе председателю исполкома Ленгорсовета писал в декабре 1941 г. что «рядовой состав работает по 14-16 часов, а командно-оперативный – по 18-20 часов в сутки. Ежедневно в отряде РУД (регулирования уличного движения – В.К.) выбывало из строя 60-65 человек, в отряде речной милиции – 20-25, а в большинстве отделений – 8-10 человек. Эти люди были прикованы к постелям голодом и болезнями. Многие из них умерли. В январе 1942 г. от голода умерло 166 сотрудников. Более 1600 человек лежали больные. В феврале умерло 212 работников милиции²¹.

Основными направлениями деятельности Ленинградской милиции в годы Великой Отечественной войны были: во-первых, участие в боевых действиях в составе регулярных частей Красной Армии (о чём уже частично упоминалось), партизанских отрядах, и истребительных батальонах, и, во-вторых, поддержание общественного порядка в условиях военного положения, борьба с вражескими пособниками, и уголовно-преступными элементами.

В начале июля из 300 добровольцев – работников милиции был сформирован батальон, который вошел в состав 2-го стрелкового полка 4-й дивизии народного ополчения (ДНО), получивший боевое крещение под Кингисепом в районе деревни Пустошка. За 20 дней боёв батальон потерял почти половину своего состава.

В состав 20-й дивизии НКВД, сформированной по постановлению Военного совета Ленинградского фронта, вошли три батальона, состоявших исключительно из работников милиции, принявшей первый бой в районе Невской Дубровки.

Осенью 1941 г. в состав 21-й дивизии, которая продолжала занимать оборону от берега Финского залива до Пулкова, прибыло пополнение – 400 работников Ленинградской милиции, которые приняли самое активное участие в боях на Красносельских рубежах.

Сотрудники милиции были активными участниками создания и руководителями истребительных батальонов, создаваемых в прифронтовой полосе для борьбы с парашютистами и диверсантами противника. Но когда враг приближался непосредственно к району дислокации истребительного батальона, его личный состав участвовал в боях. Так, бойцы 73, 74 и 75-го истребительных батальонов гор. Колпино совместно с рабочими Ижорского завода в течение двух месяцев держали оборону на подступах к городу²².

В июле 1941 г. из личного состава отделов Управления НКВД, милиции Ленинграда и области был сформирован сводный отряд НКВД в составе 20 батальонов, который предназначался для самостоятельных и совместных с Красной Армией действий по ликвидации диверсионных групп, парашютных десантов и регулярных частей противника²³.

Сотрудниками милиции выявлялись и обезвреживались агенты вражеских разведок и их агентура, пособники врага. В сентябре были пойманы на месте преступления 15 агентов, подававших ракетами сигналы фашистским самолётам.

По инициативе милиции был сформирован комсомольско-молодёжный полк по охране порядка в Ленинграде, роты которого закреплялись по 75-100 человек за отделениями милиции. На полк была возложена задача контроля за соблюдением светомаскировки, несения охраны домов группами

самозащиты, обеспечения охраны общественного порядка, особенно во время воздушных тревог и др. Комсомольцы полка обходили дома и выявляли детей, родители которых умерли от голода или погибли от бомбёжек и артобстрелов.

Осенью 1941 г. в боевых частях под Ленинградом зародилось снайперское движение. В январе воины 14-го полка 21-й дивизии войск НКВД через газету «За Родину» обратились к защитникам Ленинграда с призывом организовать боевое соревнование среди снайперов. Инициатива была поддержана снайперами 1-й дивизии войск НКВД. Вскоре соревнование среди снайперов стало массовым, получило широкую поддержку. Было организовано изучение опыта лучших снайперов, распространялся их опыт. Лучшим снайперам 1-й дивизии войск НКВД старшине И. Вежливцеву и красноармейцу П. Голиченкову, уничтожившим более чем по 100 фашистов, 6 февраля 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

На Ленинградском фронте почти все снайперы участвовали в боях и имели свой личный счёт мести фашистам. Всего к концу 1943 г. в войсках НКВД на Ленинградском фронте было подготовлено 3023 снайпера, которыми было уничтожено 53518 солдат и офицеров противника²⁴.

Сотрудники милиции продолжали вести и борьбу с преступностью. Тяжелая продовольственная ситуация способствовала появлению новых видов преступности – убийства с целью завладения продуктами и продовольственными карточками. Преступники, как правило, были вооружены и оказывали при задержании вооружённое сопротивление. На милицию также была возложена задача по охране 829 продовольственных магазинов города. Достаточно сложной была борьба с дезертирами и лицами, укрывавшимися от воинского учёта.

Сотрудники милиции принимали активное участие в реализации постановления Ленисполкома от 25 марта «О мобилизации населения в порядке трудовой повинности на работы, по очистке дворов, улиц, площадей и набережных Ленинграда», что способствовало предотвращению возникновения эпидемий в городе.

Немало подвигов совершили сотрудники Ленинградской милиции при охране Дороги жизни. Движение обеспечивал специально для этого сформированный батальон ГАИ. На трассе было создано 60 постов – по одному на каждые 500 метров.

Практически сотрудники милиции участвовали во всех мероприятиях, связанных с защитой города от немецко-фашистских захватчиков, защищающих граждан от преступных элементов, охраной общественного порядка и других.

Зима 1941-1942 гг. была тяжелейшим испытанием для ленинградцев и его защитников. Вопрос о снятии блокады не снимался с повестки дня. Неоднократно проводились операции по прорыву блокады, однако в 1942 г. это сделать не удалось. В январе-апреле 1942 г. Ленинградский и Волховский фронты на лубанском, а в августе – октябре на синявинском направлениях вели бои с целью прорыва блокады, но они успеха не имели.

В июне 1942 г. фашисты предприняли новую попытку захватить Ленинград. Для этого были переброшены войска из Крыма. И вновь для этой цели было избрано южное направление. Жаркий бой разгорелся в районе Старо-Паново. Здесь проявил героизм Н. Красношпалка, который в рукопашном бою и гранатами уничтожил более 20 гитлеровцев. Посмертно он был награждён орденом Ленина. В честь воинов, проявивших стойкость и героизм на этом участке фронта, на пересечении проспектов Маршала Г.К. Жукова и Ветеранов установлен памятник.

Блокированный Ленинград приковал к себе значительные силы 3-го рейха, которые фашисты не могли использовать при наступлении на Москву в 1941 г. и при наступлении на Сталинград в 1942 г.

Долгих 900 дней продолжалась фашистская блокада Ленинграда. Но город выстоял, его защитники, его население при самой активной помощи всей страны, показали стойкость и мужество. Это единственная в истории блокада огромного города в условиях современной войны. Народ-герой выстоял и одержал Великую Победу.

В период разгрома немцев под Сталинградом началась подготовка операции «Искра». Её цель – прорыв блокады Ленинграда силами Ленинградского и Волховского фронтов. Она началась 12 января 1943 г. В артподготовке операции участвовало 4 тыс. орудий и 14 дивизионов «Катюш». Тяжелая морская артиллерия стреляла на дальность 45 км снарядами весом по 700 кг. К 18 января Шлиссельбургско-Синявинский выступ был ликвидирован, блокада Ленинграда была прорвана на узком участке вдоль южного берега Ладожского озера. Вскоре на этом участке была построена железная дорога, которая позволила улучшить снабжение Ленинграда, укрепить связь с «Большой землёй». Прорыв блокады означал полный крах планов Гитлера по захвату Ленинграда, что меняло всю стратегическую обстановку на Северо-Западе.

Несмотря на попытки фашистов восстановить блокаду, этого им сделать не удалось.

В результате побед советских Вооружённых Сил в Сталинградской и Курской битвах, на Левобережной Украине и в Донбассе, в битве за Днепр к началу 1944 г. сложилась благоприятная возможность для полного снятия блокады Ленинграда.

14 января 1944 г. началась операция «Нева-2», в ходе которой предстояло сокрушить оборону – «Северный вал», которую фашисты создавали три года. Войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов перешли в наступление. 17 января начались бои за Красное Село. Путь на Лысую гору близ Красного Села преградил крупнокалиберный пулемёт. Комсорг роты Александр Типанов заставил его замолчать. Но когда рота пошла в атаку, пулемет вновь ожил. Спасая товарищей, А. Типанов

закрыв его своим телом. В этом же бою вступил в схватку с самоходкой рядовой Федоров. Обоим воинам посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В парке, где похоронены воины, установлена мемориальная доска. Сохранён и дом, где совершил свой бессмертный подвиг А. Типанов.

18 января было освобождено Красное Село, 19-го водружено Знамя на Вороньей горе. Стремясь не попасть в мешок, фашисты побежали из Урицка, Стрельны, Володарки, Петергофа, однако кольцо окружения петергофско-стрельнинской группировки замкнул подвижной отряд 42-й армии.

В битве за Ленинград на Волховском фронте был совершен выдающийся подвиг в истории войн: три воина – И.С. Герасименко, А.С. Красилов и Л.А. Черемнов одновременно бросились на амбразуры вражеских дзотов. Им всем посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а после войны установлен обелиск.

К марту 1944 г. враг был отброшен на 220-280 км от Ленинграда. В июне-августе 1944 в ходе Выборгской и Свирско-Петрозаводской операции были разбиты финские войска и снята угроза Ленинграду с севера.

Дорогой ценой досталась эта победа, сотни тысяч воинов и жителей города отдали за неё свою жизнь. В память об этих героических днях и защитниках города создан Зелёный пояс славы с десятками памятников, обелисков, вознесённых на постаменты танков, участвовавших в прорыве и снятии блокады.

За мужество и героизм, проявленный при защите Ленинграда, 486 его защитников стали Героями Советского Союза, 350 тыс. воинов были награждены орденами и медалями. 1460 человек были награждены медалью «За оборону Ленинграда». Подвиг ленинградцев переживёт века. Мир не забудет его. Он принадлежит истории, грядущим поколениям.

В память о защитниках Ленинграда по линии его обороны создан Зелёный пояс славы протяженностью свыше 200 км. Он включает 42 монумента, 5 танков, 14 орудий и множество других мемориальных сооружений, а также аллеи, парки и цветники.

Именами защитников Ленинграда названы улицы и проспекты в Красносельском и Кировском районах: ул. Летчика Пилютова, ул. Пограничника Гарькавого, ул. Партизана Германа, ул. Чекистов, проспект Ветеранов, пр. Народного ополчения, ул. Генерала Симоняка, ул. Солдата Корзуна, ул. Подводника Кузьмина, ул. Лёни Голикова, ул. Зины Портновой и др.

Величайшая в истории победа над фашизмом отражена в тысячах памятников и монументов, обелисков и мемориальных сооружений. И тем более кощунственно и позорно присвоение бывшим Президентом Украины В. Ющенко звания Героя Украины палачам Шахевичу и Бандере, руки которых обгажены кровью тысяч граждан не только России, но и Польши и других стран мира.

Курсанты и слушатели Санкт-Петербургского университета МВД России ухаживают за памятниками и обелисками, установленными в Красносельском районе и на Аллее Славы. По местам, где насмерть стояли воины войск и органов НКВД в годы Великой Отечественной войны, сегодня проводятся экскурсии.

12 мая 2009 г. президент Российской Федерации, председатель Совета Безопасности Д.А. Медведев утвердил стратегию национальной безопасности России до 2020 г., в которой подчеркивается, что безопасность обеспечивается через реализацию стратегических национальных приоритетов. В их числе определены оборона, государственная и общественная безопасность²⁵. Непосредственной составной частью механизма обеспечения национальной безопасности является военная доктрина Российской Федерации, утверждённая президентом РФ 5 февраля 2010 г. В ней названы основные военные опасности и военные угрозы Российской Федерации, сформулирована военная политика России, военно-экономическое обеспечение обороны и другие вопросы, связанные с обеспечением военной безопасности. Мы всегда должны помнить, что в реализации и Стратегии национальной безопасности и Военной доктрины большую роль играет Министерство внутренних дел России, его войска и органы внутренних дел, личный состав которых должен иметь соответствующую подготовку, высокие морально-психологические качества, являться патриотами своей Родины.

Список литературы

1. Алексеев, А.Е. Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – СПб.: Санкт-Петербургское высшее военное командное училище внутренних войск МВД России, 1995.
2. Алексеев, А.Е. Участие внутренних войск в героической обороне Ленинграда (1941–1944 гг.): пособие. – Л., ВПУ им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, 1985.
3. Алексеев, А.Е., Гурнак, А.В. Традиции внутренних войск и их развитие в годы Великой Отечественной войны: пособие. – Ленинград, 1991.
4. Анфилов, В.А. Провал блицкрига. – М., 1974.
5. Биленко, С.В. На охране тыла страны: Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М.: Наука, 1988.
6. Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – С. 402.
7. В минуту суровых испытаний. (В помощь слушателям политических занятий). – Москва, 1985.
8. Военный энциклопедический словарь. – М.: Военное издательство, 1984.
9. Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и материалы. – М.: Юридическая литература, 1973.

10. Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : материалы научно-теоретической конференции. – Л., 1976.
11. Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк. – М.: Издательство ДОСААФ СССР, 1982.
12. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 1. – М.: Военное издательство, 1987.
13. Историческое значение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сборник статей межведомственной региональной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 22 апреля 2005 г. / М.М. Тарасов, В.В. Фролов, Ю.В. Лаптев, А.В. Антонен, В.С. Ефременко, С.В. Какбурнев, Р.Н. Тащиев. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2005.
14. Ленинградская милиция, органы УНКВД Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : материалы научно-практической конференции. – Ленинград, 1985.
15. Маюров, Н.П. Основы дисциплинарных правоотношений в советской милиции (октябрь 1917 – июнь 1941 гг.) – СПб.: СПб ун-т МВД России, 2004.
16. Министерство внутренних дел России: 1802–2002. Исторический очерк в 2 т. – Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / под общ. ред. В.П. Сальникова – СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002.
17. На Урицком направлении: Сборник воспоминаний участников войны. – Кн. 1. – Л., 1983.
18. Некрасов, В.Ф. На страже интересов Советского государства. История строительства войск ВЧК – ОГПУ – НКВД – МВД. – М.: Военное издательство, 1983.
19. Некрасов, В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов : художественно-документальное повествование / вступ. ст. В. Сорокина. – М.: Версты, Государственная фирма «Полиграфресурсы», 1995.
20. Нижник, Н.С., Сальников, В.П., Мушкет, П.П. Министры внутренних дел Российского государства (1802–2002) : библиографический справочник. – Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002.
21. Опалённые войной, вдохновлённые победой: Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны, ветеранов внутренних войск и правоохранительных органов / сост. И.Д. Ходанович. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2001.
22. Первый и последний день войны: Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны. – СПб.: СПб ун-т МВД России, 2000.
23. Сальников, В.П., Степашин, С.В., Янгол, Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». – СПб.: Лань, СПб университет МВД России, 1999.
24. Скилягин, А., Лесов, В., Пименов, Ю., Савченко, П. Дела и люди Ленинградской милиции. – Л., 1967.
25. Советский Союз в первый период Великой Отечественной войны : сборник материалов республиканской межвузовской научно-практической конференции 28–29 ноября 1989 г. – Ленинград, ВПУ им 60-летия ВАКСМ МВД СССР, 1990.

Literature

1. Alexeenkov, A.E. Internal Forces in the Great Patriotic War (1941–1945). – St.-Petersburg, 1995.
2. Alexeenkov, A.E. Participation of internal troops in the heroic defense of Leningrad (1941–1944). – Leningrad, 1985.
3. Alekseenkov, A.E., Gournac, A.V. Traditions of internal troops and their development in the Great Patriotic War. – Leningrad, 1991.
4. Anfilov, V.A. The failure of the blitzkrieg. – Moscow, 1974.
5. Bilenko, S.V. The protection of rear areas: fighter battalions and regiments in the Great Patriotic War of 1941–1945. – Moscow, 1988.
6. The Great Patriotic war. 1941–1945. Encyclopedia. – Moscow, 1985.
7. In times of severe trials. – Moscow, 1985.
8. Military Encyclopedic Dictionary. – Moscow, 1984.
9. Internal forces in the Great Patriotic war. 1941–1945. Documents and materials. – Moscow, 1973.
10. Internal forces and authorities of the Interior during the Great Patriotic war (1941–1945.): Materials science and theoretical conference. – Leningrad, 1976.
11. Troops are called internal. A brief historical sketch. – Moscow, 1982.
12. Heroes of the Soviet Union: A biographical dictionary. – Vol. 1. – Moscow, 1987.
13. The historical significance of the Victory in Great Patriotic war of 1941–1945: Materials of articles interagency regional scientific-practical conference. St. Petersburg, 22 April 2005. – St.-Petersburg, 2005.
14. Leningrad police, the NKVD organs of Leningrad during the Great Patriotic war (1941–1945.): Materials of scientific conference. – Leningrad, 1985.
15. Majurov, N.P. Fundamentals of disciplinary relationships in the Soviet Militia (October 1917 - June 1941.) – St.-Petersburg, 2004.
16. The Ministry of Internal Affairs of Russia: 1802–2002. Historical Review in 2 v. – St.-Petersburg, 2002.

17. At Uritsk direction: Collected memories of war participants. – Book. 1. – Leningrad, 1983.
18. Nekrasov, V.F. Guarding the interests of the Soviet state. – Moscow, 1983.
19. Nekrasov, V.F. Thirteen «iron» the People's Commissars. – Moscow, 1995.
20. Nizhnik, N.S., Salnikov, V.P., Musket, I.I. Ministers interior of States (1802-2002): bibliography. – St.-Petersburg, 2002.
21. Singed by the war, inspired by the victory. – St.-Petersburg, 2001.
22. The first and last day of the war: A Collection of Reminiscences of the Great Patriotic War. – St.-Petersburg, 2000.
23. Salnikov, V.P., Stepashin, S.V., Yangol, N.G. Bodies of Internal Affairs of North-West Russia in the Great Patriotic War. – St.-Petersburg, 1999.
24. Skilyagin, A., Lesov, V., Pimenov, Y., Savchenko, I. Work and people of Leningrad militia. – Leningrad, 1967.
25. Soviet Union in the first period of the Great Patriotic war: materials Republican interuniversity scientific conference 28-29 November 1989. – Leningrad, 1990.

¹ См.: Маюров Н.П. Основы дисциплинарных правоотношений в советской милиции (октябрь 1917 – июнь 1941 гг.) СПб.: СПб ун-т МВД России, 2004. С. 165-205.

² Большая советская энциклопедия. Т. 14. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 305.

³ Насколько велики по объему были новые задачи, можно сделать вывод по следующим цифрам. Только одной милицией Чувашии с начала Великой Отечественной войны и до 25 октября 1942 г. было задержано 1432 дезертира, 962 человека, уклонявшихся от призыва и мобилизации, 1136 человек, укрывавшихся от военного учета и 17 человек, дезертировавших с военных производств. В 1944 г. были проверены документы у 34795 граждан, что позволило задержать 569 дезертиров, 629 человек, уклонявшихся от призыва и мобилизации, 761 нарушителя военного учета. См.: Тимофеев В.В. Органы милиции Чувашии в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С.46,48; Архив ГУВД СПб и ЛО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48. Л. 21.

⁴ История советской милиции. Т. 2. М., 1977. С. 56-57; Архив ГУВД СПб и ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 512-513, 630, 666, 624.

⁵ Анфилов В.А. Провал бланккрига. М., 1974. С. 362.

⁶ История Великой Отечественной войны: В 6 т. Т. 2. С. 91.

⁷ Алексеенков А.Е. Участие внутренних войск в героической обороне Ленинграда (1941-1944 гг.): Пособие. Л.: ВПУ им. 60-летия ВАКСМ МВД СССР, 1985. С. 7.

⁸ Ленинградская битва началась 10 июля 1941 г. и завершилась 9 августа 1944 г.

⁹ Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 402.

¹⁰ Ставка Главного командования была создана по постановлению ВКП (б) и СНК СССР от 23 июня 1941 г. В последующем преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования.

¹¹ Семенец Степан Сергеевич (р. 1918 г.). Кадровый офицер. Призван на военную службу в 1938 г. Окончил военно-политическое училище, АГПИ им. А.И.Герцена. Воевал на Ленинградском и 1-м Украинском фронтах. Награжден двумя орденами Отечественной войны I-й и II-й степеней, орденом Красной Звезды, многими медалями.

¹² См.: Опаленные войной, вдохновленные Победой: Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны, ветеранов внутренних войск и правоохранительных органов. СПб., 2001. С. 171-175. 9 февраля 1943 г. Ново-Петергофское военно-политическое училище было награждено орденом Красного Знамени. На территории бывшего совхоза «Большевик» (Гатчинский район) установлена стела с надписью: «Пограничникам 1-го батальона Ново-Петергофского училища под командованием майора Шорина, насмерть стоявшим здесь в 1941 году».

¹³ См.: Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1976. С. 58.

¹⁴ См. подробнее: Алексеенков А.Е. Указ. соч. С. 36-39; Министерство внутренних дел России: 1802–2002: Исторический очерк в 2 т. / Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. С. 303.

¹⁵ См. там же. С. 8-14.

¹⁶ Алексеенков А.Е. Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). СПб.: Санкт-Петербургское высшее военное командное училище внутренних войск МВД России, 1995. С. 11-28.

¹⁷ На Урицком направлении: Сборник воспоминаний участников войны. Кн. 1. Л., 1983. С. 7. 9 воинов 21 дивизии войск НКВД в годы войны были удостоены звания Героя Советского Союза.

¹⁸ В годы Великой Отечественной войны основным местом массовых захоронений жертв блокады (ок. 470 тыс.) и участников обороны Ленинграда было Пискаревское кладбище, на Выборгской стороне. (Архитектурно-скульптурный мемориал на Пискаревском кладбище был создан в 1956-1960 гг. архитекторами А. В. Васильевым и Е. А. Левинсоном, скульпторами В. В. Исаевым, Р. К. Тауритом и др.).

¹⁹ По Дороге жизни на машинах было перевезено 575 тыс. тонн грузов, вывезено на «Большую землю» 638 тыс. человек. Ладожская флотилия перевезла 1040 тыс. тонн грузов, вывезла из города 738 тыс. человек, доставила в город пополнение в количестве 300 тыс. человек.

²⁰ См.: Ганкевич В.М. Внутренняя оборона Ленинграда в период вражеской блокады // Ленинградская милиция, органы УНКВД Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Материалы научно-практической конференции. Л., 1985. С. 22-26. Подробнее о роли и месте милиции в системе внутренней обороны города см.: Янгол Н.Г. Деятельность ленинградской милиции в составе внутренней обороны города в период его блокады // Там же. С. 56-62.

²¹ См.: Дела и люди Ленинградской милиции. Л., 1967. С. 271.

²² См. подробнее: Биленко С.В. На охране тыла страны: Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Наука, 1988.

²³ См.: Дела и люди Ленинградской милиции. С. 258-259

²⁴ См.: Алексеенков А.Е. Участие внутренних войск в героической обороне Ленинграда (1941-1944 гг.). С. 48-55.

²⁵ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. 2002. 19 мая.

акты Правительства РФ – порядок возмещения вреда по конкретным фактам террористических актов. Использование последних в дальнейшем неоправданно, как и регулирование данного вопроса правовыми актами субъектов РФ, по причине того, что возмещение вреда, причиненного в результате террористического акта, является жизненно важным вопросом государства и общества и должно регламентироваться зако-

Л. Е. Филиппова,
преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин ВЮИ ФСИН России

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ НКВД В ПЕРИОД
СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ
КАК ЧАСТЬ ОБЩЕЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

После Октябрьской революции 1917 г. произошел слом всего государственного аппарата. В короткий срок складывавшаяся веками русская государственная служба была практически уничтожена. Чиновничество было разогнано либо репрессировано. По планам большевиков и логике политических и государственно-правовых изменений, происходящих в России в 1917–1920 гг., старое профессиональное чиновничество должно было исчезнуть и его место должна была занять новая «пролетарская государственная служба». Однако на деле Российское государство осталось в то время без эффективно функционирующего, знающего профессионального кадрового корпуса. Руководящей партией создавалась советская государственная служба, которая по своим принципиальным характеристикам была противоположна профессиональному чиновничеству дооктябрьской России¹.

Революция прервала кадровую преемственность и привела к власти людей из разных социальных слоев. В отличие от буржуазных революций, где приход к власти новых социальных сил оправдывался главным образом экономическими факторами, для Октябрьской революции был характе-

ном, непосредственно выражающим государственную волю и обладающим высшей юридической силой по отношению к другим нормативным правовым актам. В данном случае должны быть определены: субъекты права на финансовую компенсацию, правомочия субъектов, механизм определения размеров компенсационных выплат, процедура определения данного права, источник компенсационных выплат.

рен политический фактор. К власти пришли большевистские кадры.

Положение о Рабоче-крестьянской милиции от 10 июня 1920 г. внесло в нормативное обеспечение кадровой работы ряд новаций, суть которых сводилась к расширению компетенции Главмилиции и ее местных органов за счет постепенного изъятия полномочий у исполкомов Советов. Одним из новых требований Положения являлось возложение на Главмилицию организации «специальных курсов по милиции»².

Положение разделило кадры милиции на сотрудников и вспомогательный состав, определило компетенцию органов различного уровня в деле реализации кадровой функции. Был нормативно закреплён порядок определения на службу, определен механизм осуществления должностными лицами кадровых процедур, включающих наряду с другими вопросами и комиссионную проверку в испытательных комиссиях знаний и степени пригодности к службе³.

Завершение процесса становления кадровой функции создало реальные предпосылки для организации и развития ведомственной сети школ и курсов и планомерной, профессиональной подготовки работников милиции. Нормативно-правовой основой, положившей начало развитию и последовательному совершенствованию подготовки кадров милиции, явилось Положение о курсах командного состава милиции, утвержденное приказом Главмилиции РСФСР от 17 января 1921 г. № 69/с. В соответствии с этим документом местные органы милиции должны были организовать

¹ См.: *Старилов Ю. Н.* Службное право. М., 1996. С. 99.

² См.: СУ РСФСР. 1920. № 79. Ст. 371.

³ См.: *Лойт Х. Х.* Кадровая политика в органах внутренних дел Российской Федерации. СПб., 1998. С. 84.

открытие курсов командного состава при своих губернских и областных управлениях¹.

Отсутствие общей концепции развития экономики, политики, права отразилось на дальнейшем процессе реорганизации органов НКВД. Частая корректировка экономической политики привела к необходимости изменения направлений реорганизации НКВД. В связи с этим в процессе реорганизации НКВД можно выделить три этапа. На первом (1921–1922 гг.), совпавшем с началом осуществления новой экономической политики, функции наркомата расширились и усложнились его структура за счет вхождения в его состав основной части аппарата ВЧК, передачи в НКВД всех исправительно-трудовых учреждений и сосредоточения в его ведении вопросов регистрации общественных организаций и т. д. Все это превратило наркомат в ведомство, наделенное широчайшими полномочиями, что способствовало организации и развитию ведомственной сети школ и курсов и планомерной, профессиональной подготовки работников милиции.

К 1 января 1922 г. в РСФСР было создано 46 курсов, имевших в своем составе 2473 обучающихся. Штат курсантов устанавливался применительно к местным условиям, но в определенных рамках – от 100 до 150 человек. Финансирование курсов осуществлялось из местного бюджета, а обеспечение их хозяйственных потребностей было возложено на губернские и областные управления милиции².

Необходимо заметить, что в отличие от организации профессиональной подготовки полицейских чиновников в царской России, МВД которой не имело специального органа по координации этих вопросов, в милицеских структурах Советского государства общее организационное руководство специальной подготовкой работников милиции нормативно возлагалось на административно-строевой отдел одного из отделов Главмилиции НКВД РСФСР³.

Данный орган в структуре Главмилиции урегулировал процесс профессиональной подготовки сотрудников. Под руководством административно-строевого подотдела в течение 1921–1925 гг. были разработаны организационные и правовые основы школьно-курсовой подготовки. В организационную структуру системы профессионального милицеского обучения входили: школы резервов, осуществлявшие первичную подготовку лиц, принятых на должности милиционеров; губернские (областные), а впоследствии и межобластные школы для обучения младшего командного состава – старших и волостных милиционеров, участковых надзирателей; школы среднего командного состава, занимавшиеся подготовкой руководителей отделений уездных и городских отделений милиции⁴.

В школах резервов осуществлялась первоначальная подготовка милиционеров и одновременно проводилось обучение и младшего командного состава милиции. В связи с этим количество школ резервов значительно возросло. К концу 1923 г. их насчитывалось 25, а количество обучаемых в них составляло около 9 тыс. человек⁵.

Несмотря на усилия Главмилиции по активизации профессиональной подготовки, уровень образования большинства сотрудников оставался крайне низким, основная часть учебного времени отводилась на общеобразовательные предметы. Незрелость сети учебных заведений и необходимость более широкого охвата сотрудников различными формами обучения способствовали развитию внешкольной подготовки как самостоятельного вида профессионального обучения. Вначале внешкольная подготовка решала задачи по ликвидации неграмотности среди милиционеров.

Восьмого апреля 1922 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности издала циркуляр, потребовавший обязательного привлечения всех неграмотных и малограмотных милиционеров к всеобщему обучению и объявила эту работу

¹ См.: *Николаев П. Ф.* Подготовка командных кадров милиции в СССР (1917–1929 гг.). Омск, 1969. С. 25.

² См.: *Гольдман В. С.* Из истории организации школ и курсов милиции РСФСР в 1917–1925 гг. // Тр. / Высш. шк. МОП СССР. М., 1968. С. 82.

³ См.: *Павлов А. Н.* Петроградская милиция: ее развитие и деятельность в условиях НЭПа (1921–1925 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 94.

⁴ См.: *Шамаров В. М.* Кадровая работа в милиции НКВД РСФСР (правовые и организационные основы). М., 1997. С. 66.

⁵ См.: Рабоче-крестьянская милиция. 1924. № 11. С. 14; *Павлов А. Н.* Указ. соч. С. 98.

ударной. По складывающейся в эти годы традиции такие решения реализовывались в ходе различных кампаний. В данном случае датой окончательной ликвидации неграмотности среди милиционеров было определено 1 июля 1922 г. Во исполнение указанного циркуляра на местах были организованы резервы для прохождения курса грамотности.

Развитие новых экономических отношений потребовало укрепления законности, а следовательно, совершенствования правовой системы, приведения текущего законодательства в соответствие с Конституцией РСФСР, четкого разграничения компетенции между различными звеньями государственного механизма. Это коснулось прежде всего Наркомата внутренних дел как органа чрезвычайно многофункционального. Начался очередной этап (1923–1927 гг.) его реорганизации, которая в итоге превратила НКВД из органа, занимавшегося вопросами организации местной власти, в орган охраны правопорядка. Значительное влияние на данную реорганизацию оказал экономический кризис 1923 г., потребовавший максимального сокращения расходов на содержание государственного аппарата.

Приказом Главмилиции от 11 июня 1923 г. № 186 была утверждена единая программа занятий с милиционерами и комсоставом. Она была рассчитана на один год обучения и направлена на ликвидацию правовой безграмотности, знакомство работников милиции с текущими законодательными и другими нормативными документами, приемами выполнения оперативно-служебных задач.

К середине 1920-х гг. сформировалась система школьно-курсовой подготовки, в которую вошли все типы учебных заведений, дифференцированно готовящих различные категории личного состава. Сеть школьно-курсовой подготовки, по данным В. М. Шамарова, включала 20 школ резервов, три губернские школы младшего командного состава и пять школ среднего комсостава¹.

С 1921 по 1925 г. из школ милиции РСФСР было выпущено более четырех тысяч человек, из них местные школы окончили 3827 человек, школы среднего комсостава – 813 человек.

Повышению уровня профессионального образования сотрудников милиции и кандидатов на работу в органы внутренних дел способствовали и другие меры. Во-первых, со второй половины 1920-х гг. в воинских частях были организованы краткосрочные курсы по подготовке милиционеров из числа мобилизованных красноармейцев, желающих работать в милиции. Во-вторых, с 1929 г. на специальных курсах при местных организациях Осоавиахима началась подготовка женщин для работы в милиции. И в-третьих, в этот период появился институт запаса милиции, состоящий из передовых рабочих и крестьян. Один раз в год проводились сборы лиц, входивших в запас, где они получали необходимую общую, военную и специальную подготовку².

Данные изменения были закреплены в новом Положении о НКВД от 27 марта 1927 г. Однако к этому времени произошли серьезные изменения в социально-экономическом положении страны: новая экономическая политика стала сворачиваться, осуществлялся переход к форсированной индустриализации. Эти события потребовали централизации всего аппарата управления, которому противоречила децентрализованная структура НКВД, утвержденная Положением. Поэтому спустя девять месяцев после принятия Положения начался последний этап реорганизации, целью которой была централизация аппарата НКВД.

К концу 1920-х гг. система профессиональной подготовки сотрудников милиции характеризовалась наличием в органах милиции НКВД РСФСР широкой сети учебных заведений, осуществлявших подготовку практически всех должностных категорий. В систему учебных заведений входили содержащиеся за счет госбюджета: институт административного строительства с 3-годовалным сроком обучения, одногодичные высшие курсы НКВД усовершенствования административных работников и школы НКВД административных работников.

Кроме того, в этой системе функционировали за счет краевых и областных бюджетов школы краевых и областных административных управлений с шестимесячным сро-

¹ См.: Шамаров В. М. Указ. соч. С. 78.

² См.: Бюл. НКВД РСФСР. 1928. № 39. С. 809–811.

ком обучения, трехмесячные краткосрочные курсы по переподготовке младшего комсостава и месячные курсы по переподготовке рядового состава милиции и работников мест заключения¹. В 1928 г. внешкольная подготовка стала обязательной для всех категорий личного состава и называлась «повторно-инструкторские занятия», была введена заочная форма обучения (экстернат)². Централизация профессиональной подготовки проходила по единым планам и программам, утвержденным НКВД РСФСР.

Таким образом, к началу 1930-х гг. завершился процесс становления системы профессиональной подготовки милиции, ставшей основой для дальнейшего ее развития в последующие десятилетия.

В 1920-е гг. активно развивалась и система подготовки кадров для внутренних войск, имевших неразрывную связь с органами НКВД. Наряду с общими чертами с системой подготовки кадров милиции, профессиональная подготовка во внутренних войсках характеризовалась специфическими чертами.

Бурные, чрезвычайно сложные и противоречивые мероприятия по реорганизации Наркомата внутренних дел РСФСР, его органов на местах в рассматриваемый период свидетельствуют о том, что:

1) необходимость их реформирования была во многом обусловлена историей НКВД, сосредоточившего сразу после Великой Октябрьской социалистической

революции в своем ведении широкий круг функций;

2) последнее обстоятельство усугублялось тем, что компетенция Наркомата не была четко отграничена от сферы ведения других государственных органов (низовые Советы и исполкомы – прежде всего их президиумы, ВЧК, ОГПУ, ВСНХ, НКЮ и др.);

3) дублирование выполнявшихся НКВД и данными органами функций объективно создавало основания для их вмешательства в сферу ведения Наркомата внутренних дел, а с его стороны – в вопросы их компетенции, что вызывало трения;

4) это выразилось в дискуссиях о судьбе Наркомата внутренних дел, а также в частой реорганизации органов, проявившейся в объединении органов внутренних дел и некоторых звеньев других органов отраслевого управления либо выделении и передаче некоторых звеньев из НКВД в другие органы;

5) наиболее полно идеи и принципы нэп проявились в ходе реорганизации коммунальных органов, подведомственных НКВД;

6) общая линия развития Наркомата, ясно прослеживаемая из анализа итогов реорганизации различных его звеньев, соответствовала концепции укрепления законности с переходом к нэп. Например, у НКВД были изъяты функции руководства советским строительством, осуществление которой отраслевым государственным органом представляло очевидное нарушение действующей Конституции РСФСР.

¹ См.: Шамаров В. М. Указ. соч. С. 86.

² См.: Бюл. НКВД РСФСР. 1928. № 22. С. 446–448.

Первая оперативная база НКВД и Сорокинское восстание

В годы войны борьба с нацистскими захватчиками разворачивалась практически во всех оккупированных районах. Значительную роль в организации подполья и партизанского движения играли сотрудники НКВД-НКГБ СССР, которые совершали диверсии против фашистов, проводили разведку, создавали партизанские отряды и бригады, выявляли вражеских агентов и карателей. Сотрудники Ленинградского управления НКВД принимали активное участие в формировании партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп, руководили их деятельностью. УНКВД по Ленинградской области подготовило и направило в тыл врага свыше 180 оперативных групп, которые приняли самое активное участие в организации партизанских соединений, разведывательно-диверсионной работе и контрразведывательном обеспечении партизанского движения. Всего же в период 1941-1944 гг. Управление НКВД по Ленинградской области в прифронтовых и тыловых районах сформировало и переправило через линию фронта 287 партизанских отрядов и групп, общей численностью в 11 683 чел¹.

Осенью 1941 года были организованы чекистские оперативные группы, которые выполняли множество задач. Группы проводили работу по очистке партизанских отрядов от вражеской агентуры, чекисты выискивали двойников, засланных немцами к партизанам, обставляли собственной агентурой вновь зачисленных в отряд бойцов, проверяли их на специальных заданиях². В целях скопления подрывной деятельности спецслужб оккупантов сотрудники органов госбезопасности принимали участие в подготовке и проведении дезинформационных меропри-

ятий: доводили до врага сведения о численности партизанских сил, во много раз превышавшей действительную; создавали ложные партизанские базы, имитировали подготовку нападения партизан на те или иные объекты и др. Подобные мероприятия дезорганизовывали работу фашистских спецслужб, направляли их усилия по ложным или бесперспективным объектам, задерживали проведение подготовленных карательных операций, снижали результативность деятельности разведки и контрразведки противника³.

С 1943 года на Северо-Западе РСФСР повсеместно создавались оперативные базы Ленинградского управления НКВД СССР на оккупированной территории, которые должны были совместно с партизанами проводить диверсии и разведку, а также выполнять задачи по контрразведывательному прикрытию партизанских отрядов, уничтожению руководства немецких карательных подразделений, проведению диверсий, координации действий партизанских отрядов. Численность оперативных баз был небольшой – 8-15 оперативных работников, радисты и отряд прикрытия. Личный состав оперативных баз был скомплектован из числа сотрудников, прошедших специальную подготовку в диверсионно-разведывательных школах Управления НКВД по Ленинградской области. Об одном эпизоде из будней оперативников Первой оперативной базы, действовавшей в районе Гдов – Псков – Струги Красные хочется рассказать.

В начале марта 1943 года в Псковском районе был выброшен оперативник во главе со старшим лейтенантом НКВД Л.В. Каменским для проведения разведки немецких гарнизонов и подготовки предложений о месте базирования оперативных отрядов НКВД. Они совершили рейд и несколько диверсий в немецких тылах, провели рекогносцировку местности, а также проверили

Седунов Александр Всеволодович - доктор исторических наук, проректор Псковского госпедуниверситета им. С. М. Кирова.

деятельность партизан. В июле 1943 года в район поселка Ямм были десантированы 15 человек, которые должны были вместе с партизанами организовывать разведывательно-диверсионную работу, уничтожать немецких командиров и руководителей, обучать и направлять в западные районы (в том числе и в Прибалтику) разведчиков. Вслед за оперработниками были переброшено еще около ста человек, организовавших лагерь в районе знаменитого Сорокового Бора. Начальником Базы являлся майор госбезопасности М. Ф. Лаврентьев, его заместителем - И. Н. Никуличев. В состав Базы входили оперативные работники: М. И. Клементьев, Н. В. Данилов, А. И. Пушкарев, Т. С. Попруженко, Л. Д. Проценко, Н. Г. Пушкарев, С. П. Стрижев, Г. З. Романов. Отряд прикрытия возглавлял капитан Л. В. Каменский. Надо отметить, что большинство сотрудников НКВД ранее уже побывали в немецких тылах, выполняя различные поручения. Так, С. П. Стрижев руководил диверсионными актами в Порховском и Стругокрасненском районе, а М. И. Климентьев забрасывался с разведывательными целями в район Пскова.

Весь оперативный состав с приданными ему радистами и необходимым количеством бойцов был рассредоточен на максимально большой территории Псковского, Гдовского и Порховского районов, с тем чтобы по возможности расширить зону агентурной и боевой деятельности базы. Благодаря этому оперативные работники за период с сентября 1943-го по март 1944 года осуществили вербовки 317 агентов в Псковском, Струго-Красненском, Полновском, Гдовском и других прилегающих районах области, что позволило контролировать ситуацию на обширной территории. Значительная часть завербованных агентов были из числа работников немецких административно-хозяйственных учреждений, комендатур, войсковых частей. Они обеспечивали получение разведывательных данных о противнике, принимали личное участие в подготовке и проведении диверсионных актов на важных объектах и коммуникациях, с их помощью выявлены многие предатели Рордины в местах их проживания⁴.

Специально сформированные группы проводили круглосуточный контроль за передвижением немецких воинских частей и грузов по железным и шоссейным дорогам Луга — Псков, Псков — Гдов, Сланцы — Веймарн. По результатам разведывательной работы оперативная база передала в Ленинградское управление более 200 радиogramм с данными о противнике, которые были использованы командованием Ленинградского и Волховского фронтов⁵.

С помощью агентуры, путем опросов перебежчиков, допросов «языков» были установлены места дислокации 22 штабов и немецких войсковых частей, 40 строящихся линий обороны и узлов сопротивления, 66 гарнизонов, 17 баз горючего и автопарков, 42 складов боеприпасов и продовольствия⁶. Были получены и сообщены в Ленинград сведения об укреплениях по западному берегу Чудского и Псковского озер, которые являлись участками возведенного немцами оборонительного рубежа «Пантера», что в конечном итоге в совокупности с ранее поступившими данными дало возможность 4-му отделу Ленинградского управления НКВД составить цельную картину этой немецкой системы обороны и предоставить информацию командованию обоих фронтов. Сотрудники оперативной базы передали в Ленинград подробные схемы укреплений Псковского и Нарвского узлов, оборонительных сооружений в Луге, Гдове, Плюссе и данные о численности находящихся там частей.

В результате проведенных диверсий бойцами и оперработниками 1 Оперативной базы НКВД было пущено под откос 13 эшелонов с живой силой и техникой противника, при этом уничтожено 152 вагона, подорвано 10 железнодорожных мостов, уничтожено 119 немецких военнослужащих, в том числе 7 офицеров. Успешно прошла операция в деревне Бор Псковского района, в ходе которой был убит немецкий полковник, начальник строительства укреплений Пскова. В результате операции на станции Ямм был разгромлен штаб гарнизона, при этом наряду со штабными офицерами партизанским разведчиком В. Я. Ивановым был убит начальник гарнизона майор Аног⁷.

Одним из главных направлений деятельности чекистов стала работа по разложению так называемых восточных батальонов вермахта, военнослужащих Русской освободительной армии (РОА) и полицейских формирований, состоявших в основном из бывших красноармейцев и местных жителей, перешедших на сторону врага.

Пытаясь разрешить проблему недостатка охранных частей в тыловых районах действующей армии. Главное командование сухопутных войск вермахта (ОКХ) приказом первого квартирмейстера Генерального штаба генерал-лейтенанта Ф. Паулуса от 9 января 1942 г. уполномочило командование групп армий формировать в необходимом количестве вспомогательные охранные части («сотни») из военнопленных и жителей оккупированных областей, враждебно относящихся к советской власти. Позднее проблема обеспечения безопасности тыловых районов заставила вермахт расширить круг задач, возлагавшихся на вспомогательные части, сформированные из бывших советских граждан⁸.

Многочисленные охранные и антипартизанские формирования создавались усилиями местных командных инстанций вермахта — от командующих тыловыми районами групп армий до полевых командиров и начальников гарнизонов. С конца 1942 и в начале 1943 года формирование производилось и силами русской эмиграции. С подобной инициативой еще в 1941-1942 гг. выступили представители белой эмиграции — инженер С. Н. Иванов, полковник К. Г. Кромияди и И. К. Сахаров⁹, воевавшие против большевиков еще у Франко в Испании. С весны 1943 года многие из этих формирований перешли под руководство А.А. Власова — в создаваемую Русскую освободительную армию¹⁰. Таким образом, весной 1942 г. в тыловых районах немецких армий и групп армий появилось множество вспомогательных частей, не имевших, как правило, ни четкой организационной структуры, ни штатов, ни строгой системы подчинения и контроля со стороны немецкой администрации. Их функции заключались в охране железнодорожных станций, мостов, автомагистралей, лагерей военнопленных и других объектов, где они были призваны заменить немецкие войска, необходимые на фронте.

К концу 1942 г. почти каждая из действовавших на Восточном фронте немецких дивизий имела одну, а иногда и две восточные роты, а корпус — роту или батальон. Кроме того, в распоряжении командования армейских тыловых районов имелось по несколько восточных батальонов и ягдкоманд, а в составе охранных дивизий — восточные кавалерийские дивизионы и эскадроны.

В составе каждого батальона обычно имелось 3-4 стрелковых роты по 100-200 чел. в каждой, взводы: управления, минометный, противотанковый, артиллерийский, — объединенные в составе штабной роты. На вооружении имелось 2-4 орудия калибра 76, 2 мм, 2-4 противотанковые пушки калибра 45 мм, 2-4 батальонных и 4-12 ротных минометов, станковые и ручные пулеметы, винтовки и автоматы. Командование батальонами и ротами находилось в руках немецких офицеров, имевших заместителей из числа бывших командиров Красной Армии и офицеров-эмигрантов. В редких случаях практиковалось назначение «туземных» командиров во главе эскадронов и рот¹¹.

Деятельность большинства созданных германским командованием местных вспомогательных формирований с самого начала ограничивалась охранной службой на оккупированных территориях. Причем если первоначально местные формирования старались использовать в наиболее спокойных районах, то со временем сложная обстановка на оккупированных территориях заставила германское командование все активнее вовлекать эти силы в борьбу с партизанами. При тех сложностях, которые доставляли вермахту действия советских партизан, использование восточных частей в антипартизанской борьбе приносило оккупантам ощутимую помощь. Знание местности и языка давало этим частям большие преимущества по сравнению с немецкими войсками, и фактически ни одна серьезная операция по «умиротворению» тыловых районов не обходилась без их участия.

Задачи по разложению армии противника путем распространения листовок и агитационных материалов, а также используя агентурное проникновение, были поставлены перед чекистами уже в 1941-1942 гг., но

даже после различных директив конца 1942 года процесс перехода военнослужащих восточных батальонов на сторону партизан не был столь активным. Только в 1943 г., после Сталинграда и Курска эти меры стали приносить ожидаемые и серьезные результаты, этому способствовали и приказы Наркомата обороны и НКВД, гарантировавшие свободу тем, кто не принимал участие в карательных акциях. Выпуск и активное распространение партизанами различных листовок и обращений, адресованных «власовцам» и полицейским, позволял донести до коллаборационистов призыв «об искуплении вины перед народом». Вот названия некоторых из них: «Открытое письмо рабочих и крестьян районов Псков и Остров предателю-генералу Власову. Отвечай изменник Власов!», «Русский не будет братоубийцей», «К Вам наше слово, солдаты Власова!», «Решающий час близок! На чьей вы стороне?»¹². Аппелируя не только к сознательности, но и к чувству самосохранения («страшный день отмщения ожидает тех, кто продолжает сотрудничать с немцами»), чекисты и руководители партизанских отрядов напоминали, что предателя «ждет месть партизан», если он не бросит «свое преступное, кровавое дело». «Тебе народ никогда не простит, вечное проклятие будет на тебе», говорилось в агитационных листовках. В них приводились примеры перехода полицейских на сторону партизан, которые теперь «бьют немецких оккупантов... и расчищают путь наступающей Красной Армии».

В районе базирования Первой базы находились некоторые формирования 207 охранной дивизии вермахта, которая должна была поддерживать порядок на оккупированной территории, охранять тылы и проводить карательные акции¹³. В нее входили несколько полицейских полков, националистические батальоны и кавалерийские эскадроны, набранные из пленных красноармейцев. Не особенно полагаясь на боеспособность восточных батальонов немецкое командование, регулярно проводило их переформирование и перемещало их в различные населенные пункты.

Чекисты первой оперативной базы начали изучать подходы к эскадронам 207 дивизии, пробовали вербовать агентуру из чис-

ла военнослужащих. И тут оказалось, что в составе третьего эскадрона находится советский разведчик В.Я. Иванов, работавший среди немцев еще с 1941 года, после окончания советской разведывательно-диверсионной школы. В июне 1943 года В.Я. Иванов попытался поднять восстание, но немцы выявили ненадежных солдат и перевели несколько эскадронов из Карамышевского в Полновский район - в деревени Сорокино и Наумовщина. Здесь Иванов установил связь с партизанами Сланцевского и Гдовского района, а в августе 1943 года на связь с Ивановым вышли руководители Первой оперативной базы НКВД майор госбезопасности Лаврентьев, Климентьев и Стрижев. Именно тогда и возник план восстания в третьем эскадроне. Опасаясь возможной передислокации и переформирования эскадрона, было решено поднять восстание во время инспекционной поездки начальника штаба дивизии, захватить командиров и перейти к партизанам. С большинством военнослужащих эскадрона В.Я. Иванов установил доверительные отношения, объяснив, что они не будут арестованы и расстреляны и даже смогут с оружием в руках доказать свою преданность Родине и искупить вину. В два часа дня, 27 сентября, дождавшись приезда одного из командиров 207 дивизии барона Хенхельки, вместе с несколькими товарищами В.Я. Иванов ворвался в штаб эскадрона, перестреляв немецких офицеров. Во время восстания было убито около 40 немецких солдат и офицеров, захвачено несколько автомашин и хлебный обоз. Все штабные документы были переданы чекистам. Вместе с Ивановым на сторону партизан перешли 179 военнослужащих третьего эскадрона 207 кавалерийского батальона охранной дивизии.

Командиры партизанского соединения И.Г. Светлов и И.Д. Дмитриев пошли на смелое решение: они не стали расформировывать эскадрон, сохранив его, преобразовав в партизанский отряд № 5. Возглавил его помощник В.Я. Иванова - А.А. Абрамов. Эти события дали мощный толчок к всеобщему восстанию в Гдовском и Полновском районах. Немецкие гарнизоны по деревням и селам, состоявшие из восточных формирований, солдат РОА, разваливались. Многие

группами и в одиночку переходили на сторону партизан. К ним присоединялись полицейские. За 15 дней восстания партизанский полк вырос почти в пять раз.

Находившийся в составе оперативной группы сотрудник 4-го отдела Никуличев в воспоминаниях так описывает еще одну операцию по разложению формирований коллаборационистов: «В 35 км от Струг Красных находится деревня Подол, в которой проживал наш разведчик, завязавший по нашему заданию связь с полицией в райцентре Красных Струг. По моему заданию он подготовил переход на нашу сторону 35 полицейских во главе с их старшим полицейским В. Станкиным. Но перед ними до перехода была поставлена задача совершить диверсионный акт на немецких объектах, что ими было

выполнено. В ночь с 28 на 29 сентября они взорвали завод «Красная заря», в котором помещались немецкие ремонтные мастерские. Полицейские бежали в лес к партизанам, а оставшуюся полицию в Стругах после этого случая немцы разоружили и заперли в здании». После этой операции этот полицейская рота была расформирована¹⁴.

Одновременно партизаны усилили удары по железной дороге Псков – Гдов, Сланцы – Гдов. Осенью 1943 в этом районе была сформирована 9-я Ленинградская партизанская бригада, а первая оперативная база НКВД продолжила свою деятельность и в феврале 1944 года соединилась с частями Красной Армии.

Примечания

- 1 АУФСБ по СПб и ЛО.
- 2 РГАСПИ. Ф. 69. Оп.1. Д.336. Л. 12-13.
- 3 **Попов А.Ю.** НКВД и партизанское движение. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 200.
- 4 АУФСБ по ПО.
- 5 АУФСБ по ПО.
- 6 АУФСБ по ПО.
- 7 АУФСБ по ПО.
- 8 **Дробязко С., Карашук А.** Русская освободительная армия. М., 1999. С.7.
- 9 **Кромияди К.** За землю и волю. Сан-Франциско, 1980. С. 58.
- 10 **Александров К.М.** Армия генерала Власова.1944-1945. М., 2006. С. 32.
- 11 **Дробязко С., Карашук А.** Русская освободительная армия. С. 12.
- 12 ЦА ФСБ РФ. Арх № 134. Т.1. Лл.61 - 67.
- 13 **Александров К.** Восточные войска вермахта и вооруженные силы Комитета освобождения народов России.//Клио, 1999. №2. С. 27.
- 14 АУФСБ по СПб и ЛО.



Сотрудники Первой оперативной базы НКВД



Кавалерийский эскадрон Русской освободительной армии



**Военнослужащие РОА перед проведением карательной экспедиции
против партизан**



Сланцевские партизаны. Отряд С.А. Сергеева. 1942 г.



**Партизанский отряд И.Г. Светлова. 1943 г.
Из фондов Сланцевского историко-краеведческого музея**

Бронепоезд 51-го полка НКВД в боях на Псковщине

С началом Великой Отечественной войны наступавшая на Ленинград группа немецко-фашистских армий "Север", пользуясь преимуществом в живой силе и технике, стремительно продвигалась вглубь страны. Уже 31 июля 1941 г. передовые танковые и мотострелковые части противника вышли к мосту через реку Утрою и г. Остров. Вместе с другими частями Красной Армии в бой с ними вступил и 110-й полк НКВД. После трёхдневных боев за Остров и оставления его советскими войсками 6 июля 1941 г. противник двинулся на Псков и 8 июля подошёл к его южным подступам.

В этих условиях командующий Северо-Западным фронтом приказал командиру 110-го полка силами его подразделений и бронепоездом 51-го полка организовать оборону переправ через Великую непосредственно у Пскова и через р. Черёху. Ставилась задача задерживать противника и тем самым обеспечивать переправы 41-го стрелкового корпуса в составе трёх дивизий - 111-й, 118-й и 176-й - с левого берега на правый для занятия там обороны.

Командовал бронепоездом майор Я. С. Грушелевский, уроженец г. Никополя Днепропетровской области, закончивший артиллерийскую школу им. Фрунзе и с 1932 г. командовавший бронепоездом войск НКВД по охране железных дорог. С началом войны бронепоезд был передан в Красную Армию и сразу же оказался в боях. Яков Савич Грушелевский уже имел опыт боевых действий, полученный на Карельском перешейке в период войны с Финляндией, 7 апреля 1940 г. был награждён орденом Красного Знамени. К моменту Великой Отечественной войны ему было 38 лет.

В документах сохранились имена и других членов команды бронепоезда. Командир мотоброневагона М. М. Гребенюк был, как и Грушелевский, уроженцем Украины - г. Егоровка Донецкой области, с 1936 г. служил в

РККА, а после окончания в 1939 г. курсов младших лейтенантов - в войсках НКВД: сначала командиром взвода 51-го полка, а с мая 1941 г. - командиром мотобронепоезда. С октября 1940 г. в этом же полку служил красноармеец Я. П. Володин, по профессии учитель, ставший в начале 1941 г. курсантом бронедивизиона, а с началом войны - наводчиком бронепоезда. В довоенные годы началась в полку и служба красноармейца В. Т. Шистерова, ставшего затем корректировщиком. Комиссаром бронепоезда являлся Н. Д. Недель.

В течение ночи 8 июля и днём 9 июля 1941 г. на подступах к Пскову развернулись ожесточённые бои. Подразделения 110-го полка и бронепоезд 51-го полка оказали противнику упорное сопротивление, не дав ему возможности приблизиться к переправам. Артиллерийским огнём мотоброневагона были уничтожены и повреждены до 10 танков, рассеяна колонна мотоциклистов, пытавшихся сходу овладеть переправой через Великую. Прямой наводкой были уничтожены три прорвавшиеся на железнодорожный мост танкетки противника, ружейно-пулемётным огнём - до 130 солдат. Противник, понеся потери, был вынужден отказать от лобовой атаки переправ и отошёл в исходное положение. К 18 часам 9 июля 1941 г. части 41-го стрелкового корпуса закончили переправу, и через полтора часа приказом его командира переправы через Великую и Черёху были взорваны.

После оставления советскими войсками Пскова бронепоезд 51-го полка поддерживал боевые действия частей 177-й стрелковой дивизии на дальних подступах к Луге. В период 21-26 июля 1941 г. он провёл шесть боев, нанеся противнику ощутимые потери.

21 июля бронепоезд, поддерживая наступление 3-го мотострелкового полка в районе ст. Плюсса, артиллерийским огнём уничтожил три танка и две миномётные батареи противника, а огнём счетверенной зенитно-пулемётной установки сбил самолёт Ю-88. На сле-

Горбачев Николай Антонович – руководитель военно-патриотической поисковой общественной организации «След «Пантеры» (г. Псков)

дующий день бронепоезд поддерживал артиллерийским огнём действия 177-й стрелковой дивизии восточнее станций Плюсса и Серебрянка, где подавил вражеские артиллерийскую и миномётную батареи. 23 июля он вновь поддерживал оборону 3-го мотострелкового полка у ст. Серебрянка и уничтожил 15 автомашин с грузом и живой силой, а также командный пункт противника. На следующий день там же была уничтожена пехотная рота гитлеровцев.

После шестидневных боев, 26 июля 1941 г. противник прекратил атаки на оборону 3-го полка в районе Плюсы и приступил к перегруппировке своих сил. Бронепоезд оставил здесь самоходный мотобронев вагон под командованием младшего лейтенанта М. М. Гребенюка, а сам ушёл за пополнением боеприпасов на соседнюю станцию. В 18 час. 40 мин. мотопехота врага при поддержке восьми танков неожиданно атаковала мотобронев вагон. Экипаж последнего не растерялся, вступил в бой с противником и артиллерийским огнём уничтожил четыре танка и до 10 автомашин с пехотой. Противник откатился в исходное положение.

Вся материальная часть бронепоезда состояла из небронированного паровоза, двух мотобронев вагонов, шести контрольных платформ и одной бронемашины с пушкой и ручным пулемётом. На вооружении он имел шесть 76-мм орудий, 12 пулемётов и три зенитных орудия.

За проявленные доблесть и мужество в боях с фашистами и образцовое выполнение заданий командования Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1941 г. командир мотобронев вагона М. М. Гребенюк был награждён орденом Ленина, наводчик Я. П. Володин и корректировщик В. Т. Шистеров - орденами Красного Знамени.

24 октября 1941 г. при обороне Тихвина бронепоезд 51-го полка попал под бомбёжку авиации противника и был разбит. Командир его майор Я. С. Грушелевский весной 1942 г. был назначен заместителем командира 31-го отдельного дивизиона бронепоездов, а затем командиром 31-го Особого Горьковского дивизиона бронепоездов, состоявшего из бронепоездов "Козьма Минин" и "Илья Муромец". В бою у ст. Чернь Тульской области 12 мая 1942 г. Я. С. Грушелевский погиб. Младший лейтенант М. М. Гребенюк, пройдя с бронепоездами до Победы, с января 1946 г. служил в штабе 27-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог. Корректировщик В. Т. Шистеров в марте 1942 - марте 1945 гг. был начальником штаба 24-го бронепоезда, затем учился в высшей офицерской школе, проходил службу в войсках МВД, участвовал в боевых операциях по ликвидации националистического подполья в Литве. В 1958 г. он заочно окончил Военный институт КГБ при Совете Министров СССР, в 1953-1961 гг. преподавал в Орджоникидзевском военном училище МВД СССР и в октябре 1962 г. в звании подполковника ушёл в запас.

Примечание

Материалами для данного очерка послужили документы Центрального архива Внутренних войск МВД РФ (ф. 2).

РАЗРАБОТКА РЕФОРМЫ ВЧК (1921 - 1922 гг.)

Внимание к изучению проблем истории органов государственной безопасности в 20-е гг. остается непреходящим по ряду причин. В практическом аспекте этот интерес объясняется тем, что ВЧК - ОГПУ были уникальной государственной организацией, а их деятельность всеобъемлющей как по решаемым задачам, так и по охвату практически всех сфер жизни государства и общества. Органы ВЧК - ОГПУ в центре и на местах наряду с ВКП(б) и системой советских органов власти являлись одной из трех структурных составляющих советского государственного и общественного строя.

Уникальные особенности развития и функционирования советской политической полиции также стимулируют научный интерес к изучению их истории. Главной особенностью советских спецслужб помимо широты полномочий, которая выделяет их из ряда существующих в мире спецслужб, а также отличает их от современных российских спецслужб, заключается в особом «двойном» политико-правовом статусе (подчинение ЦК партии и правительству). В этом виде они стали очень удобной организацией для прямой реализации политических решений партийных органов. Их острие по воле верхушки партии периодически перенацеливалось, на них возлагались не свойственные им функции, они не раз использовались как орудие в борьбе за власть, происходившей внутри партийного и государственного руководства.

В связи с этим интересно проанализировать, как шло создание этой уникальной системы. Нам представляется, что одним из важнейших этапов на этом пути было проведение реорганизации ВЧК после Гражданской войны.

ВЧК подошла к 1921 г. с грузом пороков и проблем, а также весьма непривлекательным образом, сложившимся в глазах граждан страны и даже своих собственных сотрудников. Перед государством и партией встал вопрос о ее реформировании. Одни основания для реорганизации были признаны официально, другие остались неофициальными.

Официально признанные причины реформы ВЧК можно обнаружить в докладе В.И. Ленина на IX съезде Советов: «Перед нами стоит задача развития оборота, этого требует новая экономическая политика. А это требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, если бы тогда эту задачу поставили, мы были бы педантами, мы сыграли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем дальше идет развитие оборота, мы твердым лозунгом поставим осуществление большей революционной законности и ограничим сферу учреждения, которое являлось ответным ударом на всякий удар заговорщиков».^[1] Постановление съезда о ВЧК так трактует новую ситуацию: «Съезд считает, что ныне укрепление Советской власти во вне и внутри позволяет сузить круг деятельности ВЧК и его органов, возложив борьбу с нарушениями законов Советской республики на судебные органы».^[2]

Таким образом, готовясь к реформированию ВЧК, власть руководствовалась тем, что Гражданская война закончилась победой, враг разбит и не представлял уже серьезной угрозы, пошла на спад и волна крестьянских восстаний. Предполагалось, что и кривая «бандитизма» пошла на спад, и потому содержать разветвленный репрессивный аппарат, практически не имеющий юридических ограничений своей деятельности, становилось бессмысленным. Новая экономическая политика к тому же объективно требовала дальнейшего развития правовой гражданской сферы, новых юридических правил, которые

гарантировали бы в какой-то степени успешное проведение экономических реформ. Развитие же правовой системы, от стадии «декретной», характерной для периода Гражданской войны, к стадии кодифицированного права, предполагало разработку четкого уголовного законодательства, которое регламентировало бы деятельность органов розыска, лишая их возможности вести предварительное расследование, судить и выносить приговоры.

Итак, официальными причинами реформы были: завершение Гражданской войны, укрепление Советской власти, переход к новой экономической политике, потребовавшей укрепления законности в стране.

О неофициальных причинах, или причинах, о которых не говорилось в прессе в форме официальных документов, можно судить по материалам внутреннего характера, ходившим между представителями властей в процессе обсуждения задач и вопросов реформы. Еще в январе 1919 г. Л.Б. Каменев писал В.И. Ленину о самоуправстве местных ЧК и бюрократизации аппарата ВЧК, а также о разложении чекистских рядов, показателем которого был рост должностных преступлений, совершаемых их сотрудниками.[\[3\]](#)

О низком моральном уровне рядового состава ВЧК можно судить по циркулярным спискам разыскиваемых преступников, которые рассылались ее Регистрационно-статистическим отделом. В них часто встречаются работники, совершавшие преступления. Как правило, это были растрата денег, расхищение грузов или других материальных ценностей, превышение полномочий при совершении оперативных и следственных действий.[\[4\]](#)

Пожалуй, к основным мотивам проведения реформы следует добавить возникшую необходимость четкого разграничения полномочий между правоохрнительными учреждениями (Наркомюст, Рабкрин, Ревтрибунал, ВЧК и милиция), а также чисто политические, касающиеся привлекательности образа Советского государства для потенциальных иностранных концессионеров.

Собственно, сама идея необходимости реформы зародилась сначала в ходе обсуждения полномочий ВЧК и трибуналов и при обсуждении проблемы взаимоотношений ВЧК с Наркомюстом. Конфликты ВЧК с партийными и государственными органами шли постоянно. Причинами их были нечеткое разделение полномочий в советском законодательстве и естественное желание различных органов власти и управления расширить свое влияние и компетенцию.

Так, в 1921 г. громкий конфликт произошел между Башкирской ЧК и Башобкомом РКП(б). ЧК пыталась под знаменем борьбы с сепаратизмом и национализмом провести чистку обкома. Конфликт дошел до Москвы и обсуждался на Оргбюро ЦК РКП(б). В результате произошли перестановки в руководстве местного ЧК и снова встал вопрос о реформировании ВЧК.[\[5\]](#) Данный случай очень показателен: здесь ЧК продемонстрировала, что она может, при удобных условиях, посягнуть на власть партийных органов. Пусть она потерпела поражение и не имела шансов на победу, но возник прецедент, который был воспринят с должным вниманием и вызвал опасения.

Не единожды возникали конфликты между ВЧК и революционными трибуналами по ряду поводов, в первую очередь при попытках трибуналов или прокуратуры проконтролировать деятельность ВЧК в области предварительного расследования, а также критериев подсудности тех или иных дел различным судебным инстанциям.

Особенно раздражала руководство ВЧК деятельность Наркомюста. Не случайно уже в ходе обсуждения реформы ВЧК Ф.Э. Дзержинский писал в 1921 г.: «Отдача ВЧК под надзор НКЮста роняет наш престиж - умаляет наш авторитет в борьбе с преступлениями, подтверждает все белогвардейские рассказы о наших беззакониях, введение комиссара Губюста означает фактически перемену курса против ЧК, так как Губюст - это орган формальной справедливости, а ЧК - органы дисциплинированной партийной боевой дружины».[6] В письме Я.Х. Петерсу от 21 сентября 1922 г. Дзержинский писал: «Сейчас у НКЮста идет разговор, чтобы наших представителей изгнать, Трибуналы упразднить и таким образом НКЮст, введя прокуратуру и производя реформы в суде, не подготовит кадра работников - создаст фикцию правосудия, устраняя нас одновременно от этого дела. Прошу Вас взяться серьезно за это дело и составить план восстановления нашего влияния...».[7]

Первый шаг по пути реформы ВЧК был сделан как раз в связи с конфликтом между ней и НКЮ 15 октября 1921 г. По инициативе СНК была создана комиссия под руководством сначала Д.И. Курского, а позднее Ф.Э. Дзержинского для рассмотрения взаимоотношений ВЧК с органами юстиции.

ВЧК неоднократно вмешивалась в деятельность различных государственных учреждений, в результате чего провоцировала конфликты, которые заставляли центральные органы Советской власти реагировать на них, тратить время на межведомственные дразги. Подобная ситуация сложилась в 1919 г., когда в ответ на неоднократное вмешательство в деятельность железнодорожной администрации со стороны ВЧК в адрес Ленина пришла телеграмма Я.М. Свердлова с протестом против подобных действий чекистов. На заседании Совета Обороны по инициативе Ленина вопрос был поставлен на обсуждение, и вышло постановление от 24 февраля с поручением ВЧК прекратить подобную практику. Позднее, в марте, вышло постановление об урегулировании взаимоотношений между ВЧК, железнодорожными ЧК и НКПС.[8]

О довольно непомерных запросах чекистов по своим полномочиям говорит и ситуация во взаимоотношениях НКВД и ВЧК. В 1921 г. Иностранный отдел ВЧК представил в СНК доклад о деятельности и состоянии дел в НКВД. В этом докладе чекисты указали на такие недостатки: отсутствие твердой руки во внутренней работе, открытый доступ в НКВД, плохая охрана, отсутствие секретариата и управления делами, неопределенность функций работников и отделов, засилье спецов, засилье меньшевиков и бундовцев. Подобная критика ВЧК затрагивала базовые элементы полномочий НКВД: здесь и структура организации, и кадровая политика, и принципы управления. Фактически все три элемента были признаны порочными.

Но чекисты не ограничились лишь критикой, они предложили свой рецепт лечения этих пороков. Меры предлагались следующие: принять на административную работу в НКВД коммунистов, лишить спецов права сношения с представителями буржуазных государств и права руководить работой политического характера, закрыть иностранцам доступ в НКВД, реорганизовать работу по секторам, Паспортный отдел НКВД слить с Паспортным отделом Особого отдела ВЧК, курьерскую службу подчинить Особому отделу ВЧК, заведование домами НКВД передать Особому отделу ВЧК, секретная почта НКВД должна проходить через ВЧК.[9]

Фактически ВЧК предлагала отдать под свой контроль всю административную работу в НКВД, а также кадровую политику. В этом случае ВЧК могло проталкивать своих людей на все должности в НКВД и влиять на внешнюю политику государства, что могло привести к значительному усилению влияния чекистов в государстве.

Борьба за НКВД продолжилась и после реформы ВЧК - знамя ее подхватило ГПУ.

Немаловажным фактором, повлиявшим на осуществление реформы, был фактор внешнеполитический. Советская республика нуждалась в передышке, конфронтация с соседями и крупными державами завела в тупик, «шапкозакидательские настроения» и наивный революционный романтизм необходимо было отбросить. Наступало время холодных расчетливых администраторов. Советская Россия отвоевала жизнь и свободу, теперь надо было восстанавливать народное хозяйство, а это можно было делать только в одном случае - используя инвестиции иностранных государств. Рационализм брал верх над идеологией. Стояли задачи прорыва дипломатической блокады и налаживания экономического сотрудничества с внешним миром. Полным ходом шла подготовка к Генуэзской конференции. В этих условиях такой фактор как политический авторитет и престиж государства стал играть значительную роль. Необходимо было показать себя правительством, готовым к диалогу. Для этого чрезвычайщину надо было ликвидировать, в частности реформировать репрессивные органы.

Прелюдией к реформированию ВЧК стала реорганизация войск внутренней службы.

В 1920 г. все внутренние войска, называвшиеся вначале Войсками внутренней охраны республики (ВОХР), а позднее - Войсками внутренней службы (ВНУС), находились в ведении НКВД РСФСР. Во ВНУС фактически входили все ведомственные военные формирования, относившиеся к НКПС, НКВД, ВЧК и Наркомпроду. Для сокращения армии и централизации управления внутренними войсками СТО в январе 1921 г. принял постановление о реорганизации войск внутренней службы: все ведомственные войска объединялись под руководством военного ведомства. При этом войска, состоявшие в ведении ВЧК, объединялись в особый вид войск - «войска ВЧК». Войска ВЧК стали самостоятельной структурой, не входящей в военное ведомство; в их компетенции были охрана путей сообщения и коммуникаций, границ государства и складов. При этом их снабжение шло по линии Наркомата по военным делам, а численность определялась по соглашению с РВСР и утверждалась СТО. В январе 1921 г. личный состав войск ВЧК был исключен из списков РККА, командующим войск ВЧК стал бывший командующий ВНУС В.С. Корнев.[\[10\]](#)

К прелюдии реформы можно отнести и ситуацию с отменой смертной казни. В декабре 1920 г. ВЧК запретила производить казни губернским комиссиям без своей санкции. Дело в том, что высшая мера наказания ранее была отменена, но в связи с обострением внешнеполитической обстановки (Советско-польская война) и ростом «бандитизма» ее применение было восстановлено. ВЧК, чувствуя, что тучи над ней сгущаются, в январе 1921 г. попыталась выступить с рядом инициатив. Об этих инициативах сообщал Дзержинский в письме в адрес ЦК РКП(б) от 13 января 1921 г. Здесь и отмена высшей меры наказания, но с исключением для тяжких преступлений, и отмена военного положения в ряде губерний. Правда, при этом передача судебных функций от ВЧК к трибуналам мыслилась председателем ВЧК не по схеме, содержащейся в декретах и положениях о ревтрибуналах, то есть по закону, а путем ведомственного соглашения между ЧК и трибуналами на местах.[\[11\]](#)

К тому же ВЧК в этом письме призывала к реформированию судебной системы, а не к реформированию себя самой. Здесь же содержалась инициатива по пересмотру тюремной политики, для чего ВЧК даже образовала комиссию. В основу новой тюремной политики чекисты положили «классовый принцип»: «тюрьма для буржуазии, товарищеское воздействие для рабочих и крестьян».[\[12\]](#)

Приказ председателя ВЧК № 10 от 8 января 1921 г. указывал следующие меры карательной политики: «...б) Первоочередное рассмотрение дел рабочих и крестьян, шире применять отпуск на поруки и подписку о невыезде; арест сузить, изоляция буржуазии от рабочих и крестьян в тюрьме; концлагерь для буржуазии. Ни один рабочий и крестьянин за мелкую спекуляцию и уголовное преступление не должен числиться за органами ЧК».[\[13\]](#)

Итак, именно в 1921 г. сложилась ситуация, когда все условия, способствовавшие реформе, обрели актуальность в связи с задачами, которые встали перед партийно-государственным руководством страны, а именно: сохранение своей власти и проведение новой экономической политики.

15 ноября 1921 г. СНК, заслушав доклад Д.И. Курского, постановил создать комиссию в составе Дзержинского, Курского и Каменева, которая должна была в двухнедельный срок подготовить постановление о нормах взаимоотношений ВЧК и Наркомюста.[\[14\]](#)

Позднее по инициативе Ленина вопрос перешел из плоскости обсуждения взаимодействия ВЧК и НКЮ в плоскость обсуждения полномочий ВЧК. Каменев, давний сторонник сокращения ее полномочий, подготовил набросок проекта постановления Политбюро о ВЧК. 29 ноября 1921 г. Ленин в своей записке Каменеву писал: «т. Каменев. Я ближе к вам, чем к Дзержинскому. Советую Вам не уступать и внести в Политбюро. Тогда отстоим *тахітум* из максимумов. На НКЮ возложим еще *ответственность* за *недонесение* Политбюро (или Совнаркому) дефектов и неправильностей ВЧК».[\[15\]](#)

Несколько ранее, 18 ноября 1921 г., на заседании Политбюро был поставлен вопрос о сокращении штатов ВЧК по докладу В.В. Куйбышева и И.С. Уншлихта. Вопрос этот также был отдан на откуп комиссии Каменева, Курского и Дзержинского.[\[16\]](#)

1 декабря Ленин предложил свой набросок постановления на Политбюро: «1. компетенцию сузить; 2. арест еще уже права; 3. срок < 1 месяца; 4. суды усилить или только в суды; 5. название; 6. через ВЦИК провести > серьезные умягчения».[\[17\]](#)

Предложения эти были приняты и легли в основу постановления Политбюро: «6. Назначить комиссию в составе т.т. Каменева Л.Б., Курского Д.И., Дзержинского Ф.Э. для обсуждения вопроса в 5-дневный срок. Директивы комиссии: а) сузить компетенцию ВЧК, б) сузить право ареста, в) назначить месячный срок для общего проведения дел, г) суды усилить, д) обсудить вопрос об изменении названия, е) подготовить и провести через ВЦИК общее положение об изменении названия».[\[18\]](#)

14 декабря 1921 г. Политбюро приняло несколько важных решений по механизму разработки нового положения о ВЧК. На Политбюро основным был вопрос о проведении пленума, партийной конференции и съезда Советов, одним из вопросов которого стала бы проблема ВЧК. Было решено, что Ленин в своей речи, посвященной открытию съезда, в нескольких словах затронет проблему ВЧК и разъяснит необходимость ее реформирования. Затем в своем докладе по экономической политике государства Каменев подробно объяснит необходимость реформирования. Далее в ходе прений по докладу И.Н. Смирнов от имени большевистской фракции съезда должен внести конкретные предложения по этому вопросу.

28 декабря по предложению И.Н. Смирнова IX съезд Советов принял резолюцию о реорганизации ВЧК. В ней было отмечена героическая работа органов ВЧК в самый острый момент Гражданской войны и «громадные заслуги, оказанные ими делу

укрепления и сохранения завоеваний Октябрьской революции от внутренних и внешних покушений» и содержалось решение о ее упразднении.[\[19\]](#)

Так была получена высшая санкция на реорганизацию ВЧК.

Работа над реформированием ВЧК развернулась еще до съезда. В декабре появились на свет проекты Дзержинского и Курского. Положение об упразднении ВЧК разрабатывалось в развитие резолюции съезда, оно должно было определить правовой статус и полномочия нового карательного учреждения.

Именно тогда, в начале пути к реформе, позиции ВЧК были ослаблены в связи с тем, что 31 декабря 1921 г. Дзержинский был откомандирован в Сибирь как уполномоченный СТО по урегулированию всех вопросов, связанных с вывозом хлеба. При этом он сохранил посты в подкомиссиях по ВЧК и по меньшевикам. Лишь 9 - 10 января 1922 г. его сменил в них И.С. Уншлихт. В подобной ситуации, естественно, у ВЧК возникли трудности в деле защиты своих интересов от реформаторов. Координировать свои действия и оперативно реагировать на маневры своих оппонентов стало гораздо сложнее. В связи с новыми задачами, текущей работой и разделенностью руководства Уншлихту постоянно приходилось координировать свои действия со своим начальником, что отнимало время и сужало возможности политического маневрирования.

В период с 18 января по 4 февраля 1922 г. Уншлихт подготовил несколько вариантов проекта положения об органах государственной безопасности и представил их для анализа Ленину. По ним можно проследить процесс обсуждения, шедший в верхах, и сделать вывод, что под давлением мнения большинства ВЧК вынуждена была постепенно сдавать свои позиции одну за другой.

Фактически уже на заседании Политбюро 23 января основные моменты, касающиеся реформирования ВЧК, были определены и одобрены. Было сформулировано положение ВЦИК о ВЧК.

2 января 1922 г. состоялось утверждение проекта положения о реорганизации ВЧК на заседании Политбюро.[\[20\]](#) На этом же заседании Уншлихту было поручено представить на предварительное утверждение Политбюро положение о Государственном политическом управлении. При этом особое внимание было обращено на реорганизацию Экономического отдела ВЧК, а по вопросу о распределении имущества ВЧК была создана комиссия Президиума ВЦИК, в составе И.С. Уншлихта, Д.И. Курского и А.С. Енукидзе.[\[21\]](#) Показательно, что официально состав комиссии должен был определиться Президиумом ВЦИК, а фактически он заранее определился на Политбюро ЦК. Одновременно встал вопрос о статусе служащих нового учреждения, в частности о признании их военнослужащими. Вопрос этот так же был отдан в ведение комиссии Уншлихта.

6 февраля 1922 г. ВЦИК принял декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах производства обысков, выемок и арестов». Задачи, которые ранее выполняла ВЧК, возлагались на Народный комиссариат внутренних дел, для чего в его составе создавалось Государственное политическое управление (ГПУ) под председательством наркома внутренних дел. На местах вместо чрезвычайных комиссий создавались политические отделы, а также их уполномоченные. От выполнявшихся ранее органами ВЧК задач по борьбе со спекуляцией, должностными и иными преступлениями органы ГПУ освобождались, и все уголовные дела по этим преступлениям передавались в народные суды и революционные трибуналы по принадлежности. ВЦИК наделил органы

госбезопасности правами органов дознания и предварительного следствия. Они имели право ареста, обыска (уездные уполномоченные прав ареста и обыска не имели), выемки, право использовать в оперативно-служебной деятельности гласные и негласные средства и методы, в том числе агентуру, проводить розыскные мероприятия (агентурное наблюдение за преступными или подозреваемыми лицами, группами и организациями), просматривать почтово-телеграфную и иную корреспонденцию как внутреннюю, так и заграничную, выдавать разрешение на въезд и выезд в РСФСР, высылать за пределы страны неблагонадежных граждан.[\[22\]](#)

С созданием ГПУ прекращалась практика внесудебного рассмотрения дел органами государственной безопасности: «Впредь все дела о преступлениях, направленных против советского строя, или представляющих нарушения законов РСФСР, подлежат разрешению исключительно в судебном порядке революционными трибуналами или народными судами по принадлежности».[\[23\]](#)

Последняя мера значительно сузила полномочия ГПУ и подвигла чекистов на борьбу за их расширение.

ГПУ пыталось добиться для себя больше полномочий, финансов, статусных и человеческих ресурсов. Так, 9 февраля 1922 г. на Политбюро был поднят вопрос о том, что необходимо оставить в рядах органов государственной безопасности коммунистов со стажем работы один год, но в просьбе было отказано. Правда, Политбюро предложило Уншлихту возбудить персональное ходатайство об оставлении подлежащих мобилизации коммунистов в числе до 500 человек. Это решение шло в русле сокращения штатов ГПУ и мобилизации чекистов на фронты хозяйственного, культурного, государственного и военного строительства.

Другая работа Дзержинского по-прежнему не давала ему возможности влиять на ход реорганизации ВЧК. 22 февраля 1922 г. Уншлихт был официально назначен заместителем председателя ГПУ и членом коллегии НКВД. 6 - 7 марта в ходе телефонного опроса членов Политбюро произошло предварительное утверждение положения о ГПУ. А 9 марта на заседании Политбюро это положение было окончательно одобрено, причем решено было принять его особым постановлением ВЦИК. Тогда же было утверждено положение об особых отделах ГПУ, разработанное Уншлихтом, Курским и Енукидзе.

В этот день ряд дополнений и предложений, выдвинутых Уншлихтом, были приняты. Так, все внесудебные приговоры ВЧК по делам, не являющимся напрямую политическими, теперь должны были пересматриваться по мере надобности особой комиссией под руководством представителя ГПУ, помимо которого в нее входили еще представители Верховного трибунала и НКЮ. Что же касается политических преступлений и преступлений по должности, совершенных сотрудниками ЧК, то пересмотр приговоров по этим делам всецело должен был быть возложен на ГПУ.

Третья уступка для ГПУ заключалась в том, что следствие по делам его собственных сотрудников должно было вестись только силами ГПУ.[\[24\]](#)

ГПУ также получило право изолировать граждан иностранных государств до произведения обмена в лагерях по согласованию с НКВД и с ведома Президиума ВЦИК.

К числу уступок можно отнести и то, что впредь РВСР должен был советоваться с ГПУ, прежде чем производить мобилизацию лиц призывного возраста, работающих в его органах. Это говорило об особом положении ГПУ и оставляло его сотрудникам надежду,

что в скором времени они будут приравнены к военнотружущим и получают полную автономию от армии в кадровом отношении. Все материалы следственного производства по делам, подсудственным ГПУ, проходящие через судебные органы, должны были по вступлении приговора в силу направляться в архив ГПУ.[\[25\]](#)

К тому же революционные трибуналы, народные суды и другие судебные органы и следственные учреждения обязаны были копии всех своих приговоров и постановлений по делам, направляемым туда ГПУ и его местными отделениями, направлять в ГПУ по принадлежности в течение 48-ми часов с момента вынесения приговора.

Фактически 9 марта 1922 г. еще не завершившееся реформирование органов государственной безопасности породило тенденцию контрреформы. Базовые идеи реформы не были поставлены под сомнение, но уже стали видны пути, по которым позднее развернулось наступление ГПУ, чтобы повысить свой политический статус и расширить свои полномочия. Базовые документы, определившие суть реформы были уже приняты. Поэтому ГПУ постепенно встало на путь отвоевывания своих утраченных позиций, используя при этом внутривластическую ситуацию в стране, свои информационные ресурсы и негативные моменты в деятельности своих ведомственных оппонентов.

Не случайно именно на этом заседании Уншлихт вновь поднял вопрос о «бандитизме». В своем выступлении он показал сложность и взрывоопасность ситуации, напомнил о событиях недавнего прошлого и предложил свой рецепт борьбы. А рецепт этот прост: надо только предоставить ГПУ право непосредственной расправы над уголовниками, рецидивистами, грабителями, застигнутыми на месте преступления с оружием в руках, вновь расширить применение ссылки и заключения в концлагерь анархистов и эсеров.[\[26\]](#)

Предложения Уншлихта нашли поддержку: НКВД было поручено провести их постановлением в течение трех дней. Подобное решение шло вразрез с принятым положением о ГПУ, но оно приобретало характер чрезвычайной ведомственной меры.

С этого дня натиск ГПУ начал усиливаться и оно стало отвоевывать свои утраченные позиции. 22 марта Уншлихт поднял вопросы по некоторым пунктам положения о ГПУ, касающихся статуса работников ГПУ. Он добился, чтобы конфликты губотделов ГПУ и исполкомов местных Советов по вопросам назначения начальника губотдела решались ВЦИК. Прошло на этом заседании и решение о создании бюро содействия органам ГПУ в советских хозяйственных органах.

27 апреля 1922 г. ГПУ добилось на Политбюро предоставления права непосредственных расправ на месте в отношении «бандитских элементов». Решение об этом оформлялось комиссией ВЦИК в составе Д.И. Курского, Н.В. Крыленко, М.И. Калинина и И.С. Уншлихта. Эта же комиссия разрабатывала принятое позднее постановление о предоставлении ГПУ права высылки уголовных элементов.[\[27\]](#)

12 июня на Оргбюро и 15 июня на Политбюро был определен состав коллегии ГПУ, в которую вошли все старые работники ВЧК: Ф.Э. Дзержинский, И.С. Уншлихт, В.Р. Менжинский, Г.Г. Ягода, Я.Х. Петерс, В.Н. Манцев, С.А. Мессинг, В.Н. Медведь.[\[28\]](#)

Казалось, реформа завершена, но вновь был поднят вопрос о правах ГПУ. 28 сентября 1922 г. на заседании Политбюро, на котором присутствовали Л.Б. Каменев, И.В. Сталин, А.И. Рыков, М.И. Томский, В.М. Молотов, М.И. Калинин, Н.В. Крыленко, Ф.Э. Дзержинский и Г.Г. Ягода, состоялось обсуждение проекта постановления ВЦИК о правах

ГПУ. В результате было принято секретное постановление, которое давало ГПУ право внесудебных репрессий вплоть до расстрела в отношении ряда преступников, а также права ссылки и высылки и заключения в лагерь. Фактически все уступки, которые ГПУ получило в период с 9 марта, были утверждены этим постановлением.[\[29\]](#)

В дальнейшем, вплоть до создания ОГПУ, шло обсуждение двух ключевых вопросов, касающихся ГПУ: взаимоотношения его с НКВД и о сокращении штатов войск ГПУ.

Таким образом, в процессе разработки и утверждения реформы ВЧК можно выделить следующие основные моменты.

Во-первых, процесс реформирования ВЧК с самого начала проходил по инициативе Политбюро ЦК ВКП(б). Главным вдохновителем реформирования был Ленин.

Во-вторых, все формальные моменты утверждения решений по этому вопросу на первом этапе исходили от ЦК партии. Схема принятия решений была такой: Политбюро - съезд Советов - ВЦИК - Политбюро - комиссия - Политбюро. В этой схеме органы Советской власти призваны были придать легитимность решениям партийных органов.

В-третьих, процесс обсуждения и выдвижения проектов реорганизации ВЧК проходил в русле ведомственного противоборства между ВЧК, НКЮ, революционными трибуналами и т.п. Вопросы, обсуждаемые в ходе прений, напрямую затрагивали интересы ряда ведомств, поскольку речь шла о перераспределении полномочий. Это вызывало в ведомствах стремление к защите своих интересов. Именно эти мотивы лежали в основе практически всех проектов реформирования. Фактически это был статусно-ролевой конфликт. В центре конфликта оказались типичные аспекты политического статуса: место в иерархии политической власти, совокупность и объем статусных обязанностей, реальная возможность тех или иных групп участвовать в политической жизни и влиять на нее.[\[30\]](#)

Однако не стоит и преувеличивать роль ведомственного конфликта. Он был отчасти катализатором реформирования и не более; да, он влиял на характер и ход обсуждения, на позиции сторон, но он не определял направления реформирования. Причины реорганизации ВЧК были гораздо глубже, именно они определили ход процесса. Что касается партии, то она в лице своего ЦК и Политбюро выступала главным инициатором реорганизации ВЧК. Именно интересы правящей элиты были определяющим фактором реформирования. Ведомственные мотивы могли оказать влияние лишь в случае, если не противоречили взглядам партийной элиты, во всех иных случаях они просто игнорировались.

В-четвертых, в процессе разработки и утверждения решений по реформированию ВЧК можно выделить два этапа. Первый: ноябрь 1921 - 9 марта 1922 гг. – этап наступления на полномочия ВЧК. Второй: март 1922 – 1923 гг. – этап контрреформирования.

В-пятых, все обсуждение проходило в узком кругу партийной элиты, без привлечения общественности, а роль государственных органов была ограничена формальным утверждением заранее предreshенных решений, что свойственно авторитарным системам. Подобный характер механизма разработки реформы отвечал реалиям того времени и вытекал из особенностей советской политической системы.

Примечания:

[\[1\]](#) Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 328 - 329.

- [2] В.И. Ленин и ВЧК (1917 - 1922 гг.). М., 1975. С. 545.
- [3] РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2558. Л. 2.
- [4] ЦИА г. Москвы. Ф. 2429. Оп. 5. Д. 9. Л. 3, 4; Оп. 6. Д. 9. Л. 2, 3, 4.
- [5] *Мардамышин Р.Р.* История Башкирской ЧК. Уфа. 1995. С. 19.
- [6] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 33.
- [7] Там же. Л. 49.
- [8] В.И. Ленин и ВЧК. С. 165.
- [9] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 239. Л. 1.
- [10] В.И. Ленин и ВЧК. С. 427 - 428.
- [11] Там же. С. 425.
- [12] Правда для служебного пользования: Из документов личного архива Ф.Э. Дзержинского // *Неизвестная Россия: XX век.* Кн. 1. М., 1992. С. 46.
- [13] Ф.Э. Дзержинский о революционной законности // *Исторический архив.* 1958. № 1. С. 16.
- [14] В.И. Ленин: Биографическая хроника. Т. 11. М., 1985. С. 613.
- [15] В.И. Ленин и ВЧК. С. 536.
- [16] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 322. Л. 2, 3.
- [17] В.И. Ленин и ВЧК. С. 538 - 539.
- [18] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 567.
- [19] Известия ВЦИК. 1921. 30 дек.
- [20] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 256. Л. 2.
- [21] Там же.
- [22] Советское государство и революция права. 1930. № 2. С. 157.
- [23] СУ РСФСР. 1922. № 16. С. 160.
- [24] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 279. Л. 2.
- [25] Там же.
- [26] Там же. Л. 3.

[27] Там же. Л. 4.

[28] Там же. Л. 4, 9.

[29] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 314. Л. 1, 6, 7.

[30] Глухова А.В. Политические конфликты : основания, типология, динамика. М., 2000. С. 94.